

ივანე ჯავახიშვილის თბილისის
სახელმწიფო უნივერსიტეტი
Ivane Javakhishvili Tbilisi State
University, Faculty of Social and
Political Sciences

Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de Relații
Internaționale, Științe Politice și
Administrative

Seventh Framework Programme
Marie Curie Actions
IRSES

კოორდინატორები/ Coordonatori/ Coordonators:
Malkhaz Matsaberidze, Valentina Teosa, Rodica Svetlicinai

საქართველო და მოლდოვა:
დემოკრატიული სახელმწიფოს მშენებლობის გამოცდილება
Georgia și Moldova:
Experiența de Formare a Statului Democratic

საერთაშორისო სამეცნიერო კონფერენცია
Conferința științifică internațională

26 თებერვალი 2016
26 Februarie 2016

თბილისი 2016
Tbilisi 2016

კრებულის გამოცემა მხარდაჭერილ იქნა მარია კიურის IRSES FP7 ევროპული პროგრამის „ცენტრალური და აღმოსავლეთ ევროპის ქვეყნების ევროკავშირში ინტეგრაციის პროცესების დროს გაჩენილი შესაძლებლობების და შეზღუდვების, გამოწვევების და წინაშობების საუკეთესო პრაქტიკები და გამოცდილებები, საქართველოსა და მოლდოვის ინტეგრაციის პროცესების მაგალითზე“ და მასში შედის პროექტის ქართველი და მოლდაველი მონაწილეების მიერ საერთაშორისო სამეცნიერო კონფერენციაზე წარმოდგენილი მოხსენებები. კონფერენცია ორგანიზებული იყო ივ. ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის სოციალურ და პოლიტიკურ მეცნიერებათა ფაკულტეტის პოლიტიკის მეცნიერებების დეპარტამენტის და მოლდოვის სახელმწიფო უნივერსიტეტის მიერ და მიემდვნა ორივე ქვეყანაში, დემოკრატიულ პროცესებთან დაკავშირებული რეალობის და ტენდენციების, გამოწვევების და პერსპექტივების მრავალგანზომილებიან კვლევას. სტატიები განკუთვნილია მეცნიერთათვის, დოქტორანტურის და მაგისტრატურის სტუდენტებისთვის, პოლიტიკოსებისა და სამოქალაქო საზოგადოების წარმომადგენლებისთვის - ყველასთვის, ვისაც კი წარმოდგენილი პრობლემატიკა აინტერესებს.

This edition was supported by a Marie Curie IRSES FP7 European Programme “Possibilities and limits, challenges and obstacles of transferring CEE EU pre-accession best practices and experience to Moldova’s and Georgia’s pre-accession process” and includes the collection of materials presented by project participants from Georgia and Moldova at the international scientific conference organized by Department of Political Sciences, Faculty of Social and Political Sciences of Iv. Javakhishvili Tbilisi State University in collaboration with researchers from Moldova State University and is dedicated to multidimensional study of realities and tendencies, challenges and perspective solutions of democracy development process in both countries. The articles are addressed to academics, PhD and master students, politicians and civil society representatives, - to ALL, who may concern by the presented problematic.

Această ediție a fost elaborată cu suportul programului european FP7 Marie Curie IRSES "Posibilități și limite, provocări și obstacole în transferul celor mai bune practici și experiențe de pre-aderare la CEE EU în procesul de integrare europeană a Republicii Moldova și Georgiei" și include materialele prezentate de către participanții proiectului din Georgia și Republica Moldova la conferința științifică internațională organizată de către Departamentul Științe Politice, Facultatea de Științe Sociale și Politice a Universității de Stat Iv. Javakhishvili din Tbilisi în colaborare cu cercetători de la Universitatea de Stat din Moldova și este dedicată studiului multidimensional a realităților și tendințelor, provocărilor și soluțiilor de perspectivă ale procesului de dezvoltare a democrației în ambele țări. Articolele sunt adresate cadrelor didactice universitare, doctoranzilor și masteranzilor, politicienilor și reprezentanților societății civile, precum și tuturor celor care manifestă interes față de problematica abordată.

საგამომცემლო საბჭო/ Edition Board/ Colegiul de redacție: //M. Matsaberidze, dr. prof.univ.; V.Teosa, dr. hab., prof. univ., R.Svetlicinai, dr., as. prof.(coordinators of edition), A. Kukhianidze, dr. prof.univ.; S. Dundua, dr.as. prof., Nana Macharashvili, dr.as. prof, TSU; N.Putina, dr., as. prof., S.Cebotari, dr. as. prof., D. Bencheci, dr.as. prof., MSU (members)

სტატიებში გამოთქმული იდეები და მოსაზრებები წარმოდგენილია ავტორთა ფორმულირებით და არ ასახავს სარედაქციო საბჭოს პოზიციას/ Ideas and opinions in articles are presented in authors formulations and don't reflect Editorial Board approaches / Ideile și opiniile din articole reprezintă formularea autorilor și nu reflectă viziunea colegiului de redacție.

სტატიები წარმოდგენილია ავტორთა რედაქციით /Articles are presented in authors edition/ Articolele apar în redacția autorilor.

Georgia and Moldova: Experience of Building Democratic State. International Scientific Conference. Tbilisi, 26 February 2016. Coordonators: Malkhaz Matsaberidze, Valentina Teosa, Rodica Svetlicinai. Tbilisi, TSU, 2016 – 197 p.

ISBN 978 – 9941 – 0 – 8985 - 5

© TSU, 2016

Content

TEOSA Valentina Повышение качества демократии в Молдове и Грузии как основа европейского будущего.....	5
PARASHASHVILI Nino GEORGIA AND MOLDOVA: ECONOMIC ASPECTS OF DEMOCRATIC STATE BUILDING	17
МАЦАБЕРИДЗЕ Малхаз КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ	28
BEREGOI Natalia UNDERSTANDING INTERNATIONAL RELATIONS THROUGH: SYSTEM APPROACH	36
ЧЕБАН Кристина КОРНЯ Владислав МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ГОРИЗОНТ 2020» В ЦЕЛЯХ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРОЦЕССА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА	44
КРЕШНЁВ Алексей ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ, АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)	54
КЕШЕЛАВА Важа ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА НЕБОЛЬШОГО ГОСУДВРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	61
GORBATIUC Marina PHASES OF FORMING AND PRINCIPLES OF ACTIVITY: FROM CSCE TO OSCE	72
DUNDUA Salome SOCIAL POLICY AND MODERN GEORGIA.....	79
ЯЦКО Марианна СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА.....	85
КУХИАНИДЗЕ Александр УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ГРУЗИИ.....	94

STERPU Vladimir CRIMINAL SECURITY POLICIES IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA.....	108
СВЕТЛИЧНЫЙ Родика ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ДЕФИЦИТ ДИАЛОГА	117
KARAIA Tamar THE STATE OF CIVIC EDUCATION IN GEORGIA FROM FORMAL TO INFORMAL PRACTICES.....	127
ȚURCANU Alina POLITICAL PARTIES AS AN EXPONENT OF POLITICAL CRISES IN TERMS OF GEOPOLITICAL ORIENTATIONS: THE REPUBLIC OF MOLDOVA.....	134
MELIKIDZE Giorgi ELECTORAL VOLATILITY IN GEORGIA: QUALITATIVE ANALYSIS OF THE STABILITY OF PARTY SYSTEM	143
ТУРКО Татьяна ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ДИАСПОРОЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА.....	154
ДОЛИДЗЕ Валериян ЭМУЛЯЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ГРУЗИЯ И МОЛДОВА.....	166
ДАРБАИДЗЕ Эка ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1990, 1992 и 1995 ГГ.)....	192
ДАРЧАШВИЛИ Манана УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ.....	200
МАЧАРАШВИЛИ Нани НИПАРИШВИЛИ Тамила НАПЕТВАРИДЗЕ Ладо ЦХОВРЕБАДЗЕ Тинатин АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ ПАРЛАМЕНТА ГРУЗИИ СОЗЫВА 1992-95 ГГ.: КАЧЕСТВО ДЕЛИБЕРАЦИИ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ (СОГЛАСНО ЭТИКЕ ДИСКУРСА ХАБЕРМАСА).....	211
ABASHIDZE Zviad EUROPEAN REGULATIONS OF MINORITIES FROM THE GEORGIAN PERSPECTIVES	223

TEOSA Valentina

Doctor Habilitatus of Political Science,
University Professor, Moldova State University,
val.teosa@gmail.com

Повышение качества демократии в Молдове и Грузии как основа европейского будущего

Из опыта реализации научных исследований в рамках внедрения международного проекта FP7 Marie Curie Actions¹

Studying different aspects of democratic transformations in Moldova and Georgia has become one of the pivotal directions of young and experienced scholars' research and cooperation from four universities – University of Tartu, Vilnius University, Moldova State University, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University – within four years international project 7th European Community Framework Programme Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship “Possibilities and limits, challenges and obstacles of transferring CEE EU pre-accession best practices and experience to Moldova’s and Georgia's pre-accession process”. The researchers focused on the specific circumstances and policy trends analyses of Moldova and Georgia as the transition countries on the EU border and states between EU and Russia. This article presents some results of this project implementation including the studies of successes and failures, realities and prospects for democracy in to date Moldova and Georgia.

Ключевые слова: качество демократии, демократические преобразования, доверие, политические институты, европейская интеграция, международное сотрудничество.

Изучение различных аспектов демократических преобразований в Молдове и Грузии стало одним из центральных направлений сотрудничества и научной работы начинающих и опытных исследователей из четырех университетов – Университета Тарту Эстонии, Вильнюсского университета Литвы, Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили и Молдавского государственного университета - в рамках большого международного проекта *Программа 7, Содействие в подготовке и развитии карьеры исследователей (Marie Curie), Схема международного сотрудничества для исследователей (FP7 IRSES)*, актуальной и важной темы: Возможности и ограничения, вызовы и барьеры в переносе лучших практик и опыта европейской интеграции стран Центральной и Восточной Европы для интеграционного процесса Молдовы и Грузии.

¹ თქმდ რესეარტჷ წას სუპპორტულ ბყ ა არე ჩ ურე ინტერნაციონალლესეარტჷ შტოფი ხცჷანგე შცჷემ ე ელწ სჷმ წ იჭინ ტჷე 7ტ ურთჷან ჩ იმ მ უნივე რამ ეწ ირე როგრამ მ ე “ ოსსობლდეს ანდ ლი იტა, ცჷაღუნგეს ანდ ოსტატულს ოუ ტრანსფერინგ ჩ პრე-აქცესსონ ბესჷ პრე-აქცესსონ ანდ ებჷრინიე ტ ოლდოა'ს ანდ ეორთას პრე-აქცესსონ პროცესს”. რეფერეცჷ ებსიფე: <https://www.researcher.life/>

Целью исследований в рамках проекта является процесс сближения Грузии и Молдовы с Европейским Союзом, а значит все многообразие проблематики, связанной с ходом реализации европейских программ и планов для стран-соседей ЕС. Европейское измерение ситуации и тенденций экономического, правового, политического развития в Грузии и Молдове стало объектом изучения представителей академической науки из стран-участниц проекта в течение четырех лет (2013-2017 г.г.) его совместной реализации.

Фокус исследований был направлен на изучение опыта реформ европейских стран-участниц проекта, ограничений и возможностей применения их лучших практик на пути европейской интеграции двух стран – Грузии и Молдовы. Перед участниками проекта была поставлена задача: изучить существующую ситуацию в этих странах и высказать свои предложения, наиболее приемлемые для этих стран, по возможным решениям в преодолении препятствий и барьеров на пути успешного осуществления условий европейского выбора.

Результаты исследований и академической практики были целенаправленны и сконцентрированы в проведении определенных тематических рабочих групп и издании научных публикаций. Разработанные участниками материалы предполагается широко использовать в академической практике, в совершенствовании европейских программ во всех университетах стран-участниц проекта. Таким образом, участники проекта работали в четырех обозначенных направлениях исследований, в трех из них ключевая и организационная роль отводилась университетам из Эстонии и Литвы, а именно:

- обобщение опыта реформ стран Центральной и Восточной Европы на пути к евроинтеграции – Эстонии и Литвы, выделение необходимых положительных практик и проблем, возникавших в воплощении ключевых политик, соответствующих целям и критериям европейской «кондициональности»;

- изучение политических, правовых и экономических аспектов реализации Европейской политики соседства и европеизации с целью выделения необходимого положительного опыта реформ стран Центральной и Восточной Европы, возможного и необходимого для применения в странах, нацеленных на будущую ассоциацию с ЕС – в Грузии и Молдове;

- преподавание дисциплин по ЕС, отношениям ЕС – Россия, Европейской политики соседства в контексте междисциплинарной академической программы Европейские исследования (European Studies curricula).

Четвертое целевое направление “Бывшие страны СССР между ЕС и Российской Федерацией: анализ особенностей ситуации и политических тенденций”, объединившее усилия университетов Грузии и Молдовы, призванное синтезировать исследовательские усилия всех партнеров, концентрировалось на всестороннем,

комплексном изучении особых условий и политических трендов Грузии и Молдовы, как близких соседей ЕС и переходных стран, находящихся между ЕС и Россией.²

В этом контексте в обоих университетах было проведено ряд научных конференций, издано несколько специальных научных изданий, проведены десятки лекций и семинаров. За период проекта его участниками из Грузии и Молдовы было опубликовано более 50 научных статей в профильных научных периодических изданиях, как в своих странах, так и за рубежом.

Предваряя обзор вклада в исследование предложенной для настоящего издания темы, проведенное партнерами из Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили и Молдавского государственного университета, следует отметить, что согласно стратегии данного проекта, все три партнерских университета Эстонии, Литвы и Молдовы направляют своих исследователей в Тбилисский государственный университет им. Иване Джавахишвили. Таким образом, именно этот университет должны были посетить 70 представителей академической науки из трех стран для организации исследований, обмена опытом, участия в совместных научных проектах и методико-дидактической деятельности в течении 165 месяцев.

В проекте со стороны Молдовы участвовали 22 исследователя, из которых 17 – это докторанды, реализующие свои исследования в рамках работы над докторской диссертацией. Уникальность данного проекта, заключается в том, что он позволил в непростых условиях экономического кризиса представителям Молдовы провести «полевые исследования», находясь в Грузии в течение 64 месяцев, изучить опыт коллег, проанализировать и оценить ход реформ в политико-правовой, экономической и образовательной сферах. Грузинские исследователи не только получили возможность принимать в течение 4-х лет своих коллег, но реализовать свои исследования в университетах Эстонии, Литвы, Молдовы, находясь там, в общей сложности, в течение 135 месяцев. Этот научный диалог в академической среде, ставший возможным благодаря финансированию Европейской Комиссией программы по обмену опытом, имеет огромное значение для формирования научного потенциала Молдовы и Грузии, для установления связей в академической среде, формирования партнерских научных коллективов и проектов.

Другая сторона этого проекта и его достоинство заключается в том, что он открыт для широкого круга исследователей, представителей гражданского общества, политической элиты и государственного управления, которые также участвуют в организуемых конференциях, круглых столах, публикациях проекта. Несомненно, его главными бенефициарами являются студенты, мастеранды, докторанды. Акцент исследований молдавских и грузинских участников определяется научным интересом каждого из них и актуальностью проблем для Республики Молдова и Грузии.

² აღსრულდა ანდ ეორჯია – ტუე ტრანსიციონ ცონსტრუქს იბ ტუე ბონდერანდ სტატუს ბეჭე ეენ ანდ ლუქსა – ანაღმონტ ტუე სპეციფიკ ცონკრემ სტრატეგს ანდ პოლიცი ტრენდს

Для Республики Молдова одна из важнейших тем - вклад политической науки в модернизацию современного общества - стала темой международной конференции (12-13 ноября 2015г.), в организации и проведении которой были активно включены и участники настоящего проекта из Молдовы и Грузии, предложив свои решения важных для страны проблем политического и экономического развития, задач евроинтеграции и обеспечения безопасности. Издание материалов данной конференции было посвящено 20-летию Факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета. [1]

В рамках данной конференции участниками проекта FP7 и партнерами из университета Александру Ион Куза из Ясс, Румыния, был организован круглый стол, посвященный обсуждению реализации успехов и проблем Европейской политики Восточного партнерства, был поставлен вопрос о необходимости ее переосмысления и включения механизмов местного самоуправления, гражданского общества в ее реализацию. Отдельные исследования были посвящены роли таких факторов, как национальные стратегии европейской интеграции (К.Морарь), интернационализация университетского образования (В.Теоса), наконец, внешней политики (С.Чеботарь) в контексте Восточного партнерства. Сравнение ситуации стран Грузии и Молдовы в рамках Восточного партнерства было реализовано в презентации участника проекта А.Илашук. Отдельные представленные материалы также вошли в издание материалов проведенной конференции.

Особое направление исследований в историографии проекта занимают исследования проблем мира, безопасности и разрешения конфликтов – темы актуальной и важной для Грузии и Молдовы. Именно поэтому участники проекта инициировали исследование „*Мирное разрешение конфликтов с академической точки зрения*”³, поддержанное представительством Австрийского Агенства по Развитию в Молдове и коллегами из Австрии. Результаты участников проекта были представлены на научно-практической конференции (18-19 сентября 2015г.) «Если вы стремитесь к миру, вы должны работать для него» и в издании материалов конференции “*Мирные диалоги в Молдове: социальная интеграция, аккомодативные политики и стратегии с академической точки зрения*”⁴. [2] Поэтому изучение проблемы доверия и построения мира на Южном Кавказе, сравнение этих процессов с ситуацией в Молдове является предметом исследований и конференций, как в Молдове, так и в Грузии. [6]

Одновременно на протяжении всего периода активно разворачивалось научное сотрудничество молдавских исследователей со своими коллегами во время пребывания в Грузии. Молдавская сторона включила в проект экономистов, юристов, гуманитариев, политологов и международныхников. Особый акцент ставился на установление академических контактов с Факультетом социальных и

³ ეკუფილ რეკონსტრუქცი ატონ ფონ ცალემ დ ერპეცევე”

⁴ ილუან ეაცე დალეუქა სოციტალნიტეგონ, აცომ მ ლაგეე პოლეს ანლსტრუგეს, ფონ ან აცალემ დ ერპეცევე

политических наук ТГУ им. Иване Джавахишвили, а именно, с Департаментом политических наук, заведующий проф. Малхаз Мацаберидзе, и Департаментом международных отношений, заведующий, проф. Зураб Давиташвили, что соответствовало теме и цели данного проекта. Именно в рамках этих двух департаментов была организована стажировка 16 исследователей из Молдовы, включая 11 докторандов, которые не только проводили лекции и семинары, но и принимали активное участие в научных конференциях и круглых столах.

Так, на международной конференции, организованной при участии проф. Малхаз Мацаберидзе 22-23 февраля 2014 года в Государственном образовательном университете Гори, Образовательный исследовательский центр истории и археологии и посвященной Давиду Агмашенебели (Давиду Строителю)⁵, обсуждались результаты сравнительного анализа различных аспектов, успехов и барьеров на пути Грузии и Молдовы в достижении целей европейской интеграции, исследования практических политик европеизации, как-то: электронное правительство, этнические меньшинства и формирование национальной идентичности, национальные концепции и стратегии безопасности, перспективы сотрудничества с международными организациями в различных направлениях.

Сравнительное изучение успехов и проблем демократии в Молдове и Грузии детально рассматривалось на конференции «Геополитические трансформации на Кавказе: история и современность», проведенной в Университете Батуми 18 марта 2016 года (Geopolitical Transformation in the Caucasus: History and Modernity) организованной по инициативе и под руководством проф. Малхаз Мацаберидзе и доцента Молдавского госуниверситета Родики Светличной с активным участием исследователей из обеих стран.

Эти и другие актуальные аспекты внутренней и внешней трансформации наших стран также стали предметом обсуждения 26 апреля 2016 года на конференции "25 лет независимости: достижения, проблемы, перспективы", организованной Департаментом политических наук ТГУ им. Иване Джавахишвили, в которой приняли участие и молдавские исследователи. Предлагаемое широкому читателю издание «Грузия и Молдова: опыт построения демократического государства» – это опубликованные материалы научной конференции, проведенной в Батуми. Важно отметить, что разнообразие проанализированных в статьях аспектов, только подчеркивает главную идею этого сборника: демократия – это обязательная основа, необходимое условие, эффективный фактор развития наших стран. Более того, качество демократии сегодня определяет потенциал модернизации политической, экономической, социальной сфер жизни и, в конечном счете, перспективы достижения европейских целей развития, обозначенных в Соглашениях об Ассоциации, подписанных обеими странами с Европейским Союзом в 2014 году.

⁵ იმ შტატი ორგანიზაციაში, ლუკაგომბაძისკენ მიმართული ძალადობრივი რეპრესიების, ინტერნაციონალური სტრატეგიის რეკონსტრუქციის, ლუკაგომბაძის გავლენის შესახებ (ავტორები უცნობი, ებრუარე 22-23, 2014)

Именно европейское измерение демократических реформ во всех сферах могут помочь и Грузии, и Молдове найти ответы на вопрос, который волнует наши страны сегодня: как долго Грузия и Молдова будут значиться в кандидатах на полноправное членство в ЕС. Что должно сделать в каждой стране? Какие барьеры преодолеть? Какая поддержка от европейских партнеров желательна на этом пути? Для Республики Молдовы вопросы сегодня формулируются еще более жестко: как и почему за последние четыре года страна прошла путь от страны с успешной историей и опытом на пути евроинтеграции до такой негативной оценки, как «несостоявшееся государство». Реальностью является тот факт, что и первая, и вторая оценки звучат, как на экспертном уровне, так и на уровне гражданского общества. В основу методологии поиска ответов на эти непростые вопросы положен сравнительный подход при рассмотрении экспертных оценок различных аспектов демократического процесса в Молдове и Грузии.

К несомненным потерям качества демократических институтов Молдовы относится то, что население страны демонстрирует с весны 2015 года доверие к основным государственным институтам на уровне 11-14% согласно опросам. Значительная часть населения Молдовы выступает против про-европейских партий: в 2014 про-европейские партии поддерживали 18-21% населения, в 2015 г. – этот показатель опустился до 5-7%. Одновременно 2015-2016 г.г. отмечены массовыми выступлениями против всех ветвей власти, протестуют, как те, кто за европейский выбор страны, так и те, кто за вхождение в Евразийское экономическое сообщество и Таможенный Союз. Молдавская демократия дала уникальный пример отрицания существующих политических институтов – участие населения в двух «майданах». В конечном счете, европейскую интеграцию как политический вектор страны называют все меньший процент опрошенных: в 2009 г. 63% населения поддерживали европейский выбор Молдовы, в 2015 – менее 30%. [3, 58-59]

К сожалению, недоверие к политическим институтам и, как следствие, отрицание предлагаемого политического курса еще более негативно воспринимается в этнических сообществах. Как показывают опросы, более 82% украинцев, из 8,2 % населения проживающих в Молдове, 75% русских – из 5,9%, 79,8% гагаузов и болгар, из соответственно 4,4% и 1,9% населения страны высказываются против европейской интеграции. [3, 51] Данная политическая ситуация в стране не способствует сближению двух берегов Днестра, не смотря на усилия международного сообщества. Как отмечают студенты с двух берегов – политическая нестабильность и слабость демократии, отсутствие четкой позиции Кишинева и Тирасполя по вопросу урегулирования Приднестровского конфликта, снижают эффективность политики по формированию мер доверия, продвигаемой международными структурами. По данным проведенных опросов среди студентов обоих берегов Днестра, то, что еще недавно было очевидным успехом мирного процесса - сотрудничество в неправительственном секторе, внедрение совместных проектов и программ, направленных на формирование социальных и гуманитарных связей, углубление демократических реформ обоих регионов,

межинституциональные профильные контакты, включая сферу образования, медиа, - все, что было наработано, резко затормозилось. [7]

По мнению экспертов, Молдова не стала привлекательной для жителей Приднестровского региона. [3, 60] Справедливости ради следует отметить, что и на молдавском берегу сохраняется немало предубеждений против другого берега. К сожалению, военный конфликт на Украине, значительно усугубил хрупкую ситуацию статус-кво в Молдове. С двух сторон усилилась милитаристская риторика, прервались политические контакты, резко снизилось экономическое сотрудничество между обоими берегами, обострилась экономическая ситуация в Приднестровье, вследствие украинской позиции в отношении транзита, направляемого в Россию, разрушились приграничные отношения Приднестровья и Одесской области, вследствие особой позиции губернатора М.Саакашвили, что привело к ужесточению пограничного режима на этом отрезке молдо-украинской границы.

Цифры поддержки европейского вектора не растут, не смотря на то, что с 2014 года большое количество про-европейских неправительственных организаций в рамках сформированной Национальной Платформы Гражданского Форума Молдовы за Восточное Партнерство широко включились в реализацию Соглашения по Ассоциации Республика Молдова – ЕС. [3, 48] Следует отметить, что аналогичные образования гражданского общества, но не в противостоянии с правительством, а в сотрудничестве с государственными и политическими структурами, добились значительно более ощутимых результатов в Грузии. Несомненными успехами демократии в Грузии стали мирная смена власти в 2012 году и выборы 2013 года. При этом в Грузии удалось сохранить взаимопонимание по вопросам основных приоритетов развития страны. По экспертным оценкам в Грузии по вопросу европейского выбора отмечается как единство политической элиты, представленной в Парламенте страны, так и населения, которое по данным опросов, демонстрирует «домашний политический консенсус» - 68% респондентов за вхождение страны в ЕС. [4, 26-28] На наш взгляд, для Грузии это хорошая основа для модернизации страны и углубления реформ. В этой обстановке вполне конструктивной выглядит позиция Индустриальной партии, единственной выступающей в составе правящей коалиции против курса на евроинтеграцию. Продвигаемое ее экономическое измерение интеграционных процессов, несомненно, требует детального обоснования и более конкретных гарантий со стороны европейских партнеров.

Демократия работающая, являясь основой легитимности любой власти, обязывает политическую и государственную элиты Грузии и Молдовы ориентироваться в определении целей внутреннего развития и внешнеполитического курса на их восприятие и поддержку населением и гражданским обществом. В этом контексте, должны рассматриваться не только европейские цели внешнеполитического курса, но и все другие основные стратегии реализуемые правительством. Если для Грузии вступление в ЕС и НАТО рассматриваются политической элитой как взаимосвязанные векторы внешнеполитического курса страны и поддерживаются населением, по разным

источникам, до 80% населения, то в Республике Молдова, этот вопрос также является линией раздела для политиков, гражданского общества и населения.

В основе такого разногласия лежит отношение в обществе к 11 статье Конституции Республики Молдова (1994г.), в которой закреплён статус постоянного нейтралитета. [5] Дискуссии по поводу актуальности данной статьи, целесообразности ее увязывания с европейским курсом страны и с отношениями с Российской Федерацией, а также ее эффективности в процессе урегулирования существующего в стране замороженного конфликта на протяжении десятилетий не исчезают с политической повестки и являются актуальными среди лозунгов на всех протестах гражданского общества. Реальность современной Молдовы отражена в опросах населения, когда только 20% высказывается за сближение с НАТО. Очень осторожно к этому вопросу относятся и многие лидеры про-европейской коалиции, напрямую увязывая его с рейтингом партии, с социальным миром и с протестным движением в стране.

Другой важный аспект развития наших стран – экономический и социальный, напрямую увязанный с неолиберальными реформами и свободным рынком, недооценивается как фактор демократического развития. На снижение потенциала демократических реформ, несомненно влияют ситуация в сфере реального сектора экономики и трудовых отношений, высокая безработица и значительные потоки трудовых мигрантов, бизнес климат и социальная незащищённость работников, неэффективность профсоюзного движения, диалога государства, организаций работников и работодателей, что дискредитирует механизмы демократии как необходимой части стратегий стабильного развития.

Безусловно, проблем в экономике накопилось много, внедрение реформ, положительно влияющих на развитие, идет противоречиво. К несомненным успехам в Грузии эксперты и международные организации относят антикоррупционные программы, формирование бизнес климата, развитие сферы туризма и строительства. Важно то, что удалось в условиях новой демократической атмосферы после 2012г. диверсифицировать векторы экономического сотрудничества: ЕС остается для Грузии крупнейшим торговым партнером – 28% всего импорта и 20% экспорта связывают страну со странами Европы. В тоже время 39% грузинского экспорта идет в страны СНГ, в т.ч. практически половина экспорта виноделия приходится на Россию, затем на Казахстан и другие страны содружества. [4, 33]

В Молдове в условиях кризиса в банковской сфере, не приходится говорить о снижении рисков в финансовом секторе, преодолении коррупции и успехах в формировании условий для бизнеса и инвестиций в экономику. Более того коррупция стала серьезным тормозом политического и экономического развития страны, вошла в ежедневную практику бизнеса и других сфер. Вероятно поэтому только 6,6% населения, по данным опросов, считают, что уровень коррупции в Молдове уменьшился, в то время как в Грузии, именно население и бизнес подтверждают изменение социальной атмосферы, улучшение бизнес климата и

значительное снижение коррупции. Безусловно, проблемы в этих направлениях в Грузии еще существуют, и о них исследователи говорят и в настоящем издании, но уже достигнутые результаты и наметившиеся тенденции говорят о возможности дальнейшей реализации программ развития страны. В Республике Молдова после преодоления экономических последствий мошенничества в банковском секторе в 2015 году можно надеяться на положительную динамику, по мнению Национального директора Мирового Банка, только в 2017 году.

В сложной ситуации, сложившейся в экономике наших странах важно определить возможности и направления внедрения, место и роль европейской программы Восточного Партнерства, объективно оценить минусы и плюсы реализации подписанного соглашения с ЕС о зоне свободной торговли для Молдовы и Грузии (DCFTA, 2014). К успехам работы в рамках Соглашения свободной торговли с ЕС и политики Восточного партнерства в Республике Молдовы относятся такие показатели сотрудничества с ЕС, как рост объемов торговли со странами ЕС на 8%, что составило уже 46% от ежегодного торгового оборота, в то время как с Россией – 22%, с Украиной – 12%. Это же подтверждают данные о прямых зарубежных инвестициях в экономику страны со стороны ЕС – 60%, Европейский Банк в Молдове поддерживает внедрение 14 проектов развития, также значительную поддержку со стороны программ ЕС получают предприятия малого и среднего бизнеса. Несомненным успехом для экономики Молдовы стали заключенные контракты на поставку винной продукции такими крупнейшими заводами Молдовы, как Пуркары для рынка винной монопольной торговли Норвегии и заводов Чимишлии для рынка винной монопольной торговли Швеции. Однако, объективности ради следует отметить, что значительная часть молдавских фермеров не вписались в условия, предлагаемые европейскими соглашениями и несут серьезные потери в связи с утратой традиционного российского рынка сбыта. [3, 57]

Сохраняющиеся в обеих странах проблемы в сфере рынка труда, такие как: высокая безработица, рост количества людей живущих за чертой бедности, миграция квалифицированной рабочей силы, а также ремитансы, поступающие в значительном объеме не только из европейских стран, но и из России, - определяют сходные настроения населения. Не смотря на то, что данные официальной статистики и независимых экспертов по названным направлениям существенно разнятся, но они указывают на негативные тенденции и объясняют тот факт, что за присоединение Молдовы к Таможенному Союзу и Евразийскому Экономическому Союзу голосуют более 50% опрошенных респондентов по данным 2015г., в Грузии этот процент также возрос с 20% в 2014г. до 31% в 2015г. [4, 26]

Думаем, что не учитывать экономические интересы страны и потребности населения в условиях построения рыночных экономических отношений после 25 лет жестких реформ во всех сферах жизни является недальновидной политикой, как со стороны национальных правительств, так и международных партнеров. Урон для постсоветских стран, находящихся в исключительно непростой геополитической ситуации между ЕС и Россией, наносится, прежде всего, по системным ориентирам

развития этих стран, а именно: по демократии как основе социально-политической системы и по европейский выбор в качестве стратегической цели.

На современном этапе, когда в наших странах все демократические институты уже созданы, целесообразно направить политические усилия на формирование условий для работающей демократии во всех сферах жизнедеятельности общества. В каждой стране необходимо определить свои приоритетные направления. Для Республики Молдовы это, прежде всего, преодоления политических и социальных разногласий с целью определения национального интереса, национальной идентичности, национальной сплоченности и целостности. Устранение корней коррупции, оздоровление политической элиты и формирование политической ориентации на реформы. Только на основе реформ внутри обеих стран, прежде всего, на создание работающей демократии возможно формирование условий для экономического возрождения страны и возвращения трудовых мигрантов. Соглашение о свободной торговле с ЕС для Молдовы и Грузии не работает в полную меру для обеих стран вследствие условий жесткой кондициональности со стороны ЕС. Для Грузии реальным шагом на пути европейской интеграции может стать либерализация визового режима, которую страна ждет с большим воодушевлением.

ЕС и национальные политические элиты не принимают во внимание в реализации внутренней и внешней политики Грузии и Молдовы ряд важных факторов, которые во многом определяют процесс торможения демократических реформ и реализации Соглашения об ассоциации с ЕС. А именно: сильный геополитический фактор – страны находятся между различными полюсами силы, что отражается на эффективности внутренних преобразований; европейские ценности не должны вступать в противоречие с социально-культурными ценностями и традициями этих стран; внешнеэкономические отношения являются также частью исторически сформированных культурных связей. Точкой отсчета во внутренней политике обеих стран должно стать изменение подхода к процессу миграции трудовых ресурсов. Население каждой страны – это человеческий капитал, основа и потенциал ее развития, а значит необходимо сформировать в корне иную политику в отношении человеческого капитала.

Нам видится, что действующая ныне в наших странах социальная политика выживания, ведет к девалорификации человеческого капитала, в то время как необходима концепция сохранения и преумножения человеческого капитала как составной части и главной движущей силы политики устойчивого развития. Изменение политических подходов необходимо, как внутри стран, так и в политике европейских партнеров, на основе переосмысления отношения к базовым элементам всесторонней модернизации. Демократия на уровне межгосударственных отношений в процессе европейской интеграции - это движение международных партнеров навстречу друг другу, готовность координации взаимных интересов, устранение тенденции к доминированию в построении союзнических отношений даже на этапе ассоциированного членства.

Высказанные нами некоторые видения ситуации и подходы к функционированию демократии, направленной на достижение целей модернизации для достижения стабильного развития в Молдове и Грузии на современном этапе сформированы на основе академических исследований по данному вопросу, изучения большого количества экспертных трудов, представляющих обширные результаты международных исследований, с которыми нам удалось познакомиться в Грузии, а также идеи, появившиеся вследствие общения с грузинскими коллегами. Участие в работе международных конференций, организованных в Тбилиси в период март-май 2016г. Фондом Фридрих Эберт и Фондом С.Батори по изучению достижений и проблем внедрения политики Восточного партнерства ЕС; Центром информации и документации НАТО в Грузии по перспективам европейского будущего Грузии, построению доверия на Южном Кавказе; Программой ООН Global Compact сетью в Грузии по продвижению корпоративной социальной ответственности в Грузии не только расширило представление о сложности происходящих процессов, но и поставило немало вопросов.

Некоторые ответы можно найти в настоящем сборнике, в котором грузинские и молдавские исследователи, размышляя о ситуации в наших странах, о перспективах развития демократии, демократических механизмов, представили свое видение государственного развития и европейского будущего Грузии и Молдовы. Многие выводы исследователей еще предстоит проверить на практике, применить в лекциях и семинарах, но очевидно, что совместная научная работа, которая дает новые видения проблем и решений, является необходимым шагом на пути интернационализации социально-политических исследований, формирования международных контактов в научной сфере между Тбилисским государственным университетом имени Иване Джавахишвили и Молдавским государственным университетом.

Особую признательность хотим высказать в адрес проф. Малхаза Мацаберидзе, заведующего Департаментом политических наук, профессоров, преподавателей и докторантов Тбилисского государственного университета имени Иване Джавахишвили, которые на протяжении всего периода проекта были гостеприимными хозяевами для молдавских исследователей, обеспечили проведение лекций, семинаров, участие в конференциях, совместную работу по отдельным темам исследования. Благодаря их открытости к сотрудничеству были установлены научные связи между двумя университетами в области политических наук, административного управления и международных отношений. В рамках проекта представители Молдовы вместе с проф. Малхазом Мацаберидзе и коллегами из Департамента политических наук познакомились не только с современными реалиями и тенденциями политических процессов в Грузии, но и открывали для себя ее историю и культуру. Несомненно, сотрудничество в рамках данного проекта способствовало развитию научных связей между университетами Молдовы и Грузии, и, надеемся, будет иметь дальнейшее продолжение в

исследованиях на межличностном и институциональном уровнях в интересах развития наших стран.

Библиография

1. Știința politică și societatea în schimbare. Materialele conferinței științifice internaționale. Chișinău, 13 noiembrie 2015. (Политическая наука и изменяющееся общество. Материалы международной научной конференции. Кишинэу, 13 ноября 2015г. На румынском, английском и русском языках). - Chișinau, CEP USM 2015, 667p. ISBN: 978-9975-71-721-2.
2. Moldovan Peace Dialogues: Societal Integration, Accommodative Policies and Strategies, from an Academic Perspective, September, 2015, CEP USM, 246p. ISBN: 978-9975-70-899-9. At: <http://peacebuilding.md/images/stories/dialoguridoc.pdf>
3. Chirila V. A Focus on Moldova. Eastern Partnership Revisited. Associated Countries in Focus. Ed.Grzegorz Gromadzki, Bustian Sendhardt. Stefan Batory Foundation, Friedrich-Ebert-Stiftung, Warsaw 2015, p. 47-70 www.batory.org.pl www.feswar.org.pl ISBN 978-83-62338-64-1
4. Chkhikvadze V. A Focus on Georgia. Eastern Partnership Revisited. Associated Countries in Focus. Ed.Grzegorz Gromadzki, Bustian sendhardt. Stefan Batory Foundation, Friedrich-Ebert-Stiftung, Warsaw 2015, p.23-46 www.batory.org.pl www.feswar.org.pl ISBN 978-83-62338-64-1
5. Constituția Republicii Moldova. Chișinău: Moldpres, 2000. 63 p.
6. Э, Джулиман, Н. Тшаладзе, А.Цкитишвили. Доверие и построение мира на южном Кавказе. 2015. Центр по правам человека. Норвежский Хельсинский Комитет. Тбилиси. «Глобусь», 255с. ISBN 078-9941-0-8195-8
7. Teosa V. University Education in the Context of Confidence Building Measures in the Process of the Transnistrian Conflict Transformation. In Moldovan Peace dialogues: societal integration, accommodative policies and strategies, from an academic perspective. Chisinau, CEP USM, 2015, pp. 26-32. ISBN 978-9975-71-715-1

PAPACHASHVILI Nino

PhD, Associate Professor, Faculty of Economics and Business

Iv. Javakhishvili Tbilisi State University

nino.papachashvili@tsu.ge

GEORGIA AND MOLDOVA: ECONOMIC ASPECTS OF DEMOCRATIC STATE BUILDING

Democratic state building is the multidimensional process and its economic pillar is the most fundamental one. The objective of the work is comparison of economic transformation of Georgia and Moldova. The paper stresses relationship of economic transformation and democratic state building in both countries on the bases of the Bertelsmann Index (BTI). The comparison revealed that both countries have almost similar positions in market transformation. Also, private property and organization of market and competition (subindexes of the market development) are in more high correlation with democratic transformation in these countries than other pillars. The author offers a theoretical approach to evaluate the success of economic transformation in EaP countries on the basis of correlation of BTI and the European Integration Index. There is an attempt in the paper to find certain correlation between the integration level of Georgia and Moldova into the EU and BTI economic transformation indicators of these countries. On the current stage of the study revealed that the management and approximation pillars of EaP Index have higher significance for successful political and economic transformation processes, than sub index - linkage.

Key words: *comparison of economic transformation of Georgia and Moldova, Bertelsmann Index, EaP Index.*

Georgia and Moldova have small open economies. The market transformation process began almost simultaneously in these countries. Although some directions of transformation had different levels of success in these countries, the indicators of BTI (which is discussed below) mainly have been approximating. Georgia has succeeded in eliminating corruption, but Moldova still faces challenges in fighting corruption. However, Moldova has more achievements in poverty reduction, which is reflected in reduction GINI coefficient and poverty level (see this and other comparative data in the table 1).

Table 1

Georgia and Moldova: Comparison of Key Indicators (2013)		
Population	HDI	GDP p.c.
Georgia 4,5 M.	Georgia 0,745	Georgia 5901 \$
Moldova 3,6 M.	Moldova 0,660	Moldova 4181,7 \$

Pop. growth (% p.a.) ⁽¹⁾ Georgia 0,6 % Moldova 0,0%	HDI rank of 187 Georgia 72 Moldova 113	GINI Index Georgia 42,1 Moldova 33,0
Life expectancy (years) Georgia 73,8 Moldova 68,6	UN Education Index Georgia 0,842 Moldova 0,714	Poverty ⁽³⁾ Georgia 35,6% Moldova 4,4%
Urban population (%) Georgia 53,0 % Moldova 48,4%	Gender Inequality ⁽²⁾ Georgia 0,438 Moldova 0,303	Aid per Capita Georgia 111,3 \$ Moldova 77,1 \$
<i>Compiled by the author according to the World Bank, World Development Indicators 2013 UNDP, Human Development Report 2013.</i>		
<i>Footnotes: (1) Average annual growth rate. (2) Gender Inequality Index (GII). (3) Percentage of population living on less than \$2 a day.</i>		

The author shares the key assumption that economic development contributes to the democratization process, as evidenced by number of theoretical and empirical studies. For example, analysing transition process EBRD points out that "Although the research community remains divided, there is strong support for the proposition that increases in economic development are likely to lead to an increase in democracy (TRANSITION REPORT 2013, EBRD, p. 25) ...Does economic development encourage democratization in transition countries? The literature suggests at least four reasons why average per capita income might influence a country's propensity to democratise. At higher average income levels, high-income voters will be more willing to accept the redistributive consequences of democracy, especially if the costs of repression are considered excessive. Development is generally correlated with lower levels of inequality, at least in the long term. Development is linked to a shift in the nature of wealth – that is to say, from fixed assets, such as land, to mobile capital. Higher per capita income is associated with education and secularization, with educated citizens being more likely to demand political participation and to embrace democratic beliefs (TRANSITION REPORT 2013, EBRD, p. 27).

Taking into account above mentioned we consider that brief overview of the development of the both countries' economic development issues will be helpful for introducing the main question.

According to the World Bank data (<http://www.worldbank.org/en/country/moldova/overview>, 2015), Moldova's economic performance over the last few years has been relatively strong, aided by improved fiscal, monetary and exchange rate policy. Moldova experienced the highest cumulative GDP growth, relative to the pre-crisis year of 2007, in the region. However, growth has been

volatile because of climatic and global economic conditions. Real GDP grew by 7.1 percent in 2010 and 6.4 percent in 2011. In 2012, GDP contracted by 0.7 percent, as the economy was hit by a drought-induced contraction in agriculture (-22.3 percent) and the Eurozone crisis. In 2013, growth rebounded, driven by a record harvest, with GDP increasing by 9.4 percent. Due to the weak economic activity of major economic partners and Russian trade restrictions, growth decelerated to a still strong 4.7 percent in January-September 2014, y/y. However, economy decreased 3.7 percent in the third quarter of 2015. Due to a bad harvest, agriculture decreased 17.4% and on the expenditure side the internal demand was weak due to low remittances (also, see Social and Economic situation of the Republic of Moldova, p.24). Nonetheless, good economic performance in the first half of the year, maintained Moldova's GDP growth positive, increasing 0.5 percent, y/y, in January-September 2015. The existing macroeconomic framework is considered broadly adequate, even though macroeconomic risks associated with the financial sector, vulnerabilities to external and climatic shocks, institutional weaknesses and related slippages in the implementation of macroeconomic and structural reforms will continue to be substantial over the medium-term. European integration anchors the Government's policy reform agenda, but political tensions and weak governance pose risks to reforms. Moldova's recent economic performance reduced poverty and promoted shared prosperity. The national poverty and extreme poverty rates, using national poverty definitions, fell from 30.2 percent and 4.5 percent in 2006 to 16.6 percent and 0.6 percent respectively in 2012, making Moldova one of the world's top performers in terms of poverty reduction. Similarly, consumption growth among the bottom 40 percent of the population outpaced average consumption growth. Despite a sharp decline in poverty, however, Moldova remains one of the poorest countries in Europe. The most vulnerable groups at risk of poverty in Moldova remain those with low education levels, households with three or more children, those in rural areas, families relying on self-employment, the elderly, and Roma. Additionally, the reduction in remittances could negatively impact consumption and poverty. Moldova performs well in some areas of gender equality, yet disparities persist in education, health, economic opportunity, agency and violence against women. Human trafficking is a serious problem; Moldova is a source, and to a lesser extent a transit and destination country, for both sex trafficking and forced labor. Considering the fragile economic and political external environment the pace of reforms must be accelerated. Key challenges include fighting corruption, improving the investment climate, removing obstacles for exporters, channeling remittances into productive investments, and developing a sound financial sector. Moldova needs to improve the efficiency and equity of its public spending, in particular through better management of public capital investments, which are crucial for higher growth. Administrative and judicial reforms remain a challenge for improving public sector governance, which is a precondition for European integration and economic modernization.

According to the World Bank data (<http://www.worldbank.org/en/country/georgia/overview#1>, 2015), the signing of the Association Agreement with the European Union in June 2014 and the coming into effect of the Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA) in September are landmark achievements for Georgia. With greater policy certainty, there was an uptick in business and consumer confidence leading to an output expansion of 6.0 percent year-on-year in the first half of 2014, up from 3.2 percent in 2013 as a whole. Georgia's economic growth is projected to be an average of 5.5 percent per year over the medium term based on greater policy certainty, improved market access, and strong structural reform implementation. Medium-term growth prospects depend on a number of factors, including improved economic ties with the EU and the robust reform program outlined in the Government's development strategy, which will support growth in private investment. It seems, due to some external and internal factors some prognosis become unrealistic. According to the geostat.ge Georgia's real GDP growth was 3,4 % in 2013, 4,6% in 2014 and 2,8% in 2015 year (National Statistics Office of Georgia). Although it is important to mention, there are great expectations, that growth prospects depend on Georgia's ability to leverage the Deep and Comprehensive Free Trade Area and Association Agreement with the EU, which will improve market access and encourage FDI.

Net FDI is likely to amount to 6.3 percent of GDP on average, while the national savings rate is expected to increase to 20.5 percent of GDP by 2017. Georgia's public debt remains sustainable. Total public sector debt fell from 38.7 percent of GDP in 2010 to 32.2 percent in 2013 due to continued fiscal consolidation efforts. About 80 percent of public debt in 2013 was external and was dominated by bilateral and multilateral debt. Located on the shortest route between Europe and Asia, Georgia's transport system is a key link in the historic "Silk Road". The Government's commitment to rehabilitating main, secondary and local road networks has intensified in response to the global economic down-turn, as road rehabilitation will improve access to markets and services, and create short-term employment through civil works. Georgia has a developed, stable and reliable energy sector but efforts are required to improve the efficiency in domestic energy use. The most promising source of additional energy generation is hydropower and the Government is focused on securing private investments for construction of new hydropower stations. Currently, only 12 % of Georgia's hydropower potential is being utilized. Georgia has also adopted a State Strategy for Regional Development to create a favorable environment for regional socioeconomic development and to improve living standards. Addressing regional disparities, poverty, and unemployment has been flagged as a key priority for intervention by the Government in its new Socioeconomic Development Strategy of Georgia: 2020. One of the potential drivers of economic growth in cities and regions is tourism, which recently saw rapid growth in Georgia and has become an important source of job creation. The number of visitors increased from

560,000 in 2005 to 5 million in 2013, with 6.3 million expected in 2015. An integrated and demand-driven approach to regional development has been designed with the support of the Bank and is currently seen as critical in spurring growth and job creation in historic cities and cultural villages (<http://www.worldbank.org/en/country/georgia/overview#1>, 2015).

There are different approaches to determine economic transformation processes. The paper stresses relationship of economic transformation and democratic state building in both countries on the bases of the Bertelsmann Index (BTI). It gives us opportunity to compare economic transformation in the field of socioeconomic development, organization of market and competition, currency and price stability, private property, welfare regime, economic performance, sustainability; to analyze similarities and differences and reveal correlations with democratic transformation (see below table 2). (The BTI is published every two years and allows us to assess observed trends and identify the outcomes of transformation strategies. The state of economic transformation (market economy status) is measured in terms of seven criteria, which are based on a total of 14 indicators. The BTI's concept of a market economy includes not only aspects such as economic performance, regulatory or competition policy and property rights; it also includes elements of social justice, such as social safety nets, equality of opportunity and sustainability. In BTI terms, comprehensive development not only aims at economic growth, but also requires successful poverty alleviation and the freedom of action and choice for as many citizens as possible) (<http://www.bti-project.org>).

Table 2

**The State of Economic Transformation of Georgia and Moldova
According to the BTI, 2006-2014 (evaluation scale: 0-10)**

Year	2006		2008		2010		2012		2014	
	Georgia	Moldova	Georgia	Moldova	Georgia	Moldova	Georgia	Moldova	Georgia	Moldova
Level of socioeconomic development	4,0	3,0	4,0	3,0	4,0	3,0	4,0	3,0	4,0	3,0
Organization of market and	4,5	5,0	7,0	5,5	7,5	5,5	7,3	6,0	6,8	6,5

competition										
Currency and price stability	9,0	6,5	8,5	7,5	7,5	7,0	6,5	8,0	7,0	8,0
Private property	5,0	5,5	7,5	5,5	7,0	5,5	7,0	6,5	6,5	6,5
Welfare regime	4,0	4,0	4,5	4,0	4,0	4,0	4,0	4,5	4,5	4,5
Economic performance	6,0	5,0	7,0	5,0	6,0	5,0	5,0	5,0	6,0	5,0
Sustainability	5,0	4,0	6,0	4,5	6,0	4,5	5,5	5,0	6,0	5,0
Market Economy Status	5,4 (#64)	4,7 (#82)	6,4 (48)	5,0 (78)	6,0 (#56)	4,9 (84)	5,6 (64)	5,4 (67)	5,8 (#57)	5,5 (#67)
Plase in category: functional	functioning (11), functional flaws (48), poorly functioning (38)	functional flaws (48), poorly functioning (38), rudimentary (8)	functioning (14), functional flaws (51), poorly functioning (38)	functioning (14), functional flaws (51), poorly functioning (38)	functioning (14), functional flaws (53), poorly functioning (39)	functional flaws (53), poorly functioning (39), rudimentary (7)	functioning (15), functional flaws (51), poorly functioning (40)	functioning (15), functional flaws (51), poorly functioning (40)	functioning (15), functional flaws (50), poorly functioning (39)	functioning (15), functional flaws (50), poorly functioning (39)
Democracy status	6,1	5,4	6,9	6,9	6,1	6,7	6,2	7,1	6,5	7,2
Status Index	5,7	5,1	6,6	5,9	6,0	5,8	5,9	6,2	6,2	6,2

(Democracy + Market Economy Status)										
-------------------------------------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Source: Compiled by the author according to the BTI data - <http://www.bti-project.org>

It seems, that both countries have almost similar positions in market transformation. If there were some noticeable differences in previous years, now there is a trend of convergence.

Level of socioeconomic development is unchanged 2006-2014 years and Georgia has 4,0 and Moldova has 3,0 out of 10 points. Organization of market and competition position was more successful in Georgia in previous years, but in 2014 both countries have similar indicators: Georgia - 6,8 and Moldova - 6,5. The same may be said about private property. According to the 2014 year data, Georgia has 6,5, as well as Moldova. As for Currency and price stability, if Georgia had high indicator in 2006, in the following years Moldova showed even better results, but difference is not large (Georgia - 7,0 and Moldova - 8,0, 2014). Welfare regime is convergence in recent years in both countries. Economic performance and sustainability were equal in 2012 (5-5) and according 2014 data for Georgia is 6,0 and for Moldova - 5,0. The Difference is not high, it is only a one point.

Primary observations show, that from the determinants of market economy status, both private property and organization of market and competition are in more high correlation with democratic transformation in these countries than other pillars. Suggested idea is based on that fact that the market status is slightly better for Georgia than for Moldova, but the status of democracy is vice versa. Exactly these pillars improved in Moldova. Also, as mentioned above, Moldova has gained more success in poverty reduction, which seems affected on the improvement the status of democracy.

Georgia and Moldova have many similar peculiarities of economic development. The composition of GDP by sectors is similar. The most part comes on the service sector - 69.9% (2013 estimate) in Georgia and 66.2% (2013 estimate) in Moldova - in both countries; On industry sector - 21.6% in Georgia (2015) and 19,9% in Moldova; As for agriculture sector, only 8,5% (2015) of GDP in Georgia and 13,8% (2015) of GDP in Moldova are created in these sectors while the most part population live in rural are in both countries - in Georgia rural population is 46,53 (2014) and in Moldova - 55,08 (2014) (Global Data; Trading Economics). High share of services in these countries does not reflect the post-industrial stage of development. High share of the rural population indicates that human potential is not properly implemented, while the both countries have high Education Index and HDI is not low, particularly in Georgia (see table 1). We

agree that, the relationship between economic development and democracy is considerably weaker in countries that rely heavily on the extraction of natural resources as a means of generating national wealth (TRANSITION REPORT 2013, EBRD, p. 25). It is recognized in both countries and radical changing the development paradigm is highlighted in National Development Strategies:

"Economic policy of the Government of Georgia is based on three main principles. The first principle implies ensuring fast and efficient economic growth driven by development of real (production) sector of the economy, which will resolve economic problems that exist in the country, create jobs and reduce poverty. The second principle implies implementation of economic policies that facilitate inclusive economic growth – it envisages universal involvement of the population in the economic development process (including Diaspora, migrants, ethnic minorities and other groups), prosperity for each member of society through economic growth, their social equality and improvement of the living standards of population. The third main principle is based on rational use of natural resources, ensuring environmental safety and sustainability and avoiding natural disasters during the process of economic development. Government of Georgia recognizes principles of democratic development, rule of law, efficient administration, respect for human rights and basic freedoms; the Government's policy is based on those principles"(Georgia 2020, p. 3).

"Economic growth in Republic of Moldova and the poverty reduction trend is closely correlated with the flow of remittances and consumption generated by the latter. Revenues from Moldovans' work abroad have fuelled the disposable income of households, thus leading to an increased aggregate demand for consumption. Constrained by the limited capacity of domestic production, this demand was largely met by imports of goods and services. The national public budget has benefited from this, but the trade balance has turned into an alarming trade deficit. Economic growth based on consumption and remittances exposes the economy to a number of vulnerabilities, but there is a greater danger associated with this model of economic growth, i.e. that remittances, at one point in time, will start to decline. Currently, migration breaks families of Moldovan citizens. .. Two conclusions emerge from the aforementioned: first conclusion relates to the fact that it will be difficult to maintain the pace of economic growth, which, in the absence of a structural change of national economy, proves to be unacceptable from the perspective of Republic of Moldova's development agenda; second conclusion refers to the actual change of the growth model, namely: the need to replace the inertial growth model based on consumption fueled by remittances in favor of a dynamic model based on investment and development of goods- and services-exporting industries... Economic development, wherever it occurs, is based on three factors, namely accumulation of capital, labor force and its productivity level, which includes and other parameters, such as: technologies, efficient governance, skills, etc."(Moldova 2020,p 5-6).

The fact that both countries were socialist economies, they experience post soviet path-dependence up to now. Institutional Economics researchers pay particular attention to this issue. For example, Professor Gerard Ronald on the base of analysis of opinions of scientists Oliver J. Blanchard, Michael Kremer, Thierry Verdier formulate the opinion of particular methodological approach in the study of former socialist countries: "The output fall in Central and Eastern Europe forced economists to take a fresh look at how markets emerge. It is not just a story of supply and demand, forces that work well when markets pre exist, that is, when search frictions are not too significant and when there are strong formal institutions to enforce contracts and help resolve business conflicts. Supply and demand are thus only part of the story. But analyzing markets only the lens of supply and demand can result in misleading conclusions" (Ronald Gerard, p. 374).

It should be noted, that to overcome the difficulties of independent economic development and democratic state building, that began in both countries simultaneously, Georgia and Moldova choose the way of integration into the EU, which means supporting in institutional development. These countries are members of Eastern partnerships. The EU signed the Association Agreements with Georgia and Moldova on 27 June 2014 and a number of provisions, including the DCFTA. The cooperation with EU will significantly deepen political and economic ties between the EU and signatories with a long-term perspective and gradually integrate these countries in the EU's Internal Market. It is important to mention, that closer political association and economic integration with EU create certain preconditions for successful reforms in the field of strengthening the rule of law, advancing judicial reforms, fighting corruption, ensuring respect for fundamental rights and freedoms and strengthening democratic institutions, which in turn has tight casual relationship with market reforms (<http://europa.eu>).

There is an attempt in this work to find certain correlation between the integration level of Georgia and Moldova into the EU and BTI economic transformation indicators of these countries (*The European Integration Index for Eastern Partnership Countries* (EaP Index) charts the progress made by the six countries towards integration with the EU. The Index is designed to generate recommendations to guide countries along the reform process and to raise the alarm when countries depart from the expected trajectory, when progress is being held back or even reversed. The Index also serves as an important monitoring tool for both civil society and policymakers in the partner countries and the EU <http://www.eap-index.eu>).

At this stage, we can not generalize the desk research results, because the index is created only three years ago, but in the future on the bases of correlations between Eap Index and BTI Index we will draw conclusions about the impact of integration processes on the transformation processes. Now might be said that the management and approximation with EU and convergence progress in transformation processes will be more helpful for successful political and economic transformation processes (see below table 3) than sub index - linkage.

Table 3

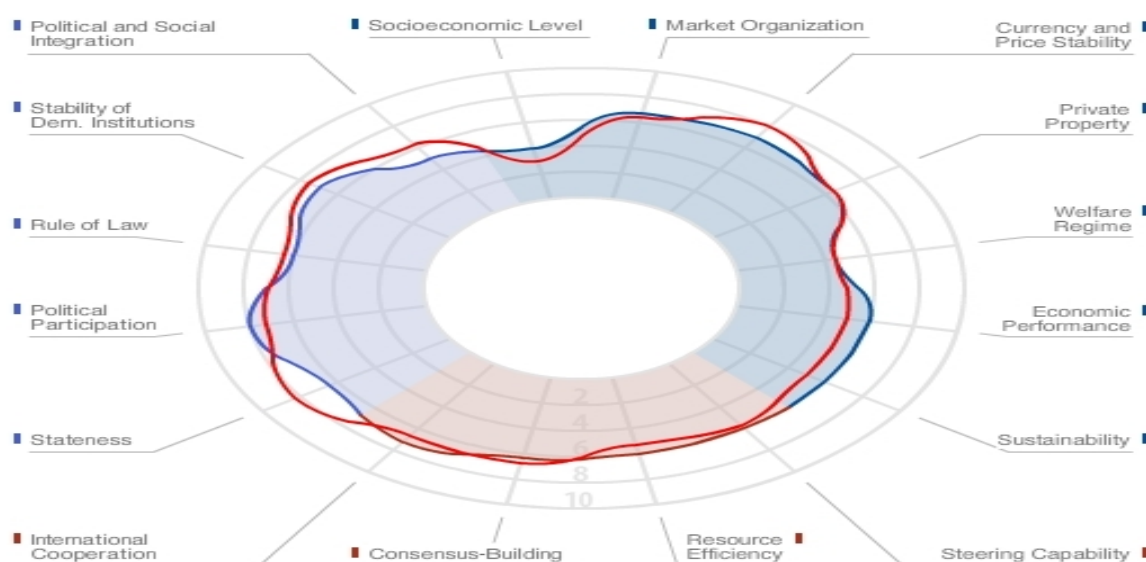
Year	2012		2013		2014	
	Georgia	Moldova	Georgia	Moldova	Georgia	Moldova
EaP Index:						
Linkage	0,54	0,69	0,58	0,70	0,59	0,70
Approximation	0,57	0,67	0,63	0,69	0,69	0,70
Management	0,58	0,58	0,58	0,59	0,74	0,71
BTI Status Index	5,9	6,2	-	-	6,2	6,2

Source: Compiled by the author on the base of [European Integration Index for Eastern Partnership Countries](http://www.eap-index.eu) <http://www.eap-index.eu> and BTI data - <http://www.bti-project.org>

Finally, the summarising figure 1 obviously show the similarities of democratic and economics transformation processes in Georgia and Moldova. The graph reflects all subindexes of BTI (Democracy status - state of political transformation; Market Economy status - state of economic transformation; Management Index - ranks the countries according to their leadership political management performance).

Figure 1

Comparison of transformation in Georgia and Moldova according to the BTI Index

Source: Graph by the author on the base of BTI data - <http://www.bti-project.org>

Conclusions

The comparison of transformation processes of Georgia and Moldova revealed that both countries have almost similar positions in market transformation;

Private property and organization of market and competition are in more high correlation with democratic transformation in these countries than other pillars of the Bertelsmann Index;

Theoretically it is possible to evaluate the success of economic transformation in EaP countries on the basis of correlation of BTI and the European Integration Index;

The management and approximation pillars of EaP Index have higher significance for successful political and economic transformation processes, than subindex - linkage;

The factor of path-dependence matters for correct evaluation of transformation processes in post socialist countries.

References

1. BTI data <http://www.bti-project.org>
2. [European Integration Index for Eastern Partnership Countries](http://www.eap-index.eu) <http://www.eap-index.eu>
3. GEORGIA 2020, Social-economic Development Strategy of Georgia
<http://static.mrdi.gov.ge/551e4a570cf24147438b1727.pdf>
4. Global Data <https://www.gfmag.com/global-data/country-data/georgia-gdp-country-report>
5. Global Data <https://www.gfmag.com/global-data/country-data/moldova-gdp-country-report>
6. Moldova 2020, National Development Strategy: 7 Solutions for Economic Growth and Poverty Reduction
file:///C:/Users/user/Downloads/moldova_2020_-_national_development_strategy__7_solutions_for_economic_growth_and_poverty_reduction.pdf
7. National Statistics Office of Georgia
http://www.geostat.ge/?action=page&p_id=119&lang=eng
8. Ronald Gerard, Development Economics, 2014, Pearson
9. Social and Economic situation of the Republic of Moldova, National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova
http://www.statistica.md/public/files/publicatii_electronice/Raport_trimestrial/Raport_2015_rus.pdf
10. Trading Economics <http://www.tradingeconomics.com/georgia/rural-population-percent-of-total-population-wb-data.html>
11. Trading Economics <http://www.tradingeconomics.com/moldova/rural-population-percent-of-total-population-wb-data.html>
12. TRANSITION REPORT, EBRD, 2013
13. World Bank <http://www.worldbank.org/en/country/georgia/overview#1>, 2015
14. World Bank <http://www.worldbank.org/en/country/moldova/overview>, 2015

МАЦАБЕРИДЗЕ Малхаз

Доктор политических наук, профессор

Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

The Presidential institution became the primary issue of political contentions and debates after the restoration of independence of Georgia. The presidential institution was established shortly after the declaration of independence of Georgia and was abolished immediately after the *Coup d'état* of President Gamsakhurdia. The institute was officially restored under the force of Constitution of 1995; since 1995 numerous changes have been introduced to this power-center. According to the constitutional reform of 2010, the rights of the President were limited and further steps were made ahead towards formation of a parliamentary republic. Nevertheless, the existing model does contain some internal inconsistencies; there is no general agreement among political forces on the arrangement of the central authority of Georgia.

Key words: Presidential institution; Constitution; Georgia, Post-Soviet Development.

После восстановления независимости Грузии вопрос об институте президента оказался в центре политических дебатов и противостояний. Институт президента был введен в Грузию через несколько дней после восстановления независимости и упразднен после свержения Звиада Гамсахурдиа. Официально институт президента был восстановлен конституцией 1995 года, в дальнейшем в полномочия президента несколько раз вносились изменения. После конституционной реформы 2010 года полномочия президента Грузии были существенно ограничены, были сделаны существенные шаги в сторону парламентской республики. Но существующая модель содержит значительные противоречия, между политическими силами до сих пор нет согласия по вопросу устройства центральной власти.

Институт президента в Грузинской Демократической Республике

До того, как перейдем к обсуждению вопроса о трансформации института президента в постсоветской Грузии, отметим, что указанный институт был вопросом острых дебатов и в период Демократической Республики Грузии (1918-1921).⁶

На остроту противостояния указывает и количество зафиксированных тогда позиций. В целом, представленные точки зрения можно разделить на три группы:

⁶ См.: Вопрос института президента в Демократической Республики Грузии (1918-1921). Тбилиси, изд-во «Ахали азри», 2011. 104 с.

1. Сторонники введения института президента, предлагающие два различных варианта:

– Институт президента «американского образца», введение которого было требованием Национально-демократической партии Грузии. Существуют два варианта, разработанных указанной партией: согласно варианту, представленному в Конституционную комиссию, президент избирался народом сроком на три года; а по поправке, внесенном в Учредительное собрание, полномочия были определены на пять лет.

– «Президент, ответственный перед парламентом» - на заседании центрального комитета Социал-демократической партии Грузии эту идею защищал председатель конституционной комиссии Павел Сакварелидзе. Видимо, здесь подразумевался президент, избранный парламентом.

2. Противники института президента во имя полноценного воплощения «принципа демократизма». Согласно этой точке зрения, власть должна была возглавляться правительством-коллекцией, ни один член которого не должен был обладать особыми правами. Активными сторонниками названной модели выступали социалист-федералисты и эсеры, а также часть социал-демократов.

3. Сторонники «сильной центральной власти» без института президента, которые пытались совместить некоторые функции президента другими институтами. Тут были представлены два варианта:

– «австрийская система» - совмещение функций президента председателем парламента; эту идею поддерживали часть социал-демократов;

– «швейцарская система» - совмещение функций президента председателем правительства. Эта идея, со своей стороны, делилась на несколько вариантов: а) отождествление председателя правительства с президентом (социал-демократ Л.Натадзе); б) избрание председателя правительства непосредственно народом (национал-демократ Г.Гвазава); в) совмещение председателем правительства определенных функций президента. Эту идею активно поддерживал лидер Социал-демократической партии Грузии Ной Жордания; именно эта модель и была взята за основу конституции Грузии 1921 года.

Согласно конституции 1921 года, центральная власть грузинского государства формировалась следующим образом: парламент избирался сроком на три года, на основе всеобщего избирательного права, пропорциональной системой выборов. Президентский институт, как «не соответствующий демократии», не был выделен отдельно, но для обеспечения стабильности правления в случае парламентских кризисов и в период между парламентскими сессиями парламент избирал председателя правительства сроком на один год, который наделялся некоторыми функциями президента. Председатель правительства мог быть избран только на два срока – тоже для обеспечения «максимальной демократии».

Как видим, в Конституции 1921 года вопрос об институте президента был решен своеобразно. В целом он был отвергнут, но фактически его функции

возлагались на председателя правительства. Такое решение вопроса было обусловлено позицией социал-демократической и, в общем, социалистических партий. Они были против введения института президента, потому что, по их мнению:

а) сосредоточение большой власти в руках одного лица противоречило принципу демократизма;

б) предпочтение отдавалось коллегиальному принципу правления;

в) выступали против принципа разделения власти.

В то же время, внутривнутриполитические и внешние условия страны диктовали необходимость должности президента. Выход был найден в расширении полномочий председателя правительства и наделения его, в определенной степени, функциями президента.

Конечно, на начальной стадии демократического строительства сосредоточение широких полномочий в руках одной личности представляла определенную опасность для демократии, но такое решение вопроса было обусловлено главным образом доктриной социалистических партий; было бы правомерно разделить функции председателя правительства и главы государства, наряду с созданием конституционных гарантий.

Что же касается самой дискуссии по поводу института президента в период Грузинской демократической республики, разнообразие позиций свидетельствует, с одной стороны, о глубокой разработке вопроса, с другой стороны – о стремлении сблизить позиции с целью достижения компромисса.

Можно сказать, что модель, зафиксированная в конституции 1921 года – совмещение председателем правительства некоторых полномочий президента – представлял собой, в определенной степени, компромиссный вариант между сторонниками и противниками введения института президента.

Начало постсоветского периода: введение и упразднение института президента

9 апреля 1991 года Верховный Совет Грузии принял «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии»; Верховный Совет также счел нужным «ввести пост президента республики».

14 апреля 1991 года Верховный Совет принял конституционную поправку и ввел должность президента. В тот же день президентом Республики Грузия был избран Звиад Гамсахурдиа, который вскоре, 26 мая 1991 года, был избран на этот пост всеобщим голосованием. Президент Грузии определял внутреннюю и внешнюю политику страны, являлся верховным главнокомандующим, правительство подчинялось президенту, хотя было подотчетно как перед президентом, так и перед Верховным Советом. Президент, с согласия Верховного Совета, назначал и освобождал председателя и членов правительства. После консультаций с

председателями правительства и Верховного Совета президент мог распустить Верховный Совет республики.⁷

Вследствие известных событий декабря-января 1991-1992 годов, Звиаду Гамсахурдиа пришлось покинуть Грузию, а его противники объявили об упразднении института президента, которого сочли неподходящим для Грузии и одним из основных причин «недемократических развитий событий» в стране.

Председатель парламента вместо президента

Так как восстановить институт президента в создавшейся ситуации было невозможно, было решено избрать председателя парламента путем всеобщего народного голосования и снабдить его полномочиями президента. Этот пост был создан для Эдуарда Шеварднадзе, который и был избран председателем парламента. Парламент, избранный 11 октября 1992 года, принял закон «О государственной власти», который определял структуру и полномочия высшего органа государственной власти.⁸

Согласно «Закону о власти», Грузия была демократической республикой; высшая законодательная власть была представлена парламентом Грузии (статья 3). Парламент состоял из депутатов, избранных путем «всеобщих, равных, прямых, тайных, пропорциональных и мажоритарных выборов, и председателя парламента» (статья 5), его заместитель был спикером парламента. Основным новшеством было введение поста председателя парламента, главы государства, у которого фактически была власть президента (статьи 17-19).

Работа над новой конституцией и вопрос об институте президента

16 февраля 1993 года, постановлением парламента Грузии, была создана конституционная комиссия в составе 118 членов, которая должна была разработать новую редакцию конституции 1921 года. Указанная конституция не предусматривала существования института президента.

В 1993-1995 годах, во время работы конституционной комиссии, было представлено 13 проектов конституции. В десяти из них был предусмотрен пост индивидуальной главы государства (президента).

Всенародные выборы президента республики в двух турах были предусмотрены в 6 проектах, всенародные выборы в первом туре и выборы президента парламентом во втором туре – в одном проекте, один проект предлагал не прямые всенародные выборы президента, в трех проектах президент избирался парламентом.

⁷ Закон республики Грузия о введении поста президента и внесении в конституцию связанных с этим изменений и дополнений – «Сакартвелос республика», 16 апреля 1991 г.

⁸ Закон республики Грузия о государственной власти - <http://constcommission.ge/1992>

Представленные в конституционную комиссию проекты отражали настроения и соображения об организации центральной власти и институте президента, существующие в Грузии в первой половине 1990-х.

Э.Шеварднадзе поддерживал идею сильного института президента. На II съезде Союза граждан Грузии он представил идеал, к которому стремился: «Президент, наделенный особыми правами, у которого будет возможность, в случае надобности, не принять решение парламента – такова модель власти, которая выведет страну из кризиса».⁹

Оппозиция считала неприемлемым «суперпрезидентский институт», когда «почти все права, которыми обладал парламент по конституции 1921 года, теперь по проекту принадлежали президенту», притом «механизм отстранения президента от власти был чисто символическим». По мнению одного из оппозиционных сил, «Общества Мераба Костава», «введение института президента после 70-летнего коммунистического режима неминуемо ведет к узурпации всей власти одним лицом, подавлению демократических институтов».¹⁰

В конечном итоге, удалось добиться компромисса, это было облегчено тем обстоятельством, что многие партии сами были сторонниками разных президентских моделей. Дискуссия о статусе премьер-министра и формировании кабинета министров же завершилась тем, что на президента были возложены функции премьер-министра.¹¹

Институт президента: модель 1995 года

В конституции 1995 года президент был представлен как руководитель государства и исполнительной власти, что фактически означало установления в Грузии чисто президентской системы государственного управления, хотя в самой конституции статус президентской республики зафиксирован не был.

Конституцией 1995 года на президента возлагались обязанности премьер-министра – сформировалась оригинальная модель устройства исполнительной власти, основным достоинством которого были объявлены простота и дешевизна.

По конституции, президент возглавлял государство и исполнительную власть, направлял и осуществлял внутреннюю и внешнюю политику, был высшим представителем во внешних сношениях, обеспечивал единство и целостность страны, функционирование государственных органов в соответствии с конституцией.

Конституционная реформа 2004 года

По конституции 1995 года, Грузия становилась сильной президентской республикой американского типа. Конституционная реформа 6 февраля 2004 года¹²

⁹ Газета „Мокалаке», 12 июля 1995 г.

¹⁰ Газета «Ахали таоба», 7 июля 1995 г.

¹¹ Конституция Грузии 1995 года - <http://constcommission.ge/1995>

¹² Конституционный закон 2004 года - <http://constcommission.ge/2004>

еще более усилили полномочия президента, несмотря на то, что по формировалась полу-президентская система. Вследствие конституционной реформы была восстановлена должность премьер-министра, который направлял деятельность правительства, но целиком зависел от президента. По конституции, президент назначал премьер-министра, который отчитывался перед ним. Кроме этого президент мог сам созывать и руководить заседанием правительства в особо важных случаях. Полномочия президента не уступали таковым в президентских республиках. В стране остался сильный президент, контролирующий правительство и имеющий право распустить его. Президент также получил право роспуска парламента.

Сторонники конституционной реформы заявляли, что у страны будет сильный президент, сильный парламент и сильное правительство, но критически настроенные эксперты считали, что предоставление президенту права роспуска парламента в реальности сильно ослабляло парламент.

«Конституционные изменения были обусловлены существующей в стране постреволюционной обстановкой, когда государство практически не управлялось», - заявила Нино Бурджанадзе на заседании Венецианской комиссии. Она сочла действующий основной закон страны конституцией переходного периода, которая безусловно требовала дальнейшего совершенствования.

При рассмотрении изменений особенно остро стоял вопрос о распределении полномочий между президентом, парламентом и кабинетом министров. Венецианская комиссия считает, что в ряде случаев президенту предоставляются чрезвычайно большие полномочия, что противоречит принципу разделения власти. Например, Комиссия считает, что в любом случае неприемлемо принятие бюджета президентским декретом (актом).

Конституционная реформа 2010 года

Конституционная реформа 2010 года¹³ коснулась, в первую очередь, конституционного статуса президента. Остался в силе институт избранного народом президента. По новой редакции, была сформирована модель т.н. «дремлющего президента» с широкими полномочиями во время кризисных и особых ситуаций. Большинство полномочий президента переходило в руки парламента и премьер-министра. Правительство сформировалось высшим органом власти.

Если до того президент направлял и осуществлял внутреннюю и внешнюю политику страны, по реформе 2010 года президент оставался лишь главой государства, арбитром между органами власти, верховным главнокомандующим и представителем государства во внешних сношениях. Следовательно, происходило дистанцирование института президента от исполнительной власти, что было одной из главных целей конституционной реформы 2010 года.

¹³ Конституционный закон 2010 года - <http://constcommission.ge/2010>

Вследствие конституционных изменений 2010 года, определились конституционные гарантии формирования исполнительной власти как независимой ветви власти. Правительство превращалось в высший орган исполнительной власти, который «осуществляет внутреннюю и внешнюю политику государства». Правительство освободилось от ответственности перед президентом, и оно подотчетно только парламенту.

Конституционная реформа четко определила конституционный статус премьер-министра как главы правительства. Он освободился от ответственности перед президентом. Премьер-министром становится кандидат, представленный победившей на выборах партией или парламентской оппозицией. При назначении членов правительства премьер-министр является независимой фигурой, назначение не требует согласия президента. Утверждается т.н. «парламентский путь» формирования правительства, когда выражение доверия правительству зависит исключительно от воли парламента.

Чего пытался достичь конституционной реформой Саакашвили? В 2013 году истекал второй срок его президентства. Поэтому многие предполагали, что ослаблением института президента и усилением премьер-министра он готовил себе новый пост. Трудно сказать, насколько верным было это предположение. На парламентских выборах 1 октября 2012 года Национальное движение потерпело поражение, и новой конституционной моделью воспользовалась оппозиция, до этого сурово критикующая эту модель.

Последующий опыт и поиск нового конституционного устройства

Конституционная модель, введенная в 2013 году, выявила ряд недостатков. В первую очередь, это – соперничество между президентом и премьер-министром, неопределенность в вопросе о том, кто является первым лицом страны. Соперничество может еще более обостриться, если президент и премьер-министр будут представлять разные политические силы.

В 2014-2015 годах работала конституционная комиссия под руководством председателя парламента Давида Усупашвили. Одной из важных задач было решение вопроса об избрании президента парламентом. Комиссия не смогла представить парламенту конкретный проект. В парламенте не существовало конституционного большинства и согласия по рассматриваемым комиссией вопросам.

Нынешнюю политическую систему Грузии нельзя считать окончательно сформировавшейся. Можно предположить, что парламент, избранный 8 октября 2016 года попытается внести изменения в конституцию. По большой вероятности, изменения коснутся и института президента.

Партии, исходя из своих идеологических и других соображений, стремятся внести изменения в конституцию, но следует принимать во внимание и настроения общества. Существуют разные точки зрения. Большинство склоняется в сторону существования сильного президентского института. Согласно опросу 2010 года, 34%

опрошенных не были сформированы насчет того, какую модель государственного устройства они поддерживают, 7% не придерживалось ни одной модели, 4% отказывались от ответа. 7% поддерживали президентскую республику, 25% - полу-президентскую республику, 16% - парламентскую республику со слабым президентом, 6% - парламентскую республику без президента.¹⁴

Общая картина трансформации института президента в политической системе Грузии

1918-1921	Парламентская республика	Некоторые полномочия президента совмещаются главой правительства
1991.IV. - 1992.I	Президентская республика	Введение института президента
1992.I-1992.X	Военный совет, Государственный совет	"Президента в Грузии больше не будет"
1992.X-1995.VIII	Парламентская республика	Избранный народом председатель парламента с полномочиями президента
1995.VIII-2004.II	Президентская республика	Упразднен пост премьер-министра. Президент – глава исполнительной власти
2004.II - 2013.X	Полу-президентская республика	Восстановлен пост премьер-министра. Расширены полномочия президента
2013.X – по сей день	«Более» парламентская республика	Большинство полномочия президента переходит в руки парламента и премьер-министра. «Дремлющий президент» - задействует в кризисной ситуации

Изменение полномочий президента в Конституции 1995 года

Полномочия президента	1995	2004	2010
Глава государства	+	+	+
Высший главнокомандующий	+	+	+
Право роспуска парламента	-	+	+
Глава исполнительной власти	+	+	-
Направляет и осуществляет внутреннюю и внешнюю политику страны	+	+	-
Назначение премьер-министра	*	+	-
Полномочия при чрезвычайных ситуациях	+	+	+

¹⁴ Конституционная реформа с точки зрения общества. Тбилиси, Институт многопартийной демократии Голландии. 2010, с. 43.

BEREGOI Natalia

Republic of Moldova, University of European Studies of Moldova,
Faculty of Political Sciences and International Relations,
PhD in Political Sciences, university lecturer

UNDERSTANDING INTERNATIONAL RELATIONS THROUGH: SYSTEM APPROACH

System approach as a methodological tool of analyzing International Relations has gained great importance in the lexicology of political science. The meaning of this term is said to be quite imprecise and vague, but it became used wider. To better understand the main feature of the system approach in International Relations often is used the “international system”. The researches in the field developed basic framework to establish the basis on which the international arena can be regarded as a system. They regard not only nation-states, but also individuals as international actors, always standing in interaction with each other making the whole world as an organized complexity. Therefore, system approach contributes to understand and analyze International Relations as a system of interactions which are interdependent and interrelated.

The system approach is one of the methods of contemporary scientific knowledge. System approach can be used for an overall view of the relations among nations and for achieving the objective of theory-building in international politics. The emergence of system approach to the study of International Relations can be described as one of the most significant developments of the 20th century. Immediately after its birth, the system approach captured the interest of a large number of modern political scientists. They began using it as a convenient tool for a large scale of analysis of the political phenomena in the world.

Through system research methodology can be determined the level of organization and functioning mechanisms of complex objects and their interactivity. The experience of modern science shows that the most compelling and complex description of the object is obtained when it appears as a system. Ever since its introduction in the late 1950's, the system approach has been regularly used by a large number of political scientists for analyzing relations among nations. Using the scientific method is associated „with studying the processes that conditioned the formation of a system” [11]. E.Markarian called system approach as „one of the fundamental strategies of the research, from historically point of view

caused by the need to explore systems through cognitive resources” [10]. In the opinion of Russian scientist Iu.Urmančev any object can be studied through systemic methodology. Every system operates, develops and is transformed into other systems based on certain laws of composition. Those laws ensure the unity and stability of the function and development of the system and represent the conditions faced by elements and the relationships between them [13]. All elements that are in mutual connection and relationship and which form a whole constitute a particular system.

Before discussing system approach, it is important to have a clear understanding of the concept of “system”. Also, as defining system approach, there is no unanimity on the exact meaning and implications of this term. However, it refers to a structure of its own, having different parts which are interconnected and interdependent, which undergoes various processes to maintain its existence. Therefore, system implies not only the inter-dependence of parts but also the influence from environment and bidirectional flow. Inter-dependence means that when the properties of a component in a system change, other components and the system as a whole are affected.

In order to make our meaning clear, we will give an example of European Union system model. We will refer to key categories, such as structure and system. Any system has a structure which establishes the organization of interactions and relationships between all elements of the system that determines its functionality. Regarding the relation between structure and system, there is no structure in general, as there was no such EU system previously, but only the elements that make up the system. In other words, the elements of the system determine its structure. The founding states of EU had determined initially the structure of the system: an EU member can become only European countries in terms of geography.

Obviously the structure may have some transformations of the elements without affecting the structure of the system. Although Norway is not an EU member because of a national referendum in which Norwegians were against joining the EU, it implements all common European policies at national level incorporating European legislation, being a signatory to the Schengen agreement for cooperation in terms of border control [3].

However, even structure does not react immediately to any variation of the elements. An example is the adoption of any rule in the EU, which suffers changes from proposal moment till coming into force. Obviously the system structure influences the behavior of the elements and determines their qualitative changes. EU Member behaviors are influenced by a number of common European standards preset in interaction with other EU countries, or from outside. Qualitative changes that had occurred in the elements have been named “European standards”, which means set of norms, rules, behaviors and qualitative results.

A system approach views the system as a “holon” – an entity that is itself a part of a whole. It interacts with other holons in its wider environment [7], while also being made up of interacting parts. We can use this model recursively – each part of the system may be a system in its own right, and can itself be viewed both as an entity as seen from outside, and as a set of interacting parts. This model also applies in understanding the interests of the system elements and their interaction in order to fulfill and promote their interests.

To be more explicitly, we could mention that the existence of many states portends a permanent struggle for the maintenance of political independence, territorial integrity and economic interest. States appear naturally selfish because their inherent desire to pursue their interest in competition with other states. The efforts towards the achievement of national interest over the years have made the international system an arena of survival struggles. This call for concerted efforts by the leadership of various nation-states manifests in making decisions that would enhance their interests in the system. National interest, therefore, becomes a conflicting issue because some interests are not actually for the nation but are self-centered. Especially, where wide consultations or due considerations are not made to determine meaningful outcome or prospects for enhanced development and improved living standard. However, in spite of the embedded conflict surrounding the concept of interest, the fact still remains that all states, no matter their geographical locations, size or population, economic status have interests, and these interests are expressed mostly in their behavior in International Relations.

Another consequence of the holistic nature of a system approach is that it considers not only a problem situation and a solution but also the system is created and deployed to apply one to the other. A systems approach must consider both the boundary of the system of concern as well as the boundary of the system inquiry.

International Relations system is always open, due to the fact that it interacts with the environment. Contrary, regional systems are mostly closed due to resource constraints and boundary limit. So there is an ongoing negotiation to relate elements in system structure and to succeed there is a need to understand the difference between them. Thus, a system approach can be characterized when it considers problems and holistically, sets problem boundaries, understanding the elements relationships and trying to avoid unwanted consequences. The setting of solutions based on system principles, should reduce organized complexity and unwanted emergent properties.

By the other hand the reducing of organized complexity won't be a perfect solution, because according to System theory the world is a system which involves an organized complexity [4]. This system is regulative and adoptive. It is known that each system exists for certain purposes, and, it is for the attainment of these purposes that it adopts and regulates itself to the environment. The system

approach conceives nations which come in contact to form a complicated relationship resulting from the phenomenon of interaction. The activities of a nation are always directed towards the preservation of its national interest. But at the same time nations live with one another. They live in an international environment and participate in that environment. The behavior of a nation is thus a “two way activity of taking from and giving to the international environment” [8].

The features of implementing the system approach in understanding International Relations are derived primarily from the analyzed object. One main characteristics of the IR is that by nature they are social relations, which shows that the international system is a type of social system. This means that the system could not be compared by analogy with the analysis of mechanical system. The structure of a social system is open and badly organized due to the fact that decision making process is based mostly on leader or a small group of people. The system based on social relations conditions the occurrence of international society [2], one that not only forms a system, but established through dialogue and consent common rules and institutions for relationships and recognize their common interest in maintaining these commitments. Any international society, just as the international system, is defined by the great powers and their interaction. It seems to us that none could exist without other, as seen in some historical events that changed the nature of relations between the great powers and held reconfiguration of power relations and in developments of international society.

Another feature of international relations that can be researched through system approach is that they are made by social groups and individuals. It follows that the international system is a system of interaction between people who are guided in their actions by desires, conscience, values, etc. This means that, as pointed out by Robert S. Cohen [12], the determinants of the international system are associated with phenomena such as selection, motivation, perception, etc. International Relations theory, in general, had ignored the role of individuals in shaping the international system. Instead, scholars have tended to favor system theories that explain the behavior of actors, generally viewed as states, as a product of anarchy in the international system. But we do not deny the role of Hitler on configuration the international system. Sometimes, we witness major transformation on international arena due to the influence of one major individual, or because of his/her interaction.

Another common feature of international relations, which must necessarily be considered in a system approach, is that they are primarily political relations, which remain the main point of interaction between countries. Therefore, for example, the core of the international system is a global system of international relations. Regarding the specific characteristics of international relations, the most

important of them is that they are characterized by a lack of sovereignty and “pluralism of sovereignty”. A characteristic related to international systems at low levels of external and internal centralization. In other words, the international system is a special type of social system characterized by low degree of integration of the elements and considerable autonomy to these elements.

The degree of autonomy is not absolute; International Relations are characterized by conflicts of interest, but also by existence of interdependent actors. And integrated society in turn is not exempt from conflict, which under certain conditions, can make it look as anarchy in International Relations, including possible disintegration as we have seen in the example of disintegration of the USSR. Since the end of the Cold War, we have been witnessing the emergence of new types of conflicts. These are progressively more complex, but are, still too often, conceptualized and approached simplistically, using a linear type of reasoning. Complexity is disregarded, and the need for systemic thinking is underestimated, rarely leading to disastrous results. Feedbacks are most often ignored, and the complex dynamics which make a conflict to change over time, following often unpredictable paths, are rarely taken into account. Without a system and holistic framework, decisions may worsen the conflict, resulting in increased and prolonged suffering for the involved populations, and the analysis may lead to poor and mislead understanding of the conflict’s dynamics and perspectives [6].

In the same time we have to pay attention to some shortcomings and limitations of applying a system approach in the study of International Relations. A system approach makes concept cause essentially meaningless. In other words, it provides an opportunity to get rid of mechanical determinism. This is particularly important for understanding International Relations that constantly interact with diverse phenomena, events, situations and processes. Relying on multiple levels of causality, it became hard to understand International Relations only under the system theory, due to both quantitative and qualitative constituent elements.

However, system approach has little success in analyzing International Relations. It could be named only two areas in which positive results were undeniable: in policymaking and decision-making process of international politics [12]. The other achievements have been modest. From epistemological point of view, this happened because any system that has reached a certain level of complexity cannot be known entirely. Therefore a system approach is considered as a method of determining the state of system to identify different ways to combination of its elements, but as soon as the researcher goes beyond relatively simple systems, the results are significantly reduced. So, even there is a classification in 5 types of international systems, determined by the history events, as usually a conflict or war, there is no certainty that there won’t more other

determinant elements of the international system. In accordance to that, the classification made by R. Rosecrance [5] could be a better one, because he took into account more determinant feature than other researcher. The historicity of a system is manifested by the appearance of the development, its evolution or involution. The duration of this system depends on the strength, quality and quantity of information transmitted through the processes and interaction between elements.

On the strength of the using of the system approach in international relations there were identified some common characteristics of international systems. First of all, an international system is a social one. Therefore, it should be considered as complex adaptable, open and poorly organized system. It is not always possible to draw clear and precise boundary between the international system and its environment. Most spatial boundaries of international systems are conditional. So many history systems were autonomous; the relations between its elements play a more important role than the relationship with the environment. A specific feature of international systems is that they are characterized by the absence of sovereignty, low external and internal centralization. In other words, the international system is a special type of social system characterized by a degree of integration of elements. In order to be clearer, we will bring the example of European Union creation.

According to the explanatory dictionary European integration means a process by which EU member states understand to transfer progressively, from national to supranational level, a range of skills related to national sovereignty, accepting to perform sharing and cooperating in those areas of activity in order to achieve political, economic, social and cultural progress and development of EU [1]. Proceeding from the above, we might say that the EU is a unique body founded by spreading sovereign powers. As a result members formed a supranational organization from European community authorities, respecting the identity and national peculiarities of the countries grouped in that organization.

Despite the existence of supranational institutions, the project of political unification of Europe continues to be done by some nations and leaders. As elements of the EU, national governments influence the development of the integration process. Continues to play a key role Franco-German axis, that represents an engine of integration – they propose mostly initiatives and tend to support other countries for the efficient functioning of the EU in particular areas of policy. Several authors, including N. Kaveshnikov remarks the establishment of stable groups of countries within the EU, in addition to some enduring such as Benelux, Baltic States, the Nordic countries (Denmark, Sweden, Finland) and the Visegrad Group (Poland, Czech Republic, Slovakia and Hungary) [9]. These groups have regular consultations, sign memoranda and action plans, formulating common

positions that they support further at meetings of the European Council and the Council of Ministers. Member States were not willing to renounce to their national state structure in favor of a European federal union and transmit their powers to a Community authority. It was initially transferred “only part of sovereignty” in a particular fields (ECSC, EEC and EAEC). In this context, from a real example of the actual European Union, we can emphasize that all elements in a system interact bi- and multi-directional, unconcerned of the degree of integration, but their relations contribute to the formation and structuring the system.

In addition, there is no unanimity between researchers of International Relations about the structure of the international system. Even there is a reasonable agree, as we have seen, the similarity is too narrow. We are speaking about the behaviorist and neo-realism concepts [4]. Not only the competing approaches that conceptualized the international system remained unsolved, but the large theorizing scale has not been fully configured. One consequence is that the difference between rival system approaches of International Relations was not adequately appreciated. Another consequence is that system thinking for understanding International Relations is less sophisticated than it should be. A part of the problem is that the most conscientious system theorists in terms of methodology tended to be methodological monistic and see the system from one-dimensional perspective. The novelty of the current position in the International Relations clearly shows the limits of methodology based on political neo-realism, such as “balance of power”, “bipolarity” or “multipolarity”. After the collapse of the Soviet Union and bipolar global system, there appear such issues that cannot be solved by conventional terms of “poly”, “balance of power”.

The world has entered a period of uncertainty and increased risk, exacerbated by the continuing proliferation of nuclear, chemical, bacteriological weapons. Values widespread in the West (such as the market economy, pluralist democracy, human rights, individual freedoms, quality of life) in the former socialist countries and in post-colonial contribute not only to the stability of the international system by increasing homogeneity, conversely it has the effect of increasing mass migration of people from less economically developed countries, generates conflicts associated with culture conflicts, loss of ideals, undermine the tradition, erosion of self-identity. International system is experiencing profound shocks associated with the transformation of its structure, changing the interactions with its environment.

The system approach creates prerequisites for determining the identities of both private and the whole phenomena and processes in the system. System approach includes the analysis of every International Relations event, phenomena and processes using the system characteristic, as completeness, relativity, historicity and self-regulation. We cannot give up on research methodology of

International Relations through a system approach, due to the lack of results. Even if there is no majority acceptance of the classification of the international system, we cannot deny its existence. Currently, prevailing conceptualizations in International Relations about international systems remain inconsistent and one-dimensional, being able to contribute to the endeavoring of discuss about the whole history of mankind. The same state of affairs is in accepting system approach as pragmatic and common method of research of International Relations. The system approach creates prerequisites for determining the identities of both the private and the whole phenomena and processes in international systems. Being a complex organism in which prospects of decision making process may be subjected to testing and development, the contemporary international system acts as an integrated system in which the processes of integration and globalization keeps not only the particular relations between the great powers but continues multispectral transformations in overall process of homogenization through diversity.

Bibliography:

1. Bărbulescu I.G, Răpan D. Dicționar explicativ trilingv al Uniunii Europene. Iași: Polirom, 2009
2. Bull H. Societatea anarhică. Un Studiu asupra ordinii în politica mondială. Chișinău: Știința, 1998
3. Bulmer S., Lequesne Ch. Statele membre ale Uniunii Europene. Chișinău: Cartier, 2009
4. Buzan B., Little R. Sistemele internaționale în istoria lumii. Iași: Polirom, 2009
5. Dunne A. International theory: To the brink and beyond. London: Greenwood Press, 1996
6. Gallo G. Conflict Theory, Complexity and Systems Approach // Systems Research and Behavioral Science. Volume 30. 2013, p. 156-175.
7. Hybertson D. Model-oriented Systems Engineering Science: A Unifying Framework for Traditional and Complex Systems. Boston: Auerbach Publications, 2009
8. McClelland Ch. Theory and International System. New York: McMillan, 1966. Кавешников Н. Институциональное развитие Европейского Союза // Общество, политика, наука: новые перспективы. Москва, 2000. p. 504-535.
9. Маркарян Э. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. 1972. №10. p.77-86.
10. Сагатовский В. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Москва: Наука, 1980
11. Цыганков П. Теория международных отношений: учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Гардарики, 2007
12. Урманцев У. Система. Симметрия. Гармония. Москва: Мысль, 1988

ЧЕБАН Кристина

Республика Молдова,

Института юридических и политических исследований Академии Наук Молдовы

Доктор юридических наук, старший научный исследователь

КОРНЯ Владислав

Республика Молдова, Университет Европейских Исследований в Молдове

Аспирант

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ГОРИЗОНТ 2020» В ЦЕЛЯХ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРОЦЕССА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

This article analyzes the problem of international cooperation of the Republic of Moldova in the implementation of the project „ORIZONT 2020” in order to keep the ecological production in the country.

Eco-innovation is a new and very promising area of development of economy. It is the development of new products with the lowest use of natural reserves and minimal emissions of toxic substances into the environment. It should be noted that the serious problem of environmental stress was put forward by the international scientific community only in the last century and just then there were the first studies in this direction.

Meanwhile, environmental innovations are not only a tool for the preservation and maintenance of natural resources and the environment in general, but a modern, reliable and at the same time very effective tool that promotes the economic well-being of the country and the level of competitiveness in general.

Информационные технологии и системы мониторинга безопасности окружающей среды входят в более широкую категорию эко-инноваций. Эко-инновации – это комплекс научных, технологических, организационных, коммерческих мероприятий, направленных на решение проблем в области экологии. Наряду с этим эко-инновации участвуют в создании новых эффективных возможностей для предпринимательства. В связи с чем, изучение системы надёжного развития и инновации с прямым внедрением в области безопасности окружающей среды требует междисциплинарного подхода.

Отметим, что эко-инновации – это не только инструмент, направленный на сохранение и поддержание природных ресурсов и экологии в целом, но и механизм,

который содействует повышению экономического благосостояния страны, а также уровню конкурентоспособности.

Проблемы безопасности окружающей среды переходят общественные параметры и соответствуют частному сектору большой промышленности. Эко-инновации совмещают элементы специфических технологий с техникой общественного и частного менеджмента, а также философию окружающей среды.

Технологическая инновация стала мотором конкурентоспособности ЕС. В марте 2000 г. была принята Лиссабонская стратегия. Главная задача её принятия состояла в том, чтобы сделать ЕС «самой конкурентоспособной и динамичной экономикой в мире, основанной на знаниях, способной к устойчивому экономическому росту с расширением и улучшением рабочих мест и большей социальной сплоченностью». В связи с этим подчёркивается роль и важность научных и технических исследований, как приоритетное направление в границах всего европейского пространства.

Несмотря на то, что анализ передовых технологий на данный момент в области экологической продукции в Республике Молдова, позволяет выделить положительные результаты в данном направлении, следует указать на существование специфических несоответствий в сфере экономической конкурентоспособности, а также необходимости выработки действенной платформы.

Следует отметить, что Республика Молдова - первая страна «Восточного партнерства», которая стала членом Европейского научно-исследовательского пространства. Благодаря такому достижению Молдова получила право сотрудничать и конкурировать в качестве равноправного партнера во всех конкурсах объявленных 7РП, пользоваться европейским научным потенциалом для решения внутренних проблем. Отметим, что 11 октября 2012 г. Молдова подписала меморандум о присоединении к Седьмой рамочной программе Европейского союза.

Между тем Республика Молдова подписала 1 июля 2014 г., наряду с государствами Западных Балкан (Македония, Черногория, Сербия, Албания, Босния и Герцеговина), Соглашение о присоединении к Европейской программе по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020»(H2020). Основным достижением присоединения нашей страны к данной программе следует считать возможность для роста и конкурентоспособности в науке. Ассоциация к H2020 содействует мобильности лучших ученых, укреплению национальных исследовательских систем [9].

На базе присоединения Молдовы к вышеупомянутой программе, в Молдове был создан Офис по Науке и Технологии в рамках ЕС (Moldovan Office for Science and Technology (MOST), который предоставляет оперативную информационную и организационную помощь, консультации и рекламные мероприятия по продвижению.

С начала 2012 года был внедрён Состав Двухстороннего Сотрудничества для участия на конкурсах двухсторонних проектов с Германией, Францией, Италией, Румынией, Республикой Беларусь, а также Украиной.

Начиная с 1 января 2012 года, Республика Молдова была принята в панъевропейскую сеть «EURAXESS - Researchers in Motion». По сути это означает подключение Молдовы де-факто к европейскому рынку труда для исследовательского персонала. Национальный портал www.euraxess.md был запущен во время проведения «Ночь исследователя» - мероприятия, основной целью которого является продвижение имиджа науки в обществе. Впервые данное мероприятие было проведено 27 сентября 2013 года. Оно проходило одновременно в 300 городах Евросоюза.

Обеспечение функциональности институциональной платформы по оцениванию статуса Республики Молдова, в качестве страны-члена Программы «Горизонт – 2020», осуществляется при помощи существующих инструментов, таких как:

- a) национальные, региональные, местные контактные точки;
- b) участие официальных представителей научного сообщества и национальных экспертов в комитетах Программы «Горизонт 2010»;
- c) мероприятия Офиса Республики Молдова по Науки и Технологии в рамках ЕС (MOST);
- d) программа EURAXESS.

В тоже время, в Брюсселе, 27июня 2014 г. был подписан Договор по Ассоциации между Европейским союзом, Европейским Сообществом Атомной Энергии и странами-членами ЕС.

Республике Молдова предоставляется сотрудничество по развитию со стороны иностранных доноров, включая участие в Программе ЕС «Confidence Building Measures» под руководством UNDP в Молдове и других фондов, партнёров Республики Молдова по развитию.

Республика Молдова участвует в двустороннем проекте «Трансфер усовершенствованных технологий для Молдовы BITTEM» (Bilateral Technology Transfer Excellence for Moldova), проект внедрённый Таллинским Технологическим Университетом (Эстония), в партнёрстве с Молдавской сетью технологического трансфера.

Также Республика Молдова участвует в Программе по конкурентоспособности малых и средних предприятий 2014- 2010 (COSME), предназначенной специально для согласования информационного потока, обеспечения прозрачности и создания взаимодействий в области инноваций и технологического трансфера, для сектора исследование – развитие – инновация [3].

Отметим, что такие европейские программы, участником которых является Республика Молдова, как: «Горизонт 2020», «BITTEM», «COSME», «EEN», являются реальными возможностями для развития эко-инновационного сектора с результативностью для безопасности окружающей среды [1].

Инновация, исследование и технологический трансфер в Республике Молдова недостаточно финансируются, а производственные необходимости сталкиваются с очень

слаборазвитой инфраструктурой, неспособной модернизировать основные экономические секторы.

Экологическая продукция на сегодняшний день практически неразделима с внедрением новых технологий, в условиях, когда советская система продукции полностью изжила себя.

Инновационные молдавские компании находятся на среднем европейском уровне. Важной задачей является внедрение новых технологий и информационных систем для поддержания процесса экологической продукции.

Подчеркнем, что в последнее время аграрная отрасль Молдовы становится одним из приоритетных направлений для большинства банков и лизинговых компаний. Рост объема финансирования стал заметен и фермерам, однако для успешного развития его до сих пор не хватает. Малые фермеры являются самыми заинтересованными в сельскохозяйственной продукции в Республике Молдова, а их экономический потенциал зачастую остаётся незамеченным во внедрении новых технологий. Из-за отсутствия прозрачности системы финансирования, фермерам сложно стать полноправным участником фондов финансирования.

Анализируя положение Республики Молдова на данном этапе, мы вынуждены констатировать, что исследовательская система является сверх централизованной, а решающей инстанцией, которая сосредоточила административные исследовательские инструменты, является Академия наук Молдовы.

В 2004 г. был принят Кодекс Республики Молдова о науке и инновациях, согласно которому была реализована правительственная реформа исследования и была выполнена инновационная инфраструктура. Данный кодекс регламентирует правовые отношения, которые связаны с разработкой и осуществлением государственной политики в области науки и инноваций, также деятельностью в области научных исследований, научно-технологической информации и др. Инновационная система Республики Молдова представлена следующими структурами: Агентство по Инновациям и Трансферу Технологий, Государственное Агентство по Интеллектуальной Собственности, «Academica», «INAGRO», Инновационный инкубатор и высшие учебные учреждения.

Государственное Агентство по Интеллектуальной Собственности организует и осуществляет юридическую защиту интеллектуальной собственности под формой промышленной собственности, юридическую защиту авторских прав и смежных прав на территории Республики Молдова и управляет национальными реестрами заявлений и защитными названиями выданных для изобретений.

«Academica» и «INAGRO» размещены в бывшем экспериментальном заводе «ASELTEH» при Академии наук Молдовы и на данный момент исчисляет 17 резидентов отобранных из 58 компаний из Республики Молдова и за её пределами, которые конкурировали за статус резидента.

«INAGRO» специализируется в интенсивном сельском хозяйстве и в органическом сельском хозяйстве. Его инфраструктура состоит из около 16 000 м² помещения и около 100 гектаров земельного участка. Тут проводят свою деятельность 14 резидентов.

Организация по развитию малых и средних предприятий оказывает поддержку молдавским малым и средним предприятиям на всех этапах их развития.

Такие министерства, как: Министерство экономики, Министерство сельского хозяйства и пищевой промышленности, Министерство информационных технологий и связи, Министерство охраны окружающей среды, также участвуют в процессе поддержки инноваций.

На самом деле, инновационная инфраструктура практически обеспечивается Академией наук Молдовы и Агентством по инновациям и трансферу технологий.

Анализируя сектора с наиважнейшим влиянием на ВВП Республики Молдова, которые нуждаются в трансфере технологий, выявляем следующее:

Сельское хозяйство, обеспечивает около 40 % экспорта, субсидируется государством, привлекает крупные инвестиции в сравнении с другими секторами. В основном оно фокусируется на производстве и экспорте свежих продуктов, в то время как перерабатывающий сектор промышленности практически не существует.

Препятствия для роста сельского хозяйства связаны с: оплодотворением почвы, научно доказанным использованием удобрений, расширением орошаемых площадей, повышением качества продукции и внедрением европейских стандартов в этой области, развитием органически чистой продукции, развитием инфраструктуры отрасли, увеличением доли обработанной и экспортируемой продукции, специализацией в производстве и с расширением ростом культур с высокой добавленной стоимостью.

Информационные и коммуникационные технологии, в настоящее время обеспечивают около 10 % ВВП, но более 9 % обеспечены сектором телефонной связи. Промышленность информационных технологий (программное и системное обеспечение) не смогла занять важное место в структуре национальной экономики. Отрасль представлена небольшим числом разработчиков приложений, без участия местных компаний в разработке приложений для государственного сектора и отечественной промышленности.

Легкая промышленность. Анализ показывают, что продукция основана главным образом на производстве в Лон.

Машиностроительная промышленность, предполагает сборочные предприятия и экспорт компонентов и разновидностей кабелей для автомобилей, но только по заказу и относительно с низкой добавленной стоимостью для всей экономической системы.

Инфраструктура находится в плохом состоянии, это относится к системам канализации и очистных сооружений, дорогам, энергетике и т.д. В последнее время осуществляется ремонт и обновление в этих областях, но необходимые средства не соответствуют существующим возможностям финансирования, поскольку требуются новые технологии в этой области.

Возобновляемые источники энергии. Этот сектор создает значительные возможности для предпринимательства, для исследования и для экономики в целом.

Далее мы проанализируем инновационную политику Республики Молдова, которая влияет на основные секторы экономики. Нами были определены два сектора: сельское хозяйство и сельскохозяйственные биотехнологии, энергетическая безопасность и повышение энергетического сектора.

Инновационная политика разрабатывается и реализуется через *государственные программы, институциональные программы и проекты в области трансфера технологий:*

1. Развитие конкурентоспособности и устойчивого роста в контексте экономики основанной на познании, развитие региональной и европейской интеграции;

2. Освоение возобновляемых источников энергии в реальных условиях Республики Молдова и разработка молдавского спутника.

Субъекты инновационной инфраструктуры, в рамках национальных Стратегий, связаны с пересечением науки и бизнеса. На данный момент, самыми представительными организациями в этом списке являются: *научно-технологические парки и инновационные инкубаторы*, где реализуются инновационные проекты и трансфер технологий для компаний, которые получают статус резидента в них [8].

Трудно представить себе серьезное влияние на национальную экономику этих инициатив, хотя оно может рассматриваться как первый шаг в направлении крупного процесса передачи технологии.

Мы должны признать, что инновационный потенциал фирм в Молдове низок и связи между инновационными компаниями и научными кругами практически отсутствуют. Влияние инноваций на агропромышленный сектор мало, в Молдове зарегистрирован очень низкий уровень персонала работающего с передовой технологией в производстве.

Кроме того, отсутствие выделения пособий и отсутствие адекватной системы финансирования способствовали разочарованию инвесторов в партнерстве с государством, которое негативно отражается на развитии инновационной деятельности в целом.

Объяснением блокады по реализации технологий и информационных систем в секторах молдавской экономики является отсутствие общественного инфраструктурного партнёрства и международного сотрудничества нашего государства для доступа к фондам и заинтересованность иностранных инвесторов для участия в реализации новых технологий в нашей экономике [10].

Чтобы выжить и быть эффективными в мире в постоянном движении, агропромышленный сектор должен быть открытым для непрерывных инновационных процессов при помощи чередования централизованной системы частного сектора.

Как отмечалось выше, инновационная инфраструктура уже была создана в Республике Молдова на институциональном уровне, сложным шагом является осуществление симбиоза инновационного сектора и частного сектора. Мы постараемся

обрисовать препятствия на пути к внедрению новых технологий для органического производства в Молдове.

Во-первых, новшество требует адекватных знаний, но особенно пользователей этого знания. В академическом направлении, имеется в виду междисциплинарность, а на уровне внедрения, подразумеваем межоперативность. Трудно представить этот процесс полностью руководимым, скорее всего решение состоит в регулярных встречах исследователей, специалистов и производителей.

В этом отношении появляется следующая проблема - многие источники знаний взаимодействуют, чтобы разделить и объединить идеи. Взаимодействия и процессы такого рода зависят от общего социально-экономического контекста государства для реализации кампаний по информированию общественности и укрепление групп заинтересованных сторон. Это означает, что каждая ситуация представляет определенный контекст и способствует собственной эволюции в зависимости от поля деятельности.

Но самая главная проблема связана с внедрением новых технологий в агропромышленный сектор в следующих сегментах: трансфер технологий, поставка, укрепление потенциала, особенно потенциала к инновациям.

Сектор первостепенного значения для действительно функциональной экономики - устойчивый сектор информационных технологий. Он не должен быть ограничен прямыми последствиями ИКТ, прямыми эффектами информационных технологий, но особенно ориентироваться на косвенные последствия: инновация, информация и реализация.

Согласно официальной терминологии рекомендованной Генеральной комиссией по терминологии и неологии в 2009 г., «Green IT» и «Ecoinformatica» являются новыми понятиями, которые существуют во многих нормах и стандартах на международном уровне (Базельская Конвенция, принятая в 1989 г., целью которой является контроль перемещения опасных отходов и снижение их количества; Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнителях (СОЗ), направлена на контроль, уменьшение или запрет определенных загрязнителей; Европейский WEEE (отходы электрического и электронного оборудования) связан с управлением и обработкой электрических и электронных отходов; Европейская Директива RoHS (ограничение использования определенных опасных веществ в электрическом и электронном оборудовании) пытается ограничить использование вредных веществ в электрическом и электронном оборудовании и требует от производителей уменьшить использование шести опасных веществ (свинец, ртуть, кадмий, шестивалентный хром, полибромированные бифенилы); Для бизнес-процессов: ISO 14001 относится к охране окружающей среды в организации; EMAS (менеджмент окружающей среды и аудит) является шагом ближе к ISO 14001, так как он предназначен для организаций, желающих оценить и / или улучшить их экологические характеристики.). Было бы абсолютно обязательно, чтобы они присутствовали в Стратегии и политики Республики Молдова [7].

Помимо чисто нормативной стороны, ряд директив и проектов ЕС, как правило, стремятся поощрять использование информации об окружающей среде в экономике. Мы могли бы дать пример Директивы INSPIRE, которая направлена на содействие обмену данными в рамках Европейского союза в экологической области, принятых в широком смысле. Эта Директива вводит, в частности, обязательство по предоставлению данных в соответствии с общими правилами реализации и форматов данных, как каталогов метаданных. CORINE и GMES - проекты использующие геопространственные данные, обработку, анализ и интерпретацию поддержки, мониторинг и оценку европейских директив в области окружающей среды.

Подход к устойчивому развитию в области информационных технологий является стратегическим выбором государства для привлечения к участию инновационные частные компании в процессе передачи технологий, поддерживая реализацию информационных технологий, субсидируемых государством.

Например, ИКТ имеет положительное влияние на глобальные сокращения выбросов парниковых газов, тем не менее, трудно точно определить в совокупности этот вклад: убедительные аргументы приходят из сферы транспорта и строительства, потому что ИКТ экономит время и текущую стоимость акций: перевозка, планирование и контроль.

По отношению к поднятому вопросу, данный пример многозначителен, поскольку ИКТ осуществляемые в условиях устойчивого развития, будут эффективно способствовать для мотивации сторон в процессе реализации технологий и информационных систем поддержки в агропромышленном секторе, благодаря низким затратам и предсказуемому доходу.

Практически неразрешимой проблемой в текущем контексте являются рабочие кадры, а именно на уровне производителей и владельцев компаний, участвующих в агропромышленном производстве. Отметим, в частности, что этот сектор требует практический опыт, и этот опыт должен передаваться через поколения, а именно здесь возникают трудности в общении между поколениями специалистов с опытом в области технологий.

Этот вывод не присутствует, к сожалению, в содержании инновационных стратегиях Республики Молдова. Поскольку передача технологии происходит в передаче информации от одного поколения специалистов к другому. Если на академическом уровне этот процесс является естественным, для промышленных производственных секторов, опыт инженеров и специалистов не эксплуатируется и не подчёркивается в государственных стратегиях и политике.

Решение, которое может обеспечить ИКТ в этом сегменте очень важно, потому что передача передовых технологий включает в себя в первую очередь, информационный опыт для заинтересованных сторон. В агропромышленном секторе опыта имеет огромное значение, а информационная поддержка должна быть ориентирована на тех, кто производит.

Связь между информационными потоками и физическими потоками свидетельствует о том, что первый эффект информационных технологий, вероятно, это увеличение связей между производителями и новых технологических предложений.

Если приглядеться, то в большинстве своем речь идет о волновом эффекте, основной целью которой является - внедрение субсидируемого ИКТ. Это приведет к развитию производства, реализации больших объемов товаров, упрощению процедур торговли, а также управлению схемами поставок новых технологий, информации и приобретению новых технологий, и к более повышенной активности производственных компаний в рамках сотрудничества с научно-исследовательскими, инновационными институтами.

Согласно разработанной стратегии, экономика Молдовы в 2020 г. будет иметь значительный развивающий компонент, достигнутый на основе инноваций. Экономика страны будет ориентироваться на внедрение новых технологий, разработку и производство новых продуктов и услуг, на реализацию новых форм бизнеса [10].

Как уже упоминалось выше, общественное партнёрство имеет большое значение для мотивации и эффективности передачи передовых технологий. В первую очередь это связано с: привлечением частных компаний к сектору развитого трансфера технологий и внедрением опыта в средних экологических технологиях (Environmental Technologies Действие), в качестве инструмента для стимулирования широкого применения технологических решений для органического производства и охраны окружающей среды в Республике Молдова.

Библиография:

1. Codul cu privire la știință și inovare nr.259 din 15.07.2004 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 125-129, 30.07.2004.
2. Concepția asupra reformei sferei cercetare - dezvoltare. Hotărîrea Parlamentului Republicii Moldova nr. 115 din 29.07.1998 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.081, 03.09.1998
3. ERAWATCH Country Reports 2010 and 2011: Moldova. http://erawatch.jrc.ec.europa.eu/erawatch/opencms/information/country_pages/md/country
4. Inco-Net EECA. S&T Policy Mix Peer Review Moldova. 26 iunie 2012, prezentare la ASM.
5. OECD. Competitiveness and Private Sector Development, Republic of Moldova 2011: Fostering SME Development, Competitiveness and Private Sector Development, OECD Publishing, 2011 p. 126.
6. Rapoartele anuale privind activitatea Consiliului Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică și rezultatele științifice principale obținute în sfera științei și inovării. http://asm.md/?go=activitatea&activ1=1&csdt=15&new_language=0

7. Republica Moldova: Raport Național de Dezvoltare Umană. Calitatea creșterii economice și impactul ei asupra dezvoltării umane. http://www.undp.md/publications/2006NHDR/2006_nh_dr%20rom.pdf
8. Strategia de atragere a investițiilor și promovare a exporturilor pentru anii 2006-2015, aprobată prin Hotărârea Guvernului nr. 1288 din 09.11.2006. <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&id=318477>
9. Strategia de dezvoltare a industriei pe perioada pînă în anul 2015, aprobată prin Hotărârea Guvernului nr. 1149 din 05.10.2006. <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&id=317831>
10. Strategia națională de dezvoltare a societății informaționale “Moldova Digitală 2020”, aprobată prin Hotărârea Guvernului nr. 857 din 31.10.2013 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.252-257/963 din 08.11.2013

КРЕШНЁВ Алексей

Республика Молдова, Молдавский Государственный Университет,
Факультет Международных Отношений, Политических и Административных Наук,
Департамент Международных Отношений,
Аспирант, лектор

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ, АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)*

The collapse of the Soviet Union led to three unrecognized republics appearance, which are still under Russian control. The author attempts to research the military and economic relationships between Transnistria, South Ossetia and Abkhazia, the research is based on the analysis of main documents signed between them. The main result of the research is that due to geographical position of Transnistria all signed documents cannot be fully implemented.

Развал Советского Союза привёл не только к появлению новых государств на карте мира, но и к ряду конфликтов, приведших к появлению неподконтрольных территорий, так называемых непризнанных республик. Молдова и Грузия - два государства, столкнувшиеся с территориальной проблемой после распада СССР, проблемами, которые влияют на их внешне политический курс вот уже более двух десятилетий подряд.

На данных территориях в кратчайшие сроки были сформированы правительства, министерства, отвечающие за различные направления, в том числе и дипломатию и международные связи. Так, к примеру, в Приднестровье существует Министерство Иностранных Дел ПМР, которое участвует в переговорном процессе с официальными властями Республики Молдовы, работает по направлению признания территории в качестве субъекта международного права и независимости от Кишинёва, аналогичные министерства есть в Абхазии и Южной Осетии. Важно отметить, что все три непризнанные республики находятся под контролем Российской Федерации.

* “თბილისში დასრულდა ახალი საერთაშორისო ურთიერთობების ინტერნაციონალური კონფერენცია, რომელიც მიზნად ისახავს ანდლეს, ცხინვალის ანდლესის რეგიონების პრეკეციონის შესახებ დოკუმენტების დადგენას და ეკონომიკური თუ სხვა სახის თანამშრომლობის განხორციელების მიზნით. კონფერენციის დასრულების შემდეგ დადგინდა, რომ ყველა დადგენილი დოკუმენტი ვერ იქნება სრულად განხორციელებული გეოგრაფიული მდებარეობის გამო. კონფერენციის დასრულების თარიღი: 01.03.2013-28.02.2017”

Помимо вышеуказанных целей, так называемые министерства иностранных дел непризнанных республик активно налаживают отношения между собой. Данная статья будет посвящена многовекторным отношениям между Приднестровьем, Абхазией и Южной Осетией, рассмотрению основных документов и возможностей их соблюдения.

Дипломатические отношения между ПМР с Абхазией и Южной Осетией начались в 1993 году и 1994 соответственно, с подписания договора о дружбе и сотрудничестве [4]. Абхазско-Осетинское соглашение о сотрудничестве было подписано в 2005 году в Цхинвали. Стороны заявили о необходимости развивать экономические, торговые и научные связи. Основной целью сотрудничества является обмен опытом в государственном строительстве, установлении связей между различными гражданскими структурами. Касательно отношений в военной сфере, было заявлено, что в случае агрессии в отношении сторон, остальные стороны начнут консультирование по поводу принятия мер по отражению "агрессии"[4]. Стороны договорились о регулярных обменах мнениями по интересующих их вопросам.

Несмотря на то что начало отношений между тремя непризнанными республиками было обозначено в начале 90х, интенсификация переговоров началась только в начале 2000х. Так в 2000 году "Содружество Непризнанных Государств" было создано в Тирасполе [3, 16-17].

В 2001 году был подписан протокол "О сотрудничестве и консультациях между Министерством иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики и Министерством иностранных дел Республики Абхазия". Стороны открыли полномочные представительства Республики Абхазия и Приднестровской Молдавской Республики, соответственно в Сухуми и Тирасполе. Аналогичные соглашения были подписаны между Приднестровьем и Южной Осетией, посольства Абхазии и Южной Осетии появились в центре Тирасполя [9].

Основной организацией, созданной между тремя непризнанными республиками, стала организация "За демократию и права народов", её ошибочно путают с "Содружеством Непризнанных Государств". Декларация о намерении создать организацию была подписана в Сухуми в 2006 году [10]. Основная цель сообщества "завершение политико-правового оформления распада СССР путем признания Республики Абхазия, Приднестровской Молдавской Республики, и Республика Южная Осетия".

В рамках декларации о намерении, стороны провели референдумы по консолидации внешнеполитических ориентиров, а именно продемонстрировали своё стремление к независимости и подтвердили свой про-российский вектор. В результате, 17 сентября 2006 года, состоялся референдум в Приднестровье, 12 ноября 2006 года, референдум был проведен в Южной Осетии, и, наконец, 6 декабря 2006 года, общенациональный сбор в Абхазии подтвердил результаты референдума о

“независимости” 1999 года. Таким образом, одним из первых шагов, которые были реализованы в рамках сообщества, было согласование в по вопросу обретения “независимости”.

После референдумов, в Тирасполе был подписан Устав Сообщества (2007). Основные цели сообщества состоят в следующем: “(1) сотрудничество между государствами-членами в обеспечении международного мира и безопасности, в том числе продвижение окончательного и всеобъемлющего мирного урегулирования отношений между государствами-членами с Грузией и Молдовой; (2) межгосударственное сотрудничество и интеграция; (3) политическое, информационное, экономическое, и другое сотрудничество с третьими странами, особенно с Российской Федерацией”. Следующие принципы были направлены на достижение целей сообщества: “(1) уважать суверенитет государств-членов, неотъемлемого права народов на самоопределение и право на самоопределение без внешнего вмешательства; (2) нерушимость государственных границ государств-членов сообщества; (3) территориальная целостность государств и совместных усилий по противодействию любое нападение на независимость и территориальную целостность государств-членов; (4), чтобы вместе и поддерживать друг друга в целях создания мирных условий жизни для государств-членов сообщества, чтобы обеспечить свое политическое, экономическое и социальный прогресс; (5) развивать взаимовыгодное экономическое и научно-техническое сотрудничество, расширение интеграционных процессов” [15].

Так Организация "За демократию и права народов" фокусируется на экономическом, военном, социальном и культурном сотрудничестве. В данной статье будут рассмотрены экономическое и военное направления деятельности организации, а также основные договоры между тремя непризнанными республиками, которые имеют отношения к вышеперечисленным сферам.

Экономика. В статье 19 Устава, можно найти следующие направления экономического сотрудничества: (1) формирование единого экономического пространства на основе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; (2) координация кредитно-финансовой политики; (3) содействие развитию торгово-экономических отношений государств-членов; (4) поощрение, признание, и взаимной защите инвестиций [15].

В 2013 году было подписано соглашение между Национальным банком Республики Абхазия и Республиканского Банка Приднестровья [12], на основе соглашения стороны могут сотрудничать в денежно-кредитной политики, банковского регулирования, надзора и, платежных систем, налично-денежного обращения, организации и методологии, бухгалтерского учета организация платежного баланса, анти-действие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, и других областях, представляющих взаимный интерес. Например, в статье 2 этого соглашения,

говорится, что стремления направлены на сохранение и развитие корреспондентских отношений, основанных на корреспондентских счетах. Стороны на взаимной основе, принимают меры по обеспечению бесплатных услуг по открытию и ведению корреспондентских счетов, а также совершению операций с денежными средствами на корреспондентских счетах.

Довольно проблематично говорить что-либо о действенности корреспондентских счета в отношениях между непризнанными республиками, но велика возможность, что подобные счета могут способствовать их поддержке. Тем не менее, несмотря на все экономические договорённости, подписанные в рамках организации "За демократию и права народов", внешние экономические отношения Приднестровья с Абхазией и Южной Осетией практически не развиваются. По данным таможенной статистики, приднестровский экспорт в Абхазию в 2013 году составил всего 38,6 тысяч долларов США из 523,5 млн долларов США [14]. Южная Осетия даже не фигурирует в списке внешнеторговых партнеров ПМР [8]. Другими словами, экономическое сотрудничество существует только на бумаге, в реальной жизни из-за географической отдалённости ПМР обеспечить экономическое развитие между непризнанными республиками не представляется возможным. Мы можем говорить только о демонстрации солидарности и поддержке друг друга.

Военные и сотрудничество в области безопасности являются одним из основных целей сообщества. Статья 11 Устава гласит, что государства-члены будут проводить согласованную политику в области международной безопасности и внести свой вклад в поддержание безопасности внутри сообщества, в том числе групп военных наблюдателей, миротворцев совместных сил и других воинских формирований. Статья 12 провозглашает, что в случае любой угрозы суверенитету, безопасности и территориальной целостности против одного или нескольких государств-членов, все государства-члены должны немедленно активировать механизм взаимных консультаций с целью координации позиций и принятия мер, необходимых для устранения угрозы, в том числе операции миротворцев и использование Вооруженных Сил в рамках статьи 51 Устава ООН, которая защищает право на индивидуальную или коллективную самооборону. Было также отмечено, способность обратиться к третьей стороне с просьбой о помощи в ликвидации угрозы их суверенитету и безопасности, а также восстановление и поддержание мира и безопасности в регионе [15].

В 2006 году было подписано соглашение о намерении создать общие силы миротворцев между ПМР, Абхазией и Осетией. Так, было заявлено, что изменение существующего формата миротворческих операций, в том числе путем привлечения третьих стран и международных организаций, приведет к непредсказуемым последствиям. Важным итогом встречи трех "президентов" была договоренность об общей безопасности. "Эти силы создаются на постоянной основе, но будет

использоваться только если российские войска покинут непризнанные республики", заявил президент ПМР Смирнов в 2006 [11].

Значение этого шага следует рассматривать в контексте событий 2006 года. В ходе 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2006) года вопрос о "замороженных конфликтах" был поднят по инициативе ГУАМ. Министры иностранных дел ГУАМ договорились создать свои собственные полицейские силы, которые должны заменить российских миротворцев в конфликтных зонах по всему СНГ. Другими словами, идея членов сообщества создавать свои собственные силы миротворцев была часть игры Москвы против инициативы ГУАМ заменить российских миротворцев.

Об этих соглашениях в открытых источниках было упомянуто лишь однажды, Владимир Атаманюков, начальник штаба Министерства Обороны ПМР, заявил, в июле 2008 года: "Батальон имеется, и он достаточно мобилен. Он готов в любой момент оказать помощь в случае осложнения обстановки в братской Абхазии" [2]. Очевидно, что географическое положение Приднестровья не дает никаких военных маневров и о вышеприведённая цитата является шагом солидарности с Абхазией, чем реальной политическим или военным заявлением.

По этой же причине, нет никаких сведений о том, что ПМР направила свой батальон миротворцев в Южную Осетию в августе 2008 года. Именно по этому основной причиной подписания "Дополнительного протокола № 1 к Соглашению между Приднестровской Молдавской Республики и Республики Южная Осетия о дружбе и сотрудничестве" является подтверждение дружеских отношений между ПМР и РЮО [6]. Стороны в очередной раз заявили, что в случае агрессии или мер социального, экономического, международного давления на одну из сторон, другая сторона будет рассматривать этот шаг как агрессию против неё самой.

Что касается Абхазии, в участии в событиях августа 2008 года, то 9 августа 2008 года Абхазия в рамках соглашения о военной помощи между членами Сообщества "За демократию и права народов" приняла участие в войне на стороне Ю. Осетии.

Таким образом, военные соглашения между непризнанными республиками ПМР, РЮО и РА носят частично демонстративный характер и как показала война 2008 года не могут быть выполнены в полной мере, из-за географической отдалённости ПМР.

Вместо заключения

Отношения между непризнанными республиками - очень интересный феномен современности, который, не смотря на то, что почти все заключенные договоры и созданные организации носили демонстративных характер, имеет все шансы на развитие. Необходимо упомянуть, что все три непризнанные республики напрямую или косвенно повлияли на развитие событий на юго-востоке Украины.

Так, к примеру, экс-министр госбезопасности Приднестровья Владимир Антюфеев в июле был назначен на одну из руководящих должностей ДНР. Его прибытие в ДНР комментировалось как указание Москвы на продолжение борьбы за юго-восток Украины [1].

Именно, после образования непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик в 2014 году сообщество «За демократию и права народов» возобновило свою деятельность [13]. Первыми ДНР признала Южная Осетия, затем «министр иностранных дел ДНР Кофман» провёл встречу с «премьер-министром Абхазии» Беслан Бутба 27 ноября 2014 года. "Мы договорились о гуманитарной помощи для снабжения ДНР и наши волонтеры, которые будут рассматриваться в Абхазии", - сказал Кофман [7].

Так называемый МИД ДНР также сообщил, что в ходе встречи стороны обсудили признание ДНР со стороны Абхазии. "Это признание не за горами. В ближайшем будущем, делегация посетит ДНР, Южную Осетию, и Абхазию. Мы хотим присоединиться к Сообществу «За демократию и права народов», и работать на расширение и укрепление этой организации." - заявил Кофман [7]. Следует отметить, что Статья 7 Устава Сообщества гласит, что государства, желающие стать членами сообщества, должны разделять цели и принципы сообщества и принимать обязательства, содержащиеся в Уставе. Кандидат в члены сообщества должен быть принят всеми странами-членами сообщества[15].

Становится очевидным, что феномен отношений между непризнанными республиками, находящимися под контролем Москвы и нуждающимися в демонстративной дипломатии с целью одобрения населения, проживающего на данных территориях, нуждается в дальнейшем наблюдении и исследовании. Демонстративная дипломатия непризнанных республик является частью построения государственности на неподконтрольных центральным властям Грузии, Молдовы и теперь уже Украины территориях.

Библиография:

1. Антюфеев предпринял попытку госпереворота в Донецке? http://www.noi.md/ru/news_id/46965#close (дата обращения 21.02.2016)
2. Армия Приднестровья готова помочь Абхазии. <http://www.dni.ru/polit/2008/7/18/145911.html> (дата обращения 17.02.2016)
3. Добронравин Н. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Европейский Университет в Санкт-Петербурге, М. Центр, 2011
4. Договор между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Абхазия о дружбе и сотрудничестве. http://abkhazia-pmr.org/files/documents/dogovor_o_drujbe_1993.pdf (дата обращения 17.02.2016)

5. Договор между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Южная Осетия о дружбе и сотрудничестве. http://abkhazia-pmr.org/files/documents/dogovor_o_drujbe_1993.pdf (дата обращения 17.02.2016)
6. Дополнительный Протокол №1 к Договору между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Южная Осетия о дружбе и сотрудничестве. <https://docs.google.com/file/d/0B18ZoEsAsFiTbHdnc3k2Z1hhaTA/edit> (дата обращения 17.02.2016)
7. Медведев С. ДНР на пути к международному признанию. <http://politobzor.net/show-29882-dnr-na-puti-k-mezhdunarodnomu-priznaniyu.html> (дата обращения 17.02.2016)
8. Моспанов А. Внешняя Торговля Приднестровья: Запад и Восток <http://old.tiraspol.ru/news/?action=show&id=2239> (дата обращения 17.02.2016)
9. Протокол "О сотрудничестве и консультациях между Министерством иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики и Министерством иностранных дел Республики Абхазия". http://abkhazia-pmr.org/files/documents/protocol_o_sotrudn_i_konsult_MIDPMR_MIDRA.pdf (дата обращения 17.02.2016)
10. Совместная Декларация о создании Сообщества «За демократию и права народов». <http://cominf.org/node/1166477252> (дата обращения 17.02.2016)
11. Совместное Заявление Президентов Республики Абхазия, Приднестровской Молдавской Республики и Республики Южная Осетия. 2006 год. <http://novostipmr.com/old/2006/ol85-06-06.html> (дата обращения 17.02.2016)
12. Соглашение о сотрудничестве между Приднестровским Республиканским банком и Национальным банком Республики Абхазия. <http://www.nb-ra.org/ru/pdfdoc/MVD/22.01.2013-pmr.pdf> (дата обращения 17.02.2016)
13. Сообщество "За демократию и права народов" осудило деятельность киевских властей. <http://regnum.ru/news/1805254.html> (дата обращения 17.02.2016)
14. Статистика за 2013-2014 года. <http://customs.tiraspol.net/content/view/1196/148> (дата обращения 17.02.2016)
15. Устав Сообщества «За демократию и права народов». <http://mfa-pmr.org/ru/gnk> (дата обращения 17.02.2016)

КЕШЕЛАВА Важа

Исследователь Института политологии

Государственного университета Ильи

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА НЕБОЛЬШОГО ГОСУДРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Существование небольших государств на протяжении истории неоспоримый факт, как и то, что они находились под прессом нескончаемых претензий, враждебных посягательств на их суверенность извне и прямых агрессий со стороны более сильных соседей. Среди них нет неприкасаемых: судьба малых (а потому слабых) государств – открытая, незаживающая рана на теле истории, всегда была вызовом. Когда, казалось бы, поставлена последняя точка, откуда ни возьмись, брались силы, чтобы подняться непокорёнными, жизнеспособными, свободолюбивыми. Как раз в этом кроется загадка их возрождения и реанимации, проблема их независимого существования и бесценного культурного многообразия мира.

История не топчется на месте, расширяя свое жизненное пространство, она то движется не спеша, то медленно поспешает. Сегодня она заметно прибавила в скорости. Возрос темп изменений. Мир поднимается на новую ступень взаимозависимости и единства, переходит от замкнутости к открытости, от изолированности к интеграции. Границы становятся относительными, прозрачными, в известном смысле условными (см. т.н. безвизовый режим). Одним словом современный мир отмечен знаком ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Рождение нового есть преодоление инерции, победа, одержанная над привычкой, над устаревшей традицией. Как в свое время индустриализация покончила с феодально-крепостническим строем и, создав крупную промышленность, заложила фундамент новой экономической системы – капитализма, а вместе с ним и соответствующих политических институтов, в том числе национального государства, так теперь глобализация несет с собой радикальное преобразование нынешней общественной системы в целом и института национального государства в частности. Ей (глобализации) тесно в рамках последнего, каким сложилось оно в эпоху индустриализации, и, ставя под вопрос его самодостаточность, адекватной формой политической организации, отвечающей требованиям современности, выступает сверхгосударство, крепко спланивающее тесными узлами несколько суверенных государств, или их федерация, конфедерация, нечто вроде союза, как то мыслили авторы – Европейский Союз (ЕС), наднациональное супергосударство...

Питательной почвой, обеспечивающей поступательное развитие истории, служат противоречия. Одним из очень многих из них, которое преследует её неиз-

менно, является противоположность между **объективным** ходом вещей, диктуемым внутренней необходимостью, с одной стороны, и его **субъективным** неприятием, оппозицией к нему – с другой. Это общее правило дает о себе знать сегодня в отношении к глобализации, которая есть предданность, а оппонирующую роль играют те силы, которые категорически возражают (и даже негодуют) против универсализации мира и с позиций защиты этнонациональной идентичности встречают в штыки глобализацию, настаивая на необходимости многообразия.

Пафос их отрицаний легко понять. Следует принять во внимание, во-первых то, что вообще новообразованные государства очень болезненно реагируют на любые покушения (даже мнимые) на правомерность недавно завоеванного ими статуса независимости. Во-вторых, сама по себе многомерность глобализации, позволяющая различные интерпретации, даёт обильную пищу критикам преподнести её в невыгодном свете и сделать совершенно неприемлемой для патриотов-энтузиастов, процент которых в малых странах всегда велик.

Так, для иллюстрации вышесказанного уместно будет сослаться на высказывание Генри Киссинджера, касающееся феномена глобализации. Судя по его словам, главный вызов состоит в том, что то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли США. В процитированном возросшая внешнеполитическая роль Америки, которая во времени совпала с глобализацией и пользуется ею в своих интересах, ассоциируется с самим процессом глобализации, будто глобализация и есть не что иное, как модель мира, скроенного по-американски в гегемонистских целях. Отсюда взаимосвязь антиамериканизма и антиглобализации: настроенные антиамерикански - противники глобализации, поскольку связывают с ней потерю собственной самобытности и суверенитета, что особенно идет вразрез с недавно признанной их независимостью.

Холодная война, длившаяся долгие четыре десятилетия – с 1945 по 1985 годы, - завершилась развалом СССР. То, что оказалось не под силу до зубов вооруженным армиям вермахта, свершилось как бы самотеком, «без единого выстрела», как охотно повторяют друг за другом западные авторы. ИСТОРИЯ с большой буквы вынесла свой непререкаемый приговор: гигантская империя погрузилась в небытие. На авансцену мировой империи, как по мановению волшебной палочки, буквально выпало пятнадцать новых независимых государств. Бывшие советские союзные республики, вырвавшись из-под опеки центральной великодержавной власти (Москвы), обрели свободу и получили признание мирового политического сообщества в качестве суверенных государств.

Независимо от различий, обусловленных перипетиями политического взросления каждого из новообразованных государств, расставание с советским наследством требовало много сил и мастерства управления, дефицит которого был налицо. Напомним, что наш разговор, прежде всего, касается Грузии, с необустроенностью которой сталкиваешься на каждом шагу и которая бросается в глаза любому зрячему.

Впрочем, в этом плане Грузия далеко не одинока. С разной степенью приближения аналогичное – дозой «больше–меньше» – творится и у соседей. Участь Украины, к слову, если не тяжелее, то ничуть не легче.

Поднять страну из руин – задача, ставшая бременем некомпетентных менеджеров, вот уже четверть века ждет решения. Неизвестно, сколь долго протянет доверчивость их терпеливых соотечественников, которым вешают на уши лапшу о наступлении лучших дней в ближайшем будущем. И эти насквозь лживые посулы провозглашаются тогда, когда половина населения в поисках работы вынуждена эмигрировать, чтобы худо-бедно поддерживать с чужбины родичей, членов семьи, близких! Из-за чехарды и процветающей коррупции во властных структурах опасно увеличивается неустойчивость общества, которое и без того дезориентировано чрезмерными темпами социальной дифференциации, на одном краю которой идет баснословное обогащение новой олигархии, а на противоположном – погружение масс ниже черты бедности, в нищету. Как ни угнетающе смотрятся отдельные этюды постсоветского распада и разложения, но они, даже сложенные в одну картину, не дают подлинного представления о настоящей цене, заплаченной за крушение гигантской империи, и поэтому собственно профетический смысл происшедшего остается за кадром.

Как ни старался М. Горбачев внушить партнерам, что в холодной войне не должно быть ни победителей, ни побежденных, красноречие его заклинаний было бесполезным. Холодная война вкупе с так называемой «Перестройкой», которая доконала советскую экономику, и без того дышавшую на ладан, многократно приблизила сроки наступления краха Советского Союза и сделала бесспорным факт победы Запада, превратив «двуполярный мир» в «однополярный». Разногласия могут относиться не к признанию-непризнанию этого факта, а касаться его последствий. Так, Маргарет Тэтчер, премьер-министр Англии, которой принадлежит первоклассное описание эпохи холодной войны и непосредственно следующего за ней периода, не скрывает своего особого удовлетворения тем, что в холодной войне убедительную победу одержал Запад, а американский президент Рональд Рейган заслужил звание главного архитектора победы, добытой «без единого выстрела» (с удовольствием подчеркивает она).

Чтобы предупредить от поверхностной интерпретации её концепции холодной войны, М. Тэтчер специально подчеркивает, что не разделяет точку зрения, когда холодную войну изображают как борьбу двух сверхдержав: Соединенных Штатов и Советского Союза. «Намного важнее и значительнее для нас сегодня то, – указывает она, – что холодная война шла между двумя прямо противоположными системами, опирающимися на отрицающие друг друга философские теории и имеющие абсолютно разные цели». И поэтому победа США была резюмирована как победа антикоммунизма.¹ По-другому подходит к конфликту президент Российской Федерации. Оставляя в стороне системную конфронтацию и имея дело уже с

поверженным Геркулесом, Владимир Путин оценил произошедшее в геополитическом контексте как «крупнейшую катастрофу XX века». Акценты расставлены им иные, чем предпочитают делать представители победившей стороны. Различия, однако, не уменьшают познавательной ценности ни одной из характеристик и не ставят их во взаимоисключающие отношения истины и лжи. Победа Запада в холодной войне неоспорима. Но, к сожалению, в мире не стало больше стабильности, установление которой ожидали от реализации стратегической концепции «Нового мирового порядка», (подробности её появления на свет напрямую связаны с трагедией, разыгравшейся в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года).

В доктрине «Нового мирового порядка», роль «преобразующей силы» в которой берут на себя Соединенные Штаты, в качестве главной стратегической цели провозглашалась демократизация Ближнего Востока, где, кстати, сосредоточены две трети обнаруженных мировых запасов нефти. Разумеется, природные богатства региона не афишировались, но были бы не последним аргументом наступления на Ирак. Принятие решения ускорила атака на близнецов-небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. С неё открывается новая страница и новый отсчет времени американской истории: на вызов, открыто брошенный исламскими террористами, последовал ответ «стратегического масштаба» (Б. Скоукрофт)².

Военная «интервенция» и «оккупация Ирака» (Зб. Бжезинский) преподносилась как борьба против средневекового варварства во имя радикального обновления под знаменем демократизации региона. В самой Америке операция устрашения встретила одобрение большинства, пережившего потрясение, вызванное трагедией одиннадцатого сентября. Представители несогласного меньшинства не разделяли такой реакции общественного мнения и предупреждали, что последствия вступления в очень беспокойный регион могут оказаться непредсказуемо тяжелыми для США, разрушительными для Ирака и дестабилизирующими ближневосточный регион в целом.

Свои резонные опасения на этот счет имели возможность высказать и быть со вниманием выслушанными в Белом доме советники президентов по вопросам национальной безопасности, самые влиятельные в тот период фигуры в американской внешней политике Збигнев Бжезинский и Brent Скоукрофт. Тем не менее внешнеполитическая тактика не претерпела корректировки: метод навязывания демократии оставался по-прежнему мессианистским – «концептуально неопределенным и исторически необоснованным» (Зб. Бжезинский).²

Ничем, кроме как «огромным чувством превосходства» и «ощущением собственной вседозволенности», которым обязаны американцы своей победе в холодной войне, нельзя было бы объяснить неотступно преследующее их желание «перекроить мир» и вообразить (абсолютно игнорируя вульгарную реальность), что Ирак – идеальное место для создания демократии в регионе и плацдарма её

распространения на Ближнем Востоке, тогда как практически там не было «никаких предпосылок для того, чтобы встать на путь демократии» (Б. Скоукрофт).²

Конечно, Южный Кавказ не Ближний Восток и Грузия не Ирак. Тем не менее, когда разговор идет о технике перекройки мира, о «новом мировом порядке», главным инструментом которого для «преобразующей силы» является демократизация с «хирургическим» уклоном, ассоциации, сопоставления и параллели неизбежны. Они помогают обнаружить общее там, где его не подозревали, а различия и контрасты, напротив, убрать оттуда, где они казались безусловными. Подобные ситуации, вероятно, подсказали Ф. Фукуяме остроумно заметить: если у тебя из инструментов только молоток, все проблемы выглядят как гвозди.

Победа в холодной войне и огромная мощь, по свидетельству знатоков, изнутри наблюдавших годами процесс приготовления «блюд», одобренных демократическим соусом на кухне американской политики, позволяли Соединенным Штатам по мере надобности максимально расчетливо апеллировать к силе. Агрессивность же России и культ силы, которому она традиционно поклонялась и чем злоупотребляла веками, превратились в стихийное бедствие, помешавшее, в частности, нормализации отношений Москвы и Тбилиси.

«Часы коммунизма своё отбили – писал А. Солженицын накануне развала Союза...- Увы, многие мы знали, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот так сейчас у нас накопело с нациями». Выход, который должен был помочь разрядить обстановку, подавляющую жильцов коммуналки, предложил первый Президент Российской Федерации Б. Ельцин. Именно он уже в ранге Верховного правителя Государства Российского, обращаясь к присутствующим в Зале приемов в Кремле официальным представителям четырнадцати союзных республик, благословил их отважиться взять столько суверенитета, сколько каждый из них сумеет унести с собой по национальным квартирам. Нетрудно представить состояние нервного стресса тех, кому были адресованы слова популистского некролога, заслуживающего быть занесенным в скрижали мировой истории, которым узаконивался акт расчленения и конца великой империи. Некоторым из них представлялось, что присутствуют при погребении и слышат причитания о поверженном Геракле, другим, напротив, доносились призывные слова из оды «Вольность».

Сцена поистине историческая. Народы обретают свободу и государственный суверенитет, который обеспечивает национальную независимость и гарантирует безопасность граждан. Международное сообщество, взявшее сторону новообразованных государств, санкционирует их международно-правовую субъектность, подтверждает их легитимность. Открывается новая эра и вместе с ней энтузиазм, что «народы, свои раздоры позабыв, в великую семью объединятся» (А. Пушкин). Современный же поэт призывает к предусмотрительности и напоминает: «Сколько раз, мечтая о свободе, мы строим новую тюрьму» (М. Волошин).

Ход последующих событий подтверждает, что предупреждение было поэтическим ясновидением. Новоформатная Россия, Россия без бывших союзных республик медленно приходит в себя. Прошлое легко не отпускает и держит ее в плену имперских соблазнов – вернуть статус сверхгосударства. На ее границах и по их периметру рост напряженности, вспыхивающие один за другим очаги конфликтов напоминают реплику Дж. Кеннеди, что Россия может иметь на своих границах либо вассалов, либо врагов. Грузия, с искренним воодушевлением объявившая о своей независимости и порвавшая вассальные узы с Россией, превратилась тотчас во врага.

Драматические события августа 2008 года в автономной области Южная Осетия, как и война в Абхазии, было бы непростительным упрощением объяснять лишь и только лишь местным сепаратизмом и главную их причину искать в противоречиях на этнонациональной почве между грузинами и абхазами, между грузинами и осетинами. Принимая во внимание конструкцию многонационального государства, каким был Советский Союз, иерархическая организация его федеративного устройства, фактически обуславливающая субординацию отношений между нациями, упрощала центру задачу контроля. Без этих рычагов, эффективных для проведения государственной политики сплочения национально разнородного общества, неизбежен хаос и его распад. Понятно, что в кризисные периоды, какими были для Советов годы перестройки и тем более постперестроечные, центральная власть прибегала к крайним мерам, чтобы сохранить целостность государства. Одной из таких крайностей вполне могло быть поощрение сепаратизма там, где из-под ног центра уходила земля. С ростом политически опасной неустойчивости имперская власть не скупилась на поддержку сепаратизма, в котором видела своего естественного союзника. Сами лидеры сепаратизма живо воспользовались появившейся возможностью удовлетворить свои политические амбиции – стать вдруг национальными героями. Именно такого типа скороспелыми защитниками национальных интересов были те из сепаратистов, кто, используя атмосферу неразберихи и развала, которые переживал Советский Союз в 80-90-е годы, примкнул к параду суверенитетов.

Прошло четверть века, а российские спецслужбы, профессионально готовившие эти острые блюда, всячески старались быть в тени как не причастные ко всему происходившему вокруг. Но своим признанием независимости Абхазии и Южной Осетии Россия сама, высокомерно сбросив маску непричастности к так называемым этнонациональным конфликтам в Грузии, не стала церемониться с общепризнанными принципами мирового сообщества и оккупировала пятую часть исконной территории грузинского государства.

В контексте сказанного нельзя не заметить контраста последних «миролюбивых» инициатив Президента Российской Федерации Вл. Путина, призывающего Тбилиси, Сухуми и Цхинвали самим начать переговоры о нормализации, исключив из этого треугольника кого-либо постороннего. Прежде чем оценивать степень

конструктивности данного призыва, заметим, что в самой постановке вопроса – пора, мол, самим, кого непосредственно касается конфликт, сесть за стол переговоров, – молчаливо подразумевается участие в конфликте кого-то лишнего, кто разжигал этнонациональную рознь. Этим четвертым, конечно же, выступала Россия. Теперь она раскладывает пасьянс, и надо угадать, что она имеет в виду: правда ли урегулирование конфликтов в Грузии или же признание Грузией де-юре за её бывшими автономиями новых статусов – подарков, полученных ими от России в виде 20% грузинской территории, которая по сути дела станет российской. Вероятнее всего, если серьезно относиться к урокам прошлого из истории взаимоотношений Грузии и России, нельзя позволять себе расслабляться перед весьма заманчивым призывом Президента Российской Федерации установить долгожданный мир на Южном Кавказе и не замечать подводных камней, которые должны настораживать.

Интрига уже в том, что с упомянутой инициативой российского президента совпали по времени появившиеся в московской масс-медиа (в последних числах марта и в начале апреля 2016 года) заявления главы Южной Осетии Л. Тибилова, что «южноосетинский народ ожидает вхождения в состав России» и что этот вопрос будет вынесен на референдум, который намечено провести в ближайшие сроки, до августа. Не явствует ли из этого сообщения, что призыв В. Путина не имеет силы и официальным представителям конфликтующих сторон (Тбилиси, Сухуми и Цхинвали) нет смысла собираться за круглым столом переговоров, что было бы простым надувательством рядовых граждан. Надежда, как известно, умирает последней, а люди держатся веры, что «главы государств могут быть врагами, народы же являются соотечественниками» (Бенжамен Констан), что мир рано или поздно должен наступить и они вернуться к покинутым очагам и добрососедству.

В чём же тогда разгадка появления двух, на первый взгляд несогласованных позиций (Москвы и Цхинвали)? Перед нами очередная манипуляция, долженствующая внушить, что корни конфликта тянутся к этнонациональным противоречиям Тбилиси и Цхинвали, а не к геополитическим претензиям Москвы и её нефтедолларовым интересам. События августа 2008 года раскололи грузинское общество и по сегодняшний день остаются предметом острых споров. Хотя финал пятидневной войны был абсолютно предсказуем из-за огромной разницы весовых категорий вышедших на борцовский ковёр противников, М. Саакашвили, тогдашний президент и верховный главнокомандующий вооружёнными силами Грузии, не будучи ни безумным политиком, ни храбрым воином, пустился в откровенную авантюру, не заботясь о предстоящих людских жертвах и невыносимо тяжелой для населения страны материально-экономической разрухе.

Со своей стороны, Россия не удержалась в рамках здравомыслия и накинулась на легкую добычу, лакомый кусок которой она проглотила не поперхнувшись. Лишь экстренная помощь первых лиц европейских демократических государств

заблокировали агрессию на ближайших подступах к Тбилиси. Ответные действия России были непропорционально велики. Пострадала репутация, так как пренебрежение нормами международного права было прямо-таки вызывающим. Но она сознательно, чтобы не ронять достоинства великой державы, дала знать любителям ловли в мутной воде, что за ценой не постоит, если затрагивается область её жизненных интересов.

Калейдоскоп событий, имевших широкий резонанс в августовские дни 2008 года, показал, как трудно в условиях политического кризиса сохранить беспристрастность и определить красную линию, что делает процесс необратимым, исключает уступки, компромиссы и всё прочее, без чего движение к согласию и восстановлению мира становится практически недостижимым. В последующие за пятидневной войной годы Россия и Грузия всё дальше и дальше уходили друг от друга. Признание Россией независимости бывших грузинских автономий сделалось кульминационной точкой их разногласий.

Дальше дороги нет. Время общих призывов к миру прошло. Актом признания независимости бывших автономии Грузии Россия сообщила о своей принципиальной поддержке сепаратизма, а оккупацию 20% грузинской территории представила как возвращение земель их законным владельцам – абхазам и юго-осетинам. Кто по-прежнему беспокоится по поводу запущенных конфликтов и всерьез думает об их преодолении, должен вместо распылчатых гуманных пожеланий держать в руках максимально детализированный проект с перечнем конкретных предложений – обязательств, выполнение которых согласны взять на себя представители Тбилиси-Сухуми-Цхинвали и плюс непременно российская сторона. Но ни Москва, ни Цхинвали, судя по их заявлениям, цитированным нами выше, за круглым столом переговоров себя не видят. Если к тому же не спешат сесть за круглый стол и начать диалог оставшихся два (Тбилиси и Сухуми) предполагаемых члена переговорного процесса, то разговоры о нём являются не более чем надувательством.

Может показаться, что к этим вопросам глобализация не имеет и отдаленной связи. Но попробуем посмотреть на них глазами американских внешнеполитических суперэкспертов. Бр. Скоукрофт в беседе со своим партнёром Зб. Бжезинским, состоявшейся незадолго до пятидневной войны, высказал ряд интересных соображений о глобализации и привносимых ею чрезвычайно масштабных перемен общественно-политического и военно-стратегического характера. Одним из таких следствий он указал то, что «еще при жизни нынешнего поколения можем увидеть конец межгосударственных войн как формы разрешения противоречий»². Причину наступления такой крупной перемены геополитического контекста он видит в ослаблении института национального государства. Продолжение нестандартной мысли заслуживает особого внимания и прямой ссылки на авторский текст. «Вместо этого (- т.е. вместо межгосударственных войн – В.К.) будут происходить

беспорядочные конфликты, в которых великие державы если и примут участие, то **чужими руками** (- подчеркнуто нами – В.К.) или, возможно, в альянсе с другими странами»².

Ситуация, складывающаяся после холодной войны, уже похожа на картину Бр. Скоукрофта: углубляющееся расслоение мира, видевшееся в перспективе, становится явью дня настоящего. Непреодолимость этой тенденции оказывается не по плечу однополярности, так что предпринимаемые попытки централизованного регулирования не приносят желаемого результата. Ставка на силовые методы, которые предпочитают использовать великие державы (будь то Москва, Вашингтон и пр.), даёт обратный результат – «беспорядочные конфликты»; а попытки решения задачи «чужими руками» лишь увеличивают беспорядочность и число конфликтов.

В этих условиях проблема суверенности малых государств значительно усложнилась. Их судьба заслуживает рассмотрения в тесной связи с задачами защиты и сохранения полиморфизма и многообразия мира. «Было бы катастрофой для всего человечества,- писал Ромен Роллан в 1926 году в статье «Предупреждение Америке», - если бы какая-либо одна раса, один народ, одно государство, как бы значительны они ни были, попыталась навязать великолепному разнообразию вселенной прямолинейное и скучное однообразие своей собственной индивидуальности... подобная катастрофа обратилась бы против того самого народа, который решился бы на такое безрассудное угнетение: непреодолимые силы подавляемой природы отомстили бы за себя».³

PS. Постскриптум

Глобализация, преодолевая изолированность и разного рода барьеры, практически сближает народы. Благодаря новейшей технологии ни пространство ни время, ни дальность ни длительность не помеха тесной взаимозависимости стран разных континентов. Человечество сделало гигантский шаг к единству и известной однородности. Вместе с тем многократно выросла ценность самобытности и необходимости защиты разнообразия, всегда служившего стимулятором общественно-исторического прогресса.

Крайне остро эта экзистенциальная проблема встала в первую очередь перед этническими меньшинствами и небольшими государствами. Угроза потери идентичности первыми и самостоятельности вторыми находит широкий резонанс в общественных кругах. Мир нужен миру, обремененному множеством беспорядочных конфликтов. Любой из них не более чем «чужие руки» в обойме великих держав, которые пускают их в ход, когда считают для себя выгодным, как то было и есть в Европе с Косово, на Южном Кавказе с Грузией, в Нагорном Карабахе, на Ближнем Востоке и в других местах нашей планеты.

Неразборчивое манипулирование конфликтами в горячке соперничества за лидерство в мировой политике может внезапно обернуться столкновением цивилизаций. Глобализация вносит серьезные коррективы в область внешней политики и международных отношений. Чтобы уменьшить опасность катаклизма, должны быть найдены адекватные ответы на новые проблемы, являющиеся компетенцией философии права, международного права и других дисциплин, так как касаются переопределения таких фундаментальных категорий, как независимость, государственный суверенитет и других, стоящих в этом же ряду понятий, четкость которых предельно размыва атмосфера правового нигилизма, активно культивируемого современной практикой вокруг карликовых политических новообразований.

Примечания

1. М. Тэтчер. Искусство управления государством, гл. I, стр. 39. М. 2007.

Нельзя не согласиться с замечанием автора книги, что было бы упрощением сводить холодную войну к традиционному противоборству двух империй из-за получения военно-стратегического преимущества, как это имело место в прошлые века. Конечно, причины холодной войны имеют гораздо больший масштаб и соперничество двух супердержав – США и СССР выражает системный антагонизм капитализма и социализма. Победа Запада в холодной войне и распад Советского Союза для М. Тэтчер являются неоспоримым свидетельством исторического превосходства системы капитализма. Этот факт, наступивший «без единого выстрела», так воодушевил М. Тэтчер, что она забраквала политику разрядки и концепцию конвергенции как продукт теоретически несостоятельной мысли. Между тем следует отдать должное их авторам, что именно они в годы пика холодной войны, когда мир висел на волоске и нужно было уходить от парализующего риска атомного самоуничтожения, наставляли человечество прислушаться к голосу здравого рассудка, быть открытыми к взаимопониманию и готовыми к историческим компромиссам. Наступивший период глобализации усложнил проблемы стабилизации мира, которая настоятельно требует большей гибкости. В этой ситуации сдавать в архив теоретические прозрения, сыгравшие конструктивную роль в критическую эпоху, было бы неосмотрительно. В любом случае вопросы, поднятые ими, не потеряли актуальности и в наши дни.

2. Зб. Бжезинский, Бр. Скоукрофт. Америка сегодня. М. 2012.

Авторы высшей квалификации по вопросам внешней политики не нуждаются в представлении, чтобы объяснить, почему я, быть может несколько злоупотребляя частыми ссылками на первоисточник, предпочел опереться на их компетентность.

Замечу лишь, что их рассуждения могут быть приняты за образец свободы мысли, которая подкупает и нагляднее всего проявляет свою мощь в критических фрагментах. Даваемые ими оценки и характеристика практики «перекройки мира», в стратегии которой «удивительным образом» «сочеталось применение силы и лозунги демократизации» (гл. I, стр. 36), настолько узнаваемым делали пережитое Грузией, что годы режима так называемой «революции роз» виделись не более чем репродукция, снятая копировальной машиной; никакой «отсебятины» кустарного производства. Работает конвейер, как и на Украине. Оговорюсь, что не только в постсоветских пределах, тиражирование шире.

3. Р. Роллан. Собрание сочинений, т. 13, стр. 134. М. 1958.

Цитированные слова Р. Роллана, написанные в 1926 году, то есть 90 лет тому назад, как нельзя более созвучны нашему времени и актуальность их многократно возрастает как символическое послание, которое сам писатель поместил в статье «Предупреждение Америке». Переключка эпох знаменательна и дает много простора для комментариев, но ограничим себя и предоставим слово М. Тэтчер, её философские рассуждения о мире, который «был на самом деле таким всегда», заканчиваются фразой: «Это мир риска, конфликтов и скрытого насилия».

GORBATIUC Marina

Republic of Moldova,

Institute of Juridical and Political Researches of Academy of Sciences of Moldova,

Scientific researcher

PHASES OF FORMING AND PRINCIPLES OF ACTIVITY: FROM CSCE TO OSCE

This article gives information about all phases of forming the OSCE. This Organization traces its origins to the détente phase of the early 1970s, when the Conference on Security and Co-operation in Europe (CSCE) was created to serve as a multilateral forum for dialogue and negotiation between East and West.

The OSCE develops from its beginnings in 1975 as a Conference that helped to bring together the Cold War rivals, into the world's largest regional security organization, whose activities promote peace and stability from Vancouver to Vladivostock.

At the beginning of the new millennium, taking into consideration new challenges and threats of our time, there is the task of exceptional importance i.e. creation of an effective European security architecture. Although, the danger of large-scale armed conflict as well as the Cold War is considered to belong to the past, difference of interests and contradictions between the individual countries (especially the newly formed ones) cannot be fully overcome. This is a potential source of conflicts, especially national–ethnic ones [5].

The history of the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) has its roots in the period of détente at the beginning of the 1970s, when the Conference on Security and Cooperation in Europe (CSCE) was founded to serve as a multilateral forum for dialogue and negotiation between East and West. The result of two years of meetings in Helsinki and Geneva was the Helsinki Final Act, an agreement signed on August 1, 1975[9].

The idea of convening an all-European conference on security was suggested by the Soviet Union back in the 1950s. The first concrete proposal in this regard refers to 1954, when the Soviet Union proposed to draw up an agreement for a period of 50 years, which would be signed by all European states and would rely on a permanent organizational structure.

T. T. Kابدulov states in his article that the purpose of "the all-European treaty on collective security" is to ensure the peaceful coexistence of European countries by creating a unifying collective security system [7]. The participants "... can be all European

countries, regardless their social structure, which approve the goals and accept the obligations provided for by the Treaty” [11].

Thus, we support the idea that a party to the treaty can be any state, which is European, approves the goals of the Treaty, and accepts the obligations provided for by the treaty.

Since this proposal implied recognition of the German Democratic Republic, closed the way of the Federal Republic of Germany to the North Atlantic Treaty Organization (NATO) and implied separation of the European security from the US security, the Western powers considered it to be unacceptable. However, with the improvement of the political climate in the late 1960s, the NATO member countries began considering the issue of the expansion of the detente process in Europe.

The proposal to convene the meeting was laid out in the “Declaration on Strengthening Peace and Security in Europe”, adopted in 1966 in Bucharest, by the Political Consultative Committee of the Warsaw Pact. This proposal was later developed in a number of joint documents of the states parties to the Warsaw Pact, it became one of the central tasks of their foreign policy, an important factor in the political life of Europe [10].

As T. T. Kabdulov states, using this Declaration, the socialist countries offered a long-term program for creating the European security system of states regardless their social system. As it was stated in the Declaration, “the problem of European security can be solved by joint efforts of the European countries, all social forces standing for peace, regardless of their ideological, religious or other beliefs”[7].

The necessity of convening the All-European Conference was dictated by a number of objective factors. In this case, the task of ensuring a firm and long-lasting peace on the continent prevailed. Wars in Europe, as we know, turned into a nationwide disaster. Only in the last three centuries, the weapons were used here for more than 170 times [2].

We note that in this way the very decisive point has come when humankind has to make a responsible decision that would contribute to easing the tension in Europe.

Although the majority of neutral and nonaligned European countries welcomed this idea, NATO reacted cautiously to it. In 1969, the Alliance expressed its willingness to participate in such a meeting subject to certain conditions: full participation of the United States and Canada, confirmation of the legal status of Berlin, discussion of problems of non-nuclear disarmament in Europe and inclusion of human rights issues in the conference agenda. In the early 1970s, the existing obstacles were overcome: the Soviet Union agreed to the participation of the US and Canada in the conference, the participants signed a quadripartite agreement stating the status of Berlin, West Germany entered into agreements with the Soviet Union, Poland and East Germany, it was agreed to begin negotiations on mutual and balanced reduction of armed forces; the creation of a favorable environment was also encouraged by Willy Brandt’s “Ostpolitik” and the summit meeting between Nixon and Brezhnev in May 1972. It was time to convene the Conference on

Security and Cooperation in Europe (CSCE). Finland offered to host the informal preparatory negotiations.

Only at the end of 1970, it was possible to state that the contacts between European countries found a quite wide ground for mutual understanding on key issues for the preparation of the Conference. The leaders of many European countries formed an opinion: it was time to move on to a new stage i.e. collective, multilateral consultations for further promotion of the Conference issues and final approval of all matters [6].

These negotiations began on November 22, 1972, in Helsinki suburb, where they continued until June 8, 1973 (these negotiations were informally called Dipoli negotiations after the name of the suburb, where meetings had been held). They resulted in the adoption of the Final Recommendations of the Helsinki Consultations (also known as the "Blue Book"), which defined in details the practical aspects of the Conference carried out in three phases: its agenda, list of participants, the date and place of holding, rules of procedure and financing procedure as well as discussion of issues referring to: 1) security in Europe, 2) cooperation in economy, science and technology and environment, 3) cooperation in humanitarian and other areas, 4) next steps after the Conference.

We also cannot but agree with L. S. Voronkov, who suggests in his work that the Helsinki Final Act, signed on August 1, 1975, by the Soviet Union, the United States, Canada and 33 European countries consists of three baskets.

The first "basket" referred to general issues related to the problems of European security. The second "basket" dealt with issues of economic, scientific and technical cooperation and cooperation in the field of ecology and environmental conservation. The third "basket" included humanitarian issues and the problem of protection of human rights (Principles VII, VIII and XI). It caused the greatest resistance from the Soviet Union since the formulation of the problem transferred the ideological conflict between two blocs into a completely different plane. The issue of protection of political rights and freedoms of citizens was a "weak point" of the Soviet system, and the signature of the Helsinki Final Act became the international recognition of the right to existence of the dissident movement and political opposition in the USSR, though it had never been implemented in practice. Later, the US administration used it repeatedly to pile diplomatic pressure on the Soviet Union [4].

According to many analysts, the adoption of the Final Act not only symbolized the era of "d-tente" but also led to the "re-ideologization" of confrontation between East and West by transferring it into the plane of human rights protection. Nevertheless, the very fact of convening the Conference contributed to overcoming the tension in the Old World and establishing a regime of relatively free exchange of ideas, information, and free movement of people. Helsinki Act became the basis for the adoption of all subsequent basic documents of this organization.

We share the viewpoint expressed by Yu. M. Kolosov and E. S. Krivchikova that the Conference on Security and Cooperation will be held in three stages: the first stage is

carried out at the level of ministers for foreign affairs; the second stage includes the work of special committees and subcommittees. The states participants will be represented in these bodies by delegates and experts; the third stage will be approval of final documents of the Conference. The level of representation at the third stage will be determined by the states participants during the Conference until the completion of the second stage [8].

We also agree with Speech at the Seminar on the “Contribution of the OSCE to Security of Smaller States” Nicosia, 15 January 1996. The Charter of Paris of 1990 pronounced “the end of the era of confrontation and division. The Summit declared that henceforth the relations among OSCE States “will be based on respect and co-operation”. Indeed, the Cold War period was not particularly conducive to a meaningful role for smaller States. The main, determinant factor in European, and indeed world, politics was the East-West divide. The Soviet dominance over the Central and Eastern European countries restricted the possibilities of their people to express their sovereign will. In the mainstream of European dialogue was group-to-group talk, with the key roles assigned to the superpowers. When concrete preparations for the Conference on Security and Co-operation started in the early 70s, a platform was established allowing smaller States to articulate their interests and manifest their identity. Neutral and non-aligned States took up the role of “honest brokers” between East and West. They co-ordinated informal negotiations and as a rule were expected to come up with compromise proposals serving as the basis for agreement. This was a difficult and responsible role. Much of the credit for leading the dialogue between East and West to concrete results and providing dynamism to the CSCE process is owed to the neutral and non-aligned States, most of them smaller States. East-West détente, of which the CSCE was an integral part, led to a situation allowing several Central and Eastern European States to restore their historical links with Western Europe and express their particular security concerns. The end of the Cold War brought about a pluralistic structure of international relations. In Helsinki in 1975, 35 countries participated in the CSCE; the OSCE has since grown to 54 members by incorporating new States established after the dissolution of the Soviet Union and the former Yugoslavia, and the split-up of Czechoslovakia. All or almost all of them are medium and small States. Central and Eastern Europe regained full sovereignty. These States embarked on the process of building their new identity and strengthening their stability. In the post-Paris CSCE/OSCE, the NNA countries lost their strategic role as there was no longer a need for an “honest East-West broker”. But the new environment offers smaller States other possibilities relevant to their individual and specific interests. The OSCE does not, of course, have a particular policy or programme addressing the security problems of smaller States. Except for a special programme to foster the integration into the OSCE of the so-called “recently admitted participating States”, there are no projects designed to meet concerns of only a group of States. The particular expectations of smaller States are addressed as an integral part of the overall OSCE stabilization strategy. The OSCE’s goal, as confirmed at the 1994 Budapest Summit, is “a community of nations with

no divisions, old or new, in which the sovereign equality and the independence of all States are fully respected, there are no spheres of influence and the human rights and fundamental freedoms of all individuals, regardless of race, colour, sex, language, religion, social origin or of belonging to a minority are rigorously protected". These elements of a security order correspond fully to the aspirations and expectations of smaller States. This should inspire them to participate actively in its full implementation. The OSCE thus contributes in many practical ways to enhanced security of smaller States by – fostering dialogue; – ensuring that the OSCE consultation and decision-making process is open to participation of all its members; – developing norms of behaviour based on partnership and equality; – offering possibilities for smaller States to contribute directly to security-building [3].

The OSCE traces its origins to the détente phase of the early 1970s, when the Conference on Security and Co-operation in Europe (CSCE) was created to serve as a multilateral forum for dialogue and negotiation between East and West. Meeting over two years in Helsinki and Geneva, the CSCE reached agreement on the Helsinki Final Act, which was signed on 1 August 1975.

This document contained a number of key commitments on politico-military, economic and environmental and human rights issues that became central to the so-called 'Helsinki process'. It also established ten fundamental principles (the 'Decalogue') governing the behaviour of States towards their citizens, as well as towards each other.

Until 1990, the CSCE functioned mainly as a series of meetings and conferences that built on and extended the participating States' commitments, while periodically reviewing their implementation. However, with the end of the Cold War, the Paris Summit of November 1990 set the CSCE on a new course. In the Charter of Paris for a New Europe, the CSCE was called upon to play its part in managing the historic change taking place in Europe and responding to the new challenges of the post-Cold War period, which led to its acquiring permanent institutions and operational capabilities. In the Charter of Paris, the Heads of State or Government of the CSCE also specifically called for the creation of a CSCE parliamentary Assembly.

In April 1991, at the invitation of the Spanish Parliament, high-level parliamentary leaders from all CSCE participating States gathered in Madrid for the particular purpose of creating a CSCE Parliamentary Assembly, as requested by their respective Heads of State or Government. The result of the meeting was the Madrid Declaration, which set forth the basic rules of procedure, working methods, size, mandate and distribution of votes of the Assembly.

At its Berlin Meeting in 1991, the CSCE Ministerial Council welcomed the establishment of the Parliamentary Assembly and stated that the Ministers looked forward to the "collective expression" of the views of the Parliamentary Assembly on security and co-operation in Europe as well as on the future development of the CSCE.

In July 1992, the first formal session of the Parliamentary Assembly was held in Budapest. The Assembly decided, *inter alia*, to accept an invitation of the Danish Parliament to establish an International Secretariat in Copenhagen.

At its Prague Meeting the same year, the CSCE took a direct step towards active dialogue by announcing that the Chairman-in-Office would be prepared to make himself available to report to the Assembly on the work of the CSCE, to answer parliamentarians' questions in this regard and to take note of parliamentarians' views for subsequent transmission to the Ministerial Council. It has since become a tradition for the Chairman-in-Office to address the Parliamentary Assembly and answer direct questions from the parliamentarians.

In 1994, the CSCE was renamed the Organization for Security and Co-operation in Europe due to the expanded role of the organization.

The CSCE-OSCE Summits in Helsinki (1992), Budapest (1994) and Istanbul (1999) reaffirmed the participating States' interest in the active participation of parliamentarians in the OSCE process and mandated the Chairman-in-Office to maintain close contacts with the Parliamentary Assembly, to draw its recommendations to the attention of the Permanent Council and to inform the parliamentarians of OSCE activities.

"The Parliamentary Assembly has developed into one of the most important OSCE institutions continuously providing new ideas and proposals," said the heads of OSCE governments at the close of the 1999 Istanbul Summit. "We welcome this increasing role, particularly in the field of democratic development and election monitoring. We call on the Parliamentary Assembly to develop its activities further as a key component in our efforts to promote democracy, prosperity and increased confidence within and between participating States." [9].

In our opinion, CSCE and OSCE have developed in a drawn out process, interwoven into Euro-Atlantic history. Sometimes we tend to forget, that democracy did not yet have a place in the 1975 Helsinki Final Act. It was only at the CSCE Summit in Paris in 1990 that heads of state and government agreed to accept "democracy as the only form of government of our nations". 1. It was also only in the same "Charter of Paris for a New Europe" that the CSCE developed the concept of comprehensive security. Thus a direct link was established between political-military security and democratic government. For us today – at least at the conceptual level - this linkage sounds completely natural. Almost two decades after the end of East-West confrontation we know: Democratic government is in need of further strengthening and consolidation. I am deeply convinced: This is a *conditio sine qua non* for comprehensive and indivisible security between Vancouver and Vladivostok [1].

References:

1. PC.NGO/13/08 21 July 2008.CHECK AGAINST DELIVERY CiO Seminar on Election Related Issues Vienna, 21 - 22 July 2008 Opening Session Wilhelm Höynck, Dr.iur Former OSCE Secretary General.
2. Ropers N., Schlotter P. Regimeanalyse und KSZEProcess// Regime in den internationalen Beziehungen / Ed.by KohlerKoch B. BadenBaden, 1989
3. Speech at the Seminar on the “Contribution of the OSCE to Security of Smaller States” Nicosia, 15 January 1996. The Historic Change in Europe and the Role of Smaller States.
4. Воронков Л. Хельсинский процесс и европейская безопасность. Что дальше? Москва: МГИМО – Университет , 2012
5. Гарипов Р. Правовые основы деятельности ОБСЕ по обеспечению европейской безопасности в рамках военно-политического измерения. Автореф. дис. на соискание уч. степени. Казань, 2004
6. Заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки В: От Хельсинки до Будапешта: История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973- 1994.Том I. Москва, 1996
7. Кабдулов Т. История создания и международно-правовой статус ОБСЕ. В: Вестник КАСУ, 2010, №4
8. Колосов Ю., Кривчикова Э. Международное право. Москва: МГИМО, 2001
9. Краткая история ОБСЕ. <http://www.oscepa.org/about-osce-pa/history-rus> (Дата посещения 17. 08. 2015)
10. Пономарев Г. Общеввропейское совещание исторический рубеж. Москва,1975.
Уранов Г., Рахманинов Ю. Европа: безопасность и сотрудничество. Москва, 1974

DUNdua Salome

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

Associate Professor

SOCIAL POLICY AND MODERN GEORGIA

In terms of modern Georgia, when the country streams clearly towards European integration policy, the government claims to build unequivocally social state. However, the existing models of the social state themselves differ from each other. The country should determine, which of them to choose: Continental - European, Scandinavian or Anglo-Saxon-British. One thing is obvious, no matter which model will be chosen, the state will have to do a lot anyway.

Typically, a number of instruments are singled out, which are often considered as necessary conditions and main characteristics of the creation of a social state. In the article we consider each tool of social welfare, on the example of Georgia. These tools are: The democratic organization of the state government; The extensive economic potential of the state; Socially oriented structure of economics, which is reflected in existence of various forms of ownership; Government's social policy (or its apparent attempt), which aims at social justice; Strong civil society; Legal state and the strengthening of social state on the legal level.

As we have seen, recently Georgia has made a number of steps in regard to the implementation of the social welfare idea in life. In certain aspects positive changes are obvious: increase in the quality of democracy, the growth of funding in social programs and the health system, more or less strengthening of civil society; However, overall, in light of relatively low rate of economic growth, when the macroeconomic indicators of the state are not so satisfactory, the implementation of the idea of social state may be compromised.

In the preamble of the Constitution of Georgia is clearly stated the country's quest for the creation of the social and legal state, namely: "We, the citizens of Georgia, whose firm will is to establish a democratic social system, economic freedom, social and legal state, to secure human rights and freedom... declare this Constitution to the God and the nation."¹⁵ Nevertheless, a few years ago, there was not so rare debate on the social state, neo-liberal policies, Georgia's movement to the European development or on so-called Singaporisation. On this background, in the modern political discourse of Georgia, there were often controversy among two different views of the country's development - among the neo-liberal economic policies and the social welfare state.

After the 2012 parliamentary elections, resulted by the victory of the Georgian Dream, similar discussions have recede into the background. On the public discourse

¹⁵ ჩინსტრუქციონი ოკრუგის, აღმოსავლეთი ოკრუგის, 24, 1995, <http://www.parliament.ge/კანონმდებლობა/კონსტიტუციონ-საქართველო-68> (09.09.2014).

level, in fact, there is no longer debatable neither the European model of the welfare state nor the social justice ideas.

In terms of modern Georgia, when the country streams clearly towards European integration policy, the government claims to build unequivocally social state. However, the existing models of the social state themselves differ from each other. The country should determine, which of them to choose: Continental - European, Scandinavian or Anglo-Saxon-British. One thing is obvious, no matter which model will be chosen, the state will have to do a lot anyway.

Below we will try to briefly review the highlights of the modern Georgia's social policy and, in this regard, its development prospects.

Typically, a number of instruments are singled out, which are often considered as necessary conditions and main characteristics of the creation of a social state.

We will try to consider each tool of social welfare, on the example of Georgia.

1. The democratic organization of the state government; The humanity has changed many political systems during its existence, however, realization of welfare ideas became possible only in conditions of democracy. Even today, different types of political systems co-exist side by side in the world. Among the existed systems, the total number of democratic and transitional democratic countries has a small portion of states.

The index of democracy investigated by the authoritative international organization "Freedom House" is based on several key indicators, among them notable are as follows: the electoral process, the independence of the court and the media. According to the 2012 indicators, the indicator of democracy in Georgia was 4,82; in 2013 - 4,75, and in 2014 - 4,68.¹⁶ Since 2005 till 2014 the highest indicator of growth of democracy in the region has Georgia, which is 0,28.¹⁷

In the process of establishment democratic values and democratic political culture, the crucial importance has the precedent of peaceful change of government, through democratic elections. In this regard, the 2012 parliamentary elections can be considered as a certain boundary turning point in the modern history of Georgia.

"The signals coming from this country (i.e. from Georgia, S.D.), which we see in recent years, are of positive nature"¹⁸ - said Sylvana Habdank-Kolaczowska, the project director of Nations in Transit at Freedom House.

2. The extensive economic potential of the state. Economic strength allows the accumulation of the economic surplus and then such distribution of this surplus that no/or less harm would get the owners; The stable macroeconomic policy is considered as the main prerequisite for the economic growth. "In case of choice between the fulfillment other social or economic goals and the stated policy of macroeconomic stability,

¹⁶ "16 ჭეი სეიენ-სეორე სესემ ოჲ" რეილო ოჲე", 1 ძეცეჲს ჭეი ჰეჲესჲჲრეჲს, ანდ 7 - ჭეი ლეე ესჲ

¹⁷ "Freedom House": the quality of democracy has been improved in Georgia" <http://www.radiotavisupleba.ge/content/html> (14.07.2015).

¹⁸ "Freedom House": the quality of democracy has been improved in Georgia" <http://www.radiotavisupleba.ge/content/html> (14.07.2015).

preference will be given to the latter" - is said in the statement adopted by Georgian government in June 14, 2014.¹⁹

After the collapse of the Soviet Union, Georgia, like almost all former Soviet republics, had severe economic conditions. In the first several years of independence the GDP product has been reduced to about 70%. During Shevardnadze's period, despite the start of economic grow since 1995 (which, in turn, was due to the stable and relatively calm civil environment in the country), Georgia was not able to become high developed country in terms of economics. In the following years, as the result of liberal economics of M. Saakashvili's government, macroeconomic growth is clearly visible (see Table 1).²⁰ However, the Russian-Georgian war in 2008, on the one hand, and the economic blockade of Russia against Georgia, had a very negative impact on economic growth.

From the given table is seen clearly the sharp economical drop in 2008-2009, however, since 2010 the growth indicators are still increasing.

Table 1.

3. Socially oriented structure of economics, which is reflected in existence of various forms of ownership; given clause means that the state should own and control certain areas of production and agriculture; After the collapse of the Soviet Union, the state-owned enterprises, buildings and agricultural lands step by step , through the privatization process, transferred to the private ownership. The privatization process in Georgia began since 1993, however, the key policy of M. Saakashvili's government, after the Rose Revolution in 2003, was the privatization at an accelerated pace. The transfer of state-owned enterprises to the private ownership has been considered as the main component of the economic development. The money raised from privatization reached the maximum in 2004-2005 years, when the most active phase of the alienation of the state property was carried out.

¹⁹ ლესოუფონი 400 ლი ეორთან ოფონი ენგ2014 ქუნი 17. თბილისი აბოუტუქე სტრუქტურე ენგლოტუქე სოფოუეონომ დე ლეველუმ ენგსტრუქტურე ოუ ეორთან " ეორთან 2020", ანდსომ ე აცეფიფის რუდუდ გოფ პ. 13.

²⁰ დანდუ ოუ ცონომ ე ანდ შუსტანაბლ ეველუმ ენგ მ აცრეუეონომ დე დნდუაგონ, ჰუბ://www.ეეონომ ე.ე.ე/ეეონომ დე-დუგ/მ აცრეუეონომ დე-დნდუაგონ (10.04.2015).

"The enterprises (state enterprises), built by the state's shared participation, determine the stability of the various economic sectors and can facilitate the sustainable development of the country".²¹

By 2014, there are 344 state-owned enterprises in Georgia²², which is not a low number. However, important is not so much the number of this type of enterprises, as the quality of their benefits and high indicator of the economic production. According to the latest data of the Audit of state-owned enterprises affectivity, among the studied enterprises only 2 of them are in a good condition, while most of them, about 75%, are in the difficult financial conditions.²³

Similar situation is with regard to agricultural lands. By 2012, 75% of agricultural lands were in the state-ownership (in contrast, much more arable lands are privatized - 55%), however, the coefficient from these lands is extremely low.

Thus, in spite of quite high number of the state enterprises and state agricultural lands, in fact, their handicap is low. For example, in Sweden, which is considered as one of the successful instance of social welfare, the number of state-owned enterprises is only 44, however, practically, all of them bring important economic benefits to the country.

4. Government's social policy (or its apparent attempt), which aims at social justice. On the one hand, the provision of everyone by minimum common benefits, and on the other hand, the creation of social protection - are the crucial objectives on the way of social justice establishment.

The social security network was established in 2004 for the first time in Georgia. Two years later, in 2006, a targeted social assistance program launched, which was intended for socially vulnerable people. This program, despite a number of lacunas, to some extent contributed to the relative poverty rate reduction in years 2009-2011.

After the 2012 elections, new government's one of the main priorities was the improvement of the social assistance system and establishment of the universal health care system. "In the sphere of social Security, Georgian government's policy is to ensure people's decent living and working conditions by creation of the social security system, to reduce the social risks due to poverty and old age and to encourage people with disabilities and other vulnerable groups, to participate in the country's social and economic life"²⁴ - is declared in the social-economic development strategy approved by the Georgian government. In this regard, quite effective steps have been taken: The relief to the population below the poverty line was doubled and the benefits for refugees were increased. On the other hand, in the history of the independence for the first time, since 2013, has been launched the universal health system. In 2013-2014 years the main emphasis of the budget was made on growth of social and health programs. The budget of

²¹ ჩიხრაძე, ი. პარტიკულარული ლევიანობის რეორგანიზაცია შიდა ბაზრის განვითარების მიზნით, 2006, პ. 27.

²² თბილისის უნივერსიტეტის ეკონომიკის ინსტიტუტის მიერ ჩატარებული კვლევის შედეგად, 2015, პ. 6, [http://www.geostat.ge/Uploads/Files/2015/საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული ბიულეტენი-2015-09.pdf](#) (20.09.2014).

²³ იბ., პ. 12.

²⁴ ლევიანობის 400 დღის ეროვნული კვირის აღნიშვნის მიზნით, 2014, თბილისის უნივერსიტეტის ეკონომიკის ინსტიტუტის მიერ ჩატარებული კვლევის შედეგად, 2014, პ. 50, [http://www.geostat.ge/Uploads/Files/2014/საქართველოს სტატისტიკის ეროვნული ბიულეტენი-2014-09.pdf](#) (10.09.2014).

the Ministry of Health was grown to 2 milliard 700 million Lari in 2015,²⁵ from which 661 million was intended for the universal health care and social welfare programs.

Despite the increase of funding in the health sector, the fact is that the state funding for social sector in Georgia is still very limited. Consequently, the social background in the country is adequate. For example, in EU's 15 countries the average funding of social security is GDP's 21%, while in Georgia for 2006-2007, it was GDP's only 4.5%, and for 2013 - it has been increased up to 5.7%²⁶.

5. Strong civil society. One of the functions of active, functioning civil society is the monitoring of promises given by the government to the public. In terms of vibrant civil society, to some extent, the state becomes the tool of socially-oriented policy; The main segment of civil society in Georgia (like many Eastern European countries) are NGOs. By 2014, up to 9000 non-governmental organizations are registered, of which only few dozen are active. The main activities of the non-governmental organizations in Georgia since the 1990s are directed to defense of human rights, instructive and civic education, social welfare and health care problems. Also, non-governmental activities are visible in the process of observation and monitoring of elections, as well as, in general, in terms of the emphasis on the improvement of the electoral environment. In the recent period, has been increased the non-governmental activities on the issues of the environment and historic preservations.

In addition to the expansion of activities, since 2012 has been increased also the quality and frequency of communication between the civic society and the government. EU Association Agreement, which implies the increase of the role and functions of civic sector, as well as the increase of the mechanisms of the impact on the policy, presumably will increase the activities of non-governmental organizations and, therefore, this sector will become more reckoned power for the government.

6. Legal state and the strengthening of social state on the legal level. On the legislative level, in particular, in the Constitution of Georgia, is clearly and unequivocally declared as the idea of creation legal state, as well as the goals of building the social state.

Conclusion

In spite of the fact that the debates around the idea of social state still do not stop and as already mentions - different political powers criticize it from various positions, the modern law specialists, state theorists and sociologists agree that the unity of people organized as state has an obligation - to help its citizens, when they cannot manage it on their own. However, it should be noted, everybody agrees that each capable person, first of all, must be conscious of his own well-being.

As we have seen, recently Georgia has made a number of steps in regard to the implementation of the social welfare idea in life. In certain aspects positive changes are obvious: increase in the quality of democracy, the growth of funding in social programs

²⁵ იხილეთ 2015 ბიუჯეტის განხილვის დროს წარმოდგენილი მონაცემები, რომელიც 980 მლნ ლარს შეადგენს და რომელიც 661 მლნ ლარს შეადგენს საზოგადოებრივი ჯანდაცვის სექტორისთვის. იხილეთ 2012 ბიუჯეტი.

²⁶ ანგარიში ევროკავშირის მიერ, 2013, პ. 3 <http://www.euro.int/georgia/press-releases/2013-11-20> (20.11.2014).

and the health system, more or less strengthening of civil society; However, overall, in light of relatively low rate of economic growth, when the macroeconomic indicators of the state are not so satisfactory, the implementation of the idea of social state may be compromised.

Finally, the implementation of the social state idea in life does not belong only to economic or political events. As has often been noted, it is, at the same time, a moral process, which along with economic reforms and political will implies human dimensions as well.

Bibliography

1. The Constitution of Georgia adopted on August 24, 1995, <http://www.parliament.ge/ge/kanonmdebloba/constitution-of-georgia-68> (09.09.2014).
2. "Freedom House": the quality of democracy has been improved in Georgia" <http://www.radiotavisupleba.ge/content/.html> (14.07.2015).
3. Resolution N400 of Georgian Government 2014 June 17. Tbilisi, about the statement of the socio-economic development strategy of Georgia "Georgia 2020", and some activities related to it.
4. Ministry of Economy and Sustainable Development, macroeconomic indicators, <http://www.economy.ge/ge/economic-data/macro-economic-indicators> (10.04.2015).
5. OECD; Comparative Report on Corporate Governance on State Owned Enterprises; 2006.
6. The Audit of the effectivity of management of state-owned enterprises, performance audit report, 2015, <http://sao.ge/files/auditi/efeqtianobis-angarishi/2015/sacarmota-martva.pdf> (20.09. 2014).
7. Resolution N400 of Georgian Government, 17 June, 2014, Tbilisi, about the statement of the socio-economic development strategy of Georgia "Georgia 2020", and some activities related to it, http://www.economy.ge/uploads/kanonmdebloba/strategia_2020/saqartvelo_2020.pdf (10.09.2014).
8. National Statistics Office, GDP in 2013, p. 3 http://geostat.ge/cms/site_images/_files/georgian/nad/pres-relizi_2013_GEO_daz.pdf (20.11.2014).

ЯЦКО Марианна

Республика Молдова, Молдавский Государственный Университет,
Факультет Международных Отношений, Политических и Административных Наук,
Департамент Политических и Административных Наук,
Доктор политических наук, лектор

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

This article reflects some aspects of social policy in the Republic of Moldova in terms of European integration. Discussion topics development and promotion of social policy is important for the formation of the welfare state in a modern society of the Republic of Moldova. In this context, the concept of well-being is particularly important in addressing the problems of poverty, social inequality, social exclusion and marginalization.

Социальная политика направлена на решение насущных социально-экономических проблем, связанных, главным образом, с поддержкой достойного уровня жизни населения и доходов, обеспечением занятости, развитием отраслей социальной сферы, регулированием трудовых отношений, социальной защитой, смягчением «провалов» рынка, предотвращением социальных конфликтов. В связи с тем, что достижение целей социальной политики обуславливает динамическую устойчивость экономической системы, а именно, рост производства и благосостояния населения, вопросы социальной политики постоянно находятся в центре внимания не только ученых и политиков, но и рядовых граждан современных цивилизованных обществ.

Особо проблемы социальной политики актуализируются в условиях социально-экономических трансформаций. Проводимые в Республики Молдове рыночные реформы объективно сопровождаются кризисными явлениями в социальной сфере, что вызывает необходимость адаптации социальной политики к изменившимся условиям.

Так, появление и становление Республики Молдова как независимое государство, демократические и социальные изменения, формирование основ рыночной экономики радикально изменили картину общественной жизни в стране. После 25-х лет трансформации в стране, были также и фундаментальные положительные изменения, особенно в области политических свобод: электоральные выборы, свобода собраний и религиозных вероисповеданий, средств

массовой информации и т.д. Но, национальная экономика только частично адаптирована к рыночной экономике, а возможность экономической перестройки Республики Молдова через «шоковую терапию» была упущена, в отличие от некоторых стран Центральной и Восточной Европы.

Что касается социальных характеристик этих преобразований, в целом, они являются отрицательными. Тем не менее, в соответствии с Конституцией Республики Молдова «экономика Республики Молдова является рыночной, социально ориентированной» (ст. 126), «каждый человек имеет право на труд, свободный выбор работы, справедливые и удовлетворительные условия труда, а также право на защиту от безработицы» (ст. 43). А государство «обязано принимать меры для обеспечения любому человеку достойного жизненного уровня, потребного для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, в том числе пищи, одежды, жилища, медицинского ухода и необходимого социального обслуживания» [5, ст. 47].

В реальности, социальные задачи государственных программ остаются на уровне заявлений, народ устав от обещаний и невыполнения избирательных и политических обязательств. Возможно сейчас, как никогда, чувствуется необходимость принятия и продолжения скоординированных социальных политик, эффективными и реалистичными; это является императивом для каждого правительства в контексте европейской интеграции.

Равным образом, как в начале перехода, так и сейчас постоянно ухудшается и падает уровень и качество жизни людей, отмечаются демографические проблемы, трудовая миграция за рубеж, отсутствие государственных бюджетных средств для решения социальных проблем, как например образование и здравоохранение.

В переходном периоде наиболее уязвимая часть населения остается та бедных. Профиль бедности в Молдове соответствует во многом профилю бедности других стран с переходной экономикой. В значительной степени это обусловлено экономическими факторами и частично демографическими.

Особенность этих факторов является низкая производительность труда в сельском хозяйстве; недостаточное развитие региональных экономик; увеличение количества иждивенцев за счёт активного населения; низкие пенсии и социальные пособия и, не в последнюю очередь значительная различие заработной платы в разных секторах экономики. Отдельным моментом является то, что бедность в Молдове распространена неравномерно среди жителей городов и сельских районах. Таким образом, согласно данным Подразделения по мониторингу бедности и политики (ПМБП) Министерства Экономики Республики Молдова наибольшая распространённость бедности отмечается в малых городах (53,2%), несколько ниже она в сельской местности (45,1%) и самая низкая в больших городах (16,5%). Такая территориальная дифференциация распространённости бедности обусловлена

главным образом состоянием экономик больших, малых городов и сельских поселений [3].

Кроме этого, низкий уровень пенсий, социальных пособий и компенсаций приводят к очевидному увеличению бедности (59,1%) в среде домашних хозяйств, основным источником дохода которых являются социальные ассигнования. Как и во многих странах с большим аграрным сектором, в Молдове довольно сильно распространена бедность среди наемных сельскохозяйственных работников (56,0%) и фермеров (47,3%), что обусловлено низким уровнем доходов от сельскохозяйственной деятельности. Другими источниками дохода являются производными от заработной платы и денежных переводов трудовых мигрантов из-за рубежа, ставшими важнейшими способами выхода из состояния бедности [3].

Как результат, сегодня, согласно Показателю человеческого развития (в соответствии с классификацией ООН), Республика Молдова занимает 104 место в списке 174 стран мира включенных в рейтинг.

В этом смысле, становится императивным факт, что национальное правительство обязано принять социальную программу в среднесрочной и долгосрочной перспективе, на основе которой должны быть приняты ключевые меры в социальной сфере. Основные направления социальной деятельности могут быть сгруппированы в три части:

1. участие в направлении решения социальных проблем для отдельных категорий работников (женщин, молодежи, инвалидов, трудящихся-мигрантов и т.д.), или для работников определенных секторов экономики (сельское хозяйство, промышленность, транспорт и т.д.). Это направление включает в себя как юридическую работу и координацию действий правительства, так и реализацию социальных программ из государственного бюджета;

2. социальная защита труда, право на охрану здоровья, повышение уровня жизни посредством стимулирования частного сектора и инструментов государственных политик;

3. участие к сближению и переходу к социальным системам европейских государств, прошедшие через эти социальные проблемы.

В начале XXI века (2001 - 2002) Правительство Республики Молдова приняло меры к изменению ситуации к лучшему, посредством стимулирования реального сектора экономики, привлечение инвестиций и создание новых рабочих мест, в том числе в секторе малых и средних предприятий, а также посредством внедрения политик трудовой сфере, социального обеспечения и социальной помощи. В этом смысле были ликвидированы долги по пенсиям и заработной платы, были увеличены заработные платы. Тем не менее, социально-экономическая ситуация в стране остается сложной.

Важный шаг в истории развития социальной политики был предпринят Правительством и Парламентом страны путём разработки и утверждения *Стратегии*

Экономического Роста и Снижения Уровня Бедности (2004-2006). В этом фундаментальном документе излагаются основные объективы, направления и действия в сфере социальной политики. В контексте дальнейшего развития политики и реформ, Правительство разработало вторую платформу стратегического значения, а именно *Национальная Стратегия Развития на 2008-2011 годы* (НСР). Эта программа играет важную роль для молдавского правительства в стратегическом планировании и регулировании политик для реализации целей национальной экономики, особенно в социальной сфере.

Таким образом, начиная с реформы образования и профессиональной подготовки (как приоритетные очевидные направления социальной политики Молдовы), в настоящее время правительство пытается адаптироваться к новым экономическим условиям, к росту конкуренции и созданию новых рабочих мест. Одним из факторов определяющих достижение этих целей является объём инвестиций в сфере образования.

Так, в последние годы в образование было выделено только 16,4% от общего объёма расходов бюджета (4,7% от ВВП). С 2002 года, в связи с восстановлением экономики, государственные расходы на образование постоянно росли, что составляли 23,9% от расходов консолидированного бюджета на 2011 год (5,6% от ВВП), но всё же государственное финансирование в сфере образования значительно было снижено [4].

Расходы на образование в Молдове достигли рекордного 9,2% от ВВП (по ЕС в среднем составляет 5,5% от ВВП), при этом, не производя значительного экономического и социального роста. В 2009 году финансовые ассигнования на одного учащегося среднего профессионального учебного заведения приходились 10224 леев, что на 15% больше, чем на средне специального образования (8709 леев/студент/год) и на 33,5% больше, чем на учащегося высшего образования (6802 леев/студент/год). Несмотря на то, что среднее профессиональное образование является самым дорогим, самые большие проблемы встречаются на данном сегменте.

Согласно методологии Международного Бюро Труда, в 2010 году число безработных со средним профессиональным образованием достигало 22800 человек, или 24,8% от общего количества безработных – 92000 человек. Это больше чем число безработных с высшим образованием (18300), средней специальности (12000), средней школы и лицеев (22000) и гимназий (16800), достигая и самый высокий уровень оставления школы (24,5%) [6].

Как результат, коммерциализация услуг в области образования, недостаточное государственное финансирование и снижение уровня жизни привели к ограниченному доступу отдельных социальных групп населения к образованию. Этот факт привел к снижению числа учащихся в школах детей и сокращению персонала в сфере образования, хотя в этом отношении правительство приняло меры по поддержке и трудоустройству молодых специалистов в сфере образования. Но эти

меры, как снижение выплат и компенсации по электроэнергии, транспорта, жилья, повышение заработной платы не были привлекательны для молодых выпускников для того, чтобы оставаться и работать в образовательных учреждениях.

В соответствии со стратегией на долгосрочный период, развитие системы образования в начале нового тысячелетия будет осуществляться по нескольким задачам:

- a) расширение доступа к услугам образования, особенно детям из малообеспеченных семей;
- b) систематическое улучшение качества услуг образования;
- c) повышение эффективности менеджмента финансовых, людских и материальных ресурсов в сфере образования;
- d) модернизация системы образования и повышения её роли в развитии национальной экономики [3].

В этом отношении важно отметить участие государства в профориентации на уровне государственных учебных заведений. Менее привлекательные профессиональные сферы, но жизненно важные для экономики, будут активно поддерживаться соответствующими органами (Министерство Сельского Хозяйства, Министерство Экономики, Министерство Финансов, Министерство Образования и т.д.) и в сотрудничестве с частным сектором и другими заинтересованными лицами.

Понятие эффективной и долгосрочной социально-экономической политики исходит и из того, что здоровая и продолжительная жизнь является правом каждого гражданина. Именно эта задача должна быть основной для органов государственной власти в сфере общегражданского здоровья.

Переходный период оказывает отрицательное воздействие на здоровье человека и системы здравоохранения. Эта ситуация препятствует достижению одной из важнейших задач в среднесрочной перспективе - развитие людских ресурсов. Кроме того, растущее неравенство в доступе к медицинским услугам приведёт к ухудшению здоровья бедных и одновременно сводит к минимуму его способность участвовать в экономическом развитии и повышении уровня жизни.

В связи с экономическим кризисом и отсутствием надлежащего менеджмента в этой области отмечается снижение уровня жизни, социальная незащищённость, стресс, экспансия социальных болезней и ненадлежащего образа жизни, сокращение государственных учреждений и персональных расходов на здравоохранение. Несмотря на то, что население Молдовы достаточно покрыто медицинским персоналом, в республике отмечается глубокий кризис в сфере здравоохранения. Также отмечается снижение первичных медицинских услуг в расчёте на душу населения, нехватка медицинского оборудования, ухудшение качества медицинских услуг, особенно в сельской местности. В этом отношении, отдельно можем отметить распространение теневой экономики, доминирование взяточничества и коррупции среди работников здравоохранения.

Несмотря на все проблемы, Молдова добилась положительных результатов в реформе здравоохранения. С 1 января 2004 года Правительство приступило к реализации системы обязательного медицинского страхования по всей стране. Это позволило финансирование пакета медицинских услуг предоставляемых застрахованному населению.

В результате, начинают расти расходы на здравоохранение, финансовые ассигнования на здравоохранение из республиканского бюджета выросли более чем в 7 раз за последние восемь лет. Таким образом, расходная часть государственного бюджета на здравоохранение увеличилась с 3,2% от ВВП в 2000 году до 7,1% от ВВП, запланированного на 2009 год [1].

Другое направление социальной политики является проблема, вызванная значительным сокращением рабочих мест, массовой безработицы и трудовой миграции за рубежом. Политика поддержки безработных в Молдове, скорее всего, пассивная, не в состоянии решить эту проблему.

Для нашей страны хотели бы выделить некоторые политики из этой области, которые отражены в программах по борьбе с безработицей. К ним относятся:

- создание новых рабочих мест за счет развития предпринимательства;
- субсидирование или предоставление финансовых стимулов для компаний, нанимающих безработных в трудовой деятельности;
- акцентирование внимания на некоторых группах населения, особенно безработной молодежи или безработных с высшим образованием;
- наличие реальных и адекватных консультативных программ по переподготовке кадров;
- вовлечение властей и местных органов власти в данном процессе, и т.д.

С точки зрения статистики, картина рынка труда является печальным. Так, в плане сравнения только между 1994 и 1999 годах число занятых в экономике уменьшилась на 193000 человек или 11,4%, даже недавний экономический рост в начале десятилетия не оказало положительного влияния на уровень занятости населения и на рынке труда.

По сравнению с 2000 -2002 годами число занятых людей увеличилась всего на 10000 человек (0,7%). В целом, сохраняется явный дисбаланс между числом рабочих мест и реального спроса на них, в том числе потенциальный спрос со стороны трудящихся-мигрантов. «Статистическая» безработица, рассчитываемая по методологии Международной организации труда (МОТ), указывает на снижение уровня с 11,1% в 1999 году до 6,8% в 2002 году. А в 2010-2013 году численность экономически активного населения в Молдове составила около 1235,4 тыс. человек, постоянно сокращаясь по данным Национального бюро статистики Республики

Молдова. В этом же статистическом контексте отмечается, что в 2013 году занятое население составляло 1143,4 тыс. человек, сократившись на -3,5% по сравнению с 2009 годом.

Примечательно, что с точки зрения гендерного распределения, доля мужчин составляет почти столько же, как и женщины, 50,1% и соответственно 49,9%. Также, перевес отмечается за сельской местности, имея при этом 52,9% от общей численности занятого населения, чем за городским с 47,1% [8, 18-25].

Что касается уровня образования, выделяется следующая картина: лица со средним и профессиональным образованием составляют 45,0%, а с высшим - 23,0%. Лица со средним специальным образованием и гимназии составляют близкие значения 15,8% и 15,6%, соответственно. Интересен тот факт, что среди лиц с высшим образованием трое из четырёх работают в городской местности, из которых женщин приходится более половины – 55,4% [8, 20].

Но сокращение уровня «статистической» безработицы было вызвано, в основном, массовым трудовым оттоком за рубеж, а не за счёт увеличения количества рабочих мест и занятости в национальной экономике [2, 15].

В Республике Молдова безработные регистрируются в Агентстве Занятости Населения (АЗН), в котором обращаются только часть от общего числа безработных. Тревожным является тот факт, что из числа зарегистрированных, около 71% имеют высшее образование.

Таким образом, видим, что согласно этим данным человеческий фактор является одним из главных источников развития Республики Молдова, который не должен быть игнорирован социальной политики. Потому что образованные человеческие ресурсы, здоровые, с высоким физическим и интеллектуальным потенциалом, вовлечённые в течение всей жизни в образовательном процессе и восприимчивые на экономические изменения, имеют большое значение для экономической модели роста, основанной на конкурентоспособности, эффективности и качества.

Не нужно забывать, что экономический рост напрямую зависит от производительности труда. Так, для повышения производительности не достаточно только капитальных инвестиций и технологической модернизации, хотя и это необходимо. Непременным условием является улучшение качество человеческих ресурсов, что в конечном итоге влечёт к росту и структурной оптимизации государственных и частных инвестиций в стратегических отраслях человеческого развития, прежде всего в областях образования и здравоохранения.

Согласно стратегиям принятыми правительствами Республики Молдова (2001-2008; 2009;), для улучшения качества и диверсификации услуг по трудоустройству предусматривается осуществление следующих мер:

- повышение технической оснащённости агентств занятости рабочей силы;

- создание информационной системы рынка труда, которая будет информировать население о возможностях трудоустройства, переквалификации и о ситуации на рынке труда в целом; модернизация и диверсификация посреднических услуг в сфере занятости; развитие и оптимизация системы профессиональной подготовки и переподготовки безработных в соответствии с конъюнктурой рынка труда; улучшение системы социальной защиты безработных;
- проведение исследований в области маркетинга и прогнозирования ситуации на рынке труда [3].

Большинство социальных проблем отражаются и на систему социального страхования в нашей стране. При анализе, следует отметить, что процесс реформирования системы социального обеспечения начался в 1998 году. Цели и меры, принятые на первом этапе реформы, были направлены на недопущение финансового краха системы социального обеспечения, применив при этом новые формулы исчисления пенсии и увеличение пенсионного возраста, налоговых санкций и т.д. Частично, эти меры позволили увеличить фонды социального страхования, но в целом реформы не были полностью реализованы.

Сегодня продолжается процесс по внедрению индивидуального учёта налогоплательщиков и социальных взносов. Этот аспект является важным фактором для управления двух элементов системы социального обеспечения. Во-первых, позволит улучшить финансовую стабильность системы, и во-вторых, обеспечит применение принципа расчёта социальных пособий и пенсий, на основе личных взносов на социальное обеспечение перечисляемых в бюджет социального обеспечения.

Несмотря на реформы, размер пенсии в Республике Молдова, однако, остаётся очень низким. Сегодня средняя пенсия составляет 860 молдавских лея, увеличиваясь только на 15,2% по сравнению с 2005 г. (457 леев), этот уровень, приближаясь к черте бедности [7]. Еще одной проблемой является несоразмерность пенсий по категориям пенсионеров. Таким образом, некоторым категориям работников, как депутаты, члены правительства, судьи, прокуроры, госслужащие, пенсии определяются по другим критериям. В результате изменений, внесенных Парламентом РМ в 2003 году, в Законе № 156-XIV от 1998 г., президентская пенсия составляет около 7500 молдавских лея, прокуроров и судей - 4452 лея, депутатов - 4300 лея и т.д. Для сравнения отметим, что после индексации с 1 апреля 2008 года размер минимальной пенсии по старости является 475 лея, для работников сельского хозяйства - 422 лея, пенсия по инвалидности I-ой степени «достигла» 337 лея, II-ой степени - 326 лея, III-ей степени - 229 лея [9].

Как видим, одна из главных проблем для финансовой устойчивости системы в среднесрочной и долгосрочной перспективе является и низкий уровень участия сельскохозяйственного сектора. Размер взносов фермеров и частных, по-прежнему,

значительно ниже минимального размера пенсии, а субсидирование этих категорий за счёт других налогоплательщиков является серьёзной проблемой справедливости. В том же контексте отмечается и другой риск для стабильности системы социального обеспечения, а именно демографические изменения в нашей стране.

Данный анализ показывает, что социальные проблемы, как бедность, социальное неравенство, миграция, безработица и т.д., являются основными факторами препятствующими социально-экономическому развитию и падению человеческого потенциала в Республике Молдова. Большинство из этих явлений могут быть устранены путём обеспечения и высоких темпов социально-экономического роста и сбалансировано, с точки зрения географически.

Конечно, важно чтобы все предпринятые действия органами государственной власти не только были бы разработаны и приняты, но и должны поддерживаться реальными механизмами для реализации этих решений. Характер инициатив со стороны государства должен быть обширным, комплексным и направленным, как следствие анализа предложений и замечаний, поступивших с разных уровней и каналов. Потому что, главный момент в обеспечении реальной социальной политики является экономический устой государства, рынок труда, темп перехода к рыночной экономике и реальное обязательство правительства на интеграцию в европейском пространстве.

Библиография:

1. Аналитическая справка о проекте Закона о государственном бюджете на 2013 год: advocacy для лучшего финансирования приоритетных секторов. <http://aopd.md/ro/mass-media/evenimente/81-nota-analitic-privind-proiectul-legii-bugetului-de-stat-2013-advocacy-pentru-finan-area-mai-bun-a-sectoarelor-prioritare.html>
2. Барометр общественного мнения. Республика Молдова. Ноябрь 2014 г. - Кишинёв: Институт Публичных Политик, 2014
3. Закон № 398/02.12.2004 об утверждении Стратегии экономического роста и снижения уровня бедности (2004-2006 годы) // Мониторул Официал Республики Молдова, 14.01.2005, № 5-12/44
4. Закон № 295/21.12.2007 об утверждении Национальной стратегии развития на 2008-2011 годы // Мониторул Официал, 29.01.2008, № 18-20/57
5. Конституция Республики Молдова, Кишинёв, 1994
6. Национальная Стратегия Развития «Молдова 2020»: семь решений для экономического роста и снижения бедности. Принят Законом № 16 от 11.07.2012. www.gov.md
7. Пенсионная система Республики Молдова: актуарная экспертиза. Министерство Социальной Защиты, Семьи и Ребёнка Республики Молдова, Кишинёв, 2007. www.mpsfc.gov.md/file/strategii/pensii_ro.pdf
8. Рабочая сила Республики Молдова: занятость и безработица. Издание Национального Бюро Статистики Республики Молдова, Кишинёв, 2011
9. Яценко Т., Кризис пенсионной системы Республики Молдова. www.investigatii.md

КУХИАНИДЗЕ Александр

Профессор департамента политологии

Факультет социальных и политических наук

Тбилисский государственный университет им. Иване Джавахишвили

УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ГРУЗИИ

Many researchers believe that the issue of combating corruption in Georgia was exceptionally acute after the collapse of the Soviet Union, and after the Rose Revolution in 2003, the level fell sharply and remained so in the coming years. Often, politicians and experts present the results of anti-corruption reforms either as excellent, or contrary, refuse to see their positive impact on Georgia. A balanced scientific analysis is necessary to see all achievements and failures of anti-corruption reforms in Georgia. The purpose of this article is to explain the reasons for the spreading of corruption and organized crime in Georgia and methods implemented to combat them. It is interesting to analyze how this small country was able to cope with some challenges, and disable with the other ones, what mistakes the Government of Georgia made and what obstacles stood on its way of combating corruption.

A great place in the article is paid to the analysis of the emergence and overcoming the crisis in Georgia, based on field research and observations of the author, as well as his participation in the implementation of anti-corruption reforms. A retrospective analysis of the experience of this country after the collapse of the USSR, the Rose Revolution, the fight against corruption and organized crime, as well as the severe relations with Russia, and the European and Euro-Atlantic aspirations, helps to better understand the nature, causes and ways of overcoming the crisis, the prospects of present-day Moldova and Ukraine, including relations with Russia and the West, and in general the problem of European security. This analysis helps better understand the challenges which face Moldova and Ukraine, and what are the prospects for all three countries to achieve their cherished dream - enter the family of European democracies. In this article, a major consideration is the issue of corruption as the main obstacle to the future success of all three countries as independent states, while the Russian imperial and military aspirations are considered only as the secondary obstacles.

Введение

Многие исследователи считают, что проблема борьбы с коррупцией в Грузии была исключительно острой после распада Советского Союза, однако, после Революции Роз 2003 года, ее уровень резко снизился и остался таковым в последующие годы. Часто зарубежные политики и эксперты, преподносят результаты антикоррупционных реформ в идеализированном свете, или же, наоборот, не видят их положительных последствий для Грузии. На первый взгляд

это действительно так, но при более детальном анализе становится более явным. Целью данной статьи является объяснение причин распространения коррупции и организованной преступности в Грузии и методов борьбы с ними. Представляет интерес то, как эта малая страна смогла справиться с одними вызовами и не справиться с другими, какие ошибки она допустила, и какие преграды стояли на ее пути в этой борьбе.

Большое место в статье уделяется анализу возникновения и преодоления кризисов в Грузии, основанному на полевых исследованиях и личных наблюдениях автора, а также его участии в осуществлении антикоррупционных реформ. Ретроспективный анализ опыта этой страны после распада СССР, *Революции Роз*, борьбы с коррупцией и организованной преступностью, а так же тяжелых отношений с Россией, и стремления в европейские и евроатлантические структуры, помогает лучше понять суть, причины и пути преодоления кризиса, перспективы современной Молдовы и Украины, их отношения с Россией и странами Запада, и вообще проблему европейской безопасности. Этот анализ позволяет лучше понять и то, как смотрит Грузия на те проблемы, с которыми сталкиваются Молдова и Украина, и каковы перспективы обеих стран достичь их заветной мечты - войти в семью европейских демократических государств. В данной статье главным предметом рассмотрения является проблема борьбы с коррупцией, поскольку, в первую очередь, именно ее успех определяет будущее всех трех стран как самостоятельных государств, и лишь, во вторую очередь, их противостояние имперским устремлениям России.

Грузия после распада Советского Союза: демократизация или криминализация?

Революция Роз в Грузии произошла в ноябре 2003 года, после очередной фальсификации выборов в парламент Грузии. Массовые демонстрации и митинги протеста в стране явились следствием глубокого экономического и политического кризиса, в котором оказалась Грузия после распада Советского Союза и последующего возвращения к власти бывшей советской и коммунистической номенклатуры, разгула организованной преступности и коррупции, мутации советских институтов власти и напряженных отношений с Россией. Решающее влияние на поведение граждан оказали молодое гражданское общество в лице независимых средств массовой информации и неправительственных организаций, оппозиционно настроенные политические партии, а так же международные демократические организации и страны Западной демократии.

Краеугольным камнем в отношениях между Россией и Грузией стала трагедия 9 апреля 1989 года в Тбилиси, когда советские войска жестоко разогнали митинг в поддержку восстановления независимости Грузии, убив при этом двадцать молодых людей. Это событие крайне радикализовало общественное мнение в республике, и, с тех пор, Россия стала восприниматься как враждебная сила, местная партократия была деморализована, а через год к власти пришла политическая коалиция "Круглый

стол," во главе с бывшим диссидентом и одним из руководителей митинга Звиадом Гамсахурдиа. В свою очередь, Россия стала проявлять все большую агрессивность по отношению к Грузии, а открытая поддержка ею сепаратистских движений на территории последней после распада СССР привела к войне в августе 2008 года, и этот конфликт продолжается до сих пор. В отличие от Молдовы и Украины, как и большинства других республик бывшего СССР, Грузия раньше стала искать пути обеспечения собственной безопасности и независимости от России, пройдя при этом через тяжелые вооруженные конфликты, политические кризисы и экономические катастрофы, в поисках приемлемого государственного устройства и внешнеполитической ориентации.

В 1990-е годы Грузия пережила три вооруженных гражданских конфликта - войну с осетинскими и абхазскими сепаратистами в 1991-92 и 1992-93 годах, и государственный переворот против законно избранного президента Грузии Звиада Гамсахурдиа в 1991-92 годах. Во всех трех конфликтах Россия сыграла крайне негативную роль, оказывая материальную, финансовую, информационную и военную поддержку сепаратистам, а так же способствуя многочисленным убийствам и этническим чисткам на территории Грузии. В конце 1991 года российское военное командование в Закавказском военном округе передало тяжелую технику противникам президента Гамсахурдиа, в результате чего последний был вынужден бежать из страны, а к власти пришли главарь грузинской организованной преступности, "вор в законе" Джаба Иоселиани и непосредственные зачинщики переворота Тенгиз Китовани и Тенгиз Сигуа. В стране воцарились хаос и криминальный беспредел, а экономика и государственные институты были почти полностью разрушены, принесся с собой массовую нищету, произвол вооруженных людей и бесправие граждан. В таких условиях, России было выгодно и легко способствовать назначению на место руководителя Грузии последнего советского министра иностранных дел, этнического грузина Эдуарда Шеварднадзе, который находился в Москве без работы после распада Советского Союза в декабре 1991 года. Таким образом, к власти вернулась коррумпированная советская и коммунистическая номенклатура, которая теперь уже открыто управляла страной вместе с боссами грузинской организованной преступности. Произошел захват власти и постепенное сращивание коррумпированных политических кланов с профессиональной организованной преступностью, а Грузию все чаще стали упоминать как "несостоявшееся государство." Проводимые в последующие годы парламентские, президентские и местные выборы лишь укрепляли у власти клан коррумпированных чиновников и партократов, посредством все более ухищренных методов их фальсификации. В результате, всеобщее обнищание и социальная несправедливость привели к массовому протесту и социальному взрыву, поводом и детонатором для которого стала очередная фальсификация выборов в парламент Грузии осенью 2003 года.

К этому времени, за исключением Абхазии и Южной Осетии, которые после вооруженных конфликтов оказались под контролем России, в Грузии уже

сформировалось устойчивое и резко негативное отношение общественного мнения к России, как стране, которая проявляла враждебность к формированию независимого грузинского государства и разрушала ее территориальную целостность, в то время как Соединенные Штаты и страны Западной Европы оказывали ей помощь в создании демократических институтов и рыночной экономики. Единство общественного мнения усиливалось и за счет того, что в тяжелые 1990-е годы основная часть русскоязычного населения и, частично, самих грузин, эмигрировала из страны по причине бедственного экономического положения и отсутствия личной безопасности в условиях бесконтрольной преступности и коррупции. На фоне возросшей моноэтничности, одной из главных причин устойчивой Западной ориентации Грузии оказалась российская угроза, приведшая к единству мнений ведущих политических партий по вопросу их внешнеполитической ориентации, и к поиску защиты и процветания в лоне НАТО и Европейского Союза.

К 2003 году, в Грузии у России все еще оставались три опорные силы - режим феодального типа Аслана Абашидзе в Аджарской автономной республике, армянское политическое движение "Джавакх" на юго-востоке Грузии, и российские военные базы в городах Батуми и Ахалкалаки. Однако, в мае 2004 года режим Абашидзе пал в результате *Пальмовой Революции*, а в 2007 году российские военные базы были выдворены за пределы страны, что резко ослабило угрозу сепаратизма на юго-западе и юго-востоке страны. Таким образом, в 2000-х годах, Россия была лишена какой-либо политической опоры на территории, подконтрольной грузинским властям, а идеи европейской и евроатлантической интеграции стали полностью доминировать в мировоззрении политиков и населения Грузии. Теперь воздействовать на Грузию Россия могла только извне, поддерживая конфликты в Абхазии и Южной Осетии в замороженном состоянии, создавая шпионские сети и время от времени осуществляя террористические акты на территории Грузии, или угрожая ей военным вторжением для защиты тех граждан, которым она незаконно предоставила российское гражданство на территории Абхазии и Южной Осетии. Угрозы России не допустить вхождение Грузии в НАТО еще более усиливали евроатлантические устремления последней.

Революция Роз в Грузии была, в своей сущности, массовым протестом против произвола коррумпированных чиновников, организованной преступности и бедности, за поиск безопасности и экономического процветания на пути интеграции в ЕС и НАТО. Это было противостояние между объединенной в политическую партию "Союз Граждан Грузии" и окопавшейся у власти коррумпированной коммунистической и советской номенклатурой, с одной стороны, и поддерживаемой большинством народа политической оппозицией, с другой стороны. Революция произошла потому, что коррумпированный клан держал в руках власть путем все более тотальной фальсификации выборов, доводя общество до крайней нищеты, а коррупцию и преступность до уровня угрозы национальной безопасности, при внешней угрозе со стороны не менее коррумпированной и экономически неэффективной России. Но даже в условиях такого противостояния, лидер партии

власти Эдуард Шеварднадзе и лидер тогдашней оппозиции Михаил Саакашвили, придерживались курса на европейскую и евроатлантическую интеграцию.

Причиной того, что правящий коррумпированный клан Шеварднадзе придерживался Западной ориентации, заключалась не только в российской военной угрозе и ненависти к нему со стороны великодержавно настроенной части военной и политической элиты России из-за распада СССР, но и в отсутствии нефти и газа в Грузии.

Правительство Эдуарда Шеварднадзе не имело доходов от продажи нефти и газа для укрепления авторитарного режима, например, как соседний Азербайджан, и поэтому постоянно зависело от Западной помощи, которая предоставлялась при условии демократических преобразований. Запад так же полностью финансировал и контролировал проекты, осуществляемые в гражданском секторе. Такая благотворная зависимость является главным фактором того, что сегодня Грузия является страной с наиболее продвинутым уровнем демократии на постсоветском пространстве, после стран Прибалтики. Помимо исторического стремления в Европу и доминирования про-западных настроений в позициях гражданского общества, комбинация таких факторов, как отсутствие нефти и газа, и враждебность России, ставят любое грузинское руководство перед необходимостью получения помощи со стороны Западных стран. Иначе говоря, слабость демократии в стране компенсировалась за счет демократического влияния Запада на формирующиеся государственные институты и, параллельно, поддержки им формирующегося гражданского общества, а Россия постоянно демонстрировала своим поведением куда не должна идти Грузия, тем самым формируя благодатную почву для распространения либерально-демократических идеалов в широких слоях населения.

Таким образом, несмотря на высокий уровень коррупции и организованной преступности, стремление грузинского общества к Западным, то есть, демократическим, ценностям, в сочетании с поисками безопасности и благополучия, заставляло правительство, как при Шеварднадзе, так и при Саакашвили, следовать путем европейской и евроатлантической ориентации.

После распада Советского Союза, в новых государствах четко прослеживается борьба двух противоположных тенденций - криминализации власти и демократизации общества. В странах развитой демократии всегда есть организованная преступность и коррупция, но они находятся под эффективным контролем государства. Чем сильнее демократические институты в обществе, тем они более эффективны в борьбе с преступностью и коррупцией, и чем более авторитарна власть, тем она более преступна и коррумпирована.

Россия превратилась в государство с бывшими сотрудниками КГБ у власти, высоким уровнем коррупции, политических и заказных убийств, подавления малейших демократических свобод и захватнической внешней политики.

В Грузии ситуация прямо противоположная. В результате парламентских выборов в октябре 2012 года, государственная власть была передана из рук правящего большинства *Единое Национальное Движение* в руки политической

оппозиции *Грузинская Мечта*, а в результате проведения антикоррупционных реформ и разгрома организованной преступности, уровень коррупции оказался ниже, чем в ряде стран Европейского Союза (ЕС) и всех стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Однако, проблема политической коррупции оставалась серьезной и это сыграло злую шутку с *Единым Национальным Движением* – оно потеряло популярность в обществе и, в результате парламентских выборов, было отстранено от государственной власти.

Успехи в борьбе с коррупцией после Революции Роз

После *Революции Роз* 23 ноября 2003 года, в результате того, что администрация президента Михаила Саакашвили начала радикальную антикоррупционную реформу правоохранительных и правительственных структур, Грузия показала наибольший успех в борьбе с организованной преступностью и коррупцией на территории бывшего Советского Союза.

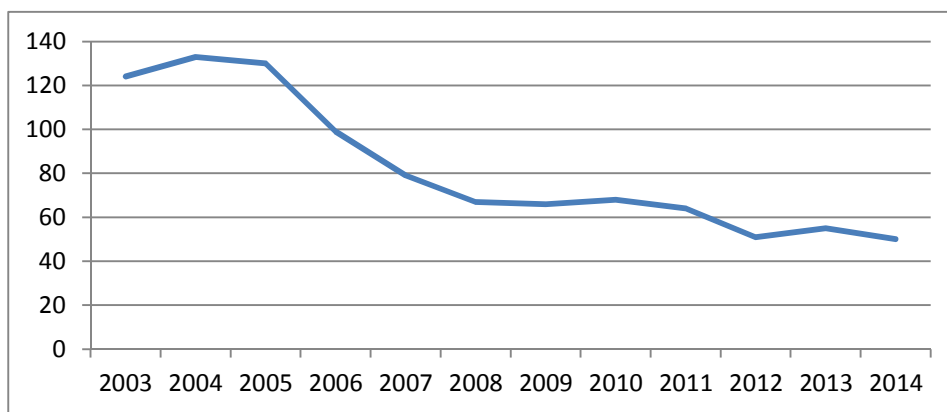
Грузинская мафия, как самая мощная и влиятельная организованная преступная группировка в бывшем Советском Союзе, была эффективно разбита и уничтожена, их боссы (воры в законе) были заключены в тюрьмы или разбежались в разные страны, а имущество конфисковано. Ян Ван Дийк (Jan Van Dijk), профессор виктимологии и безопасности человека из Университета в Тилбурге (Нидерланды), писал в 2012 году, что к 2011 году, "всего за несколько лет, Грузия трансформировалась из страны с высоким уровнем преступности в страну с низким уровнем преступности. Грузия сегодня является одним из самых безопасных мест в Европе, а Тбилиси стал одной из самых безопасных столиц в Западном мире, сопоставимой с Лиссабоном или Веной."²⁷

По индексу восприятия коррупции международной организации *Transparency International*, в 2003-2014 годы уровень коррупции в Грузии неизменно сокращался, благодаря проведению радикальных антикоррупционных реформ.

Диаграмма 1. Грузия. Индекс восприятия коррупции в 2003-2014 годах.²⁸

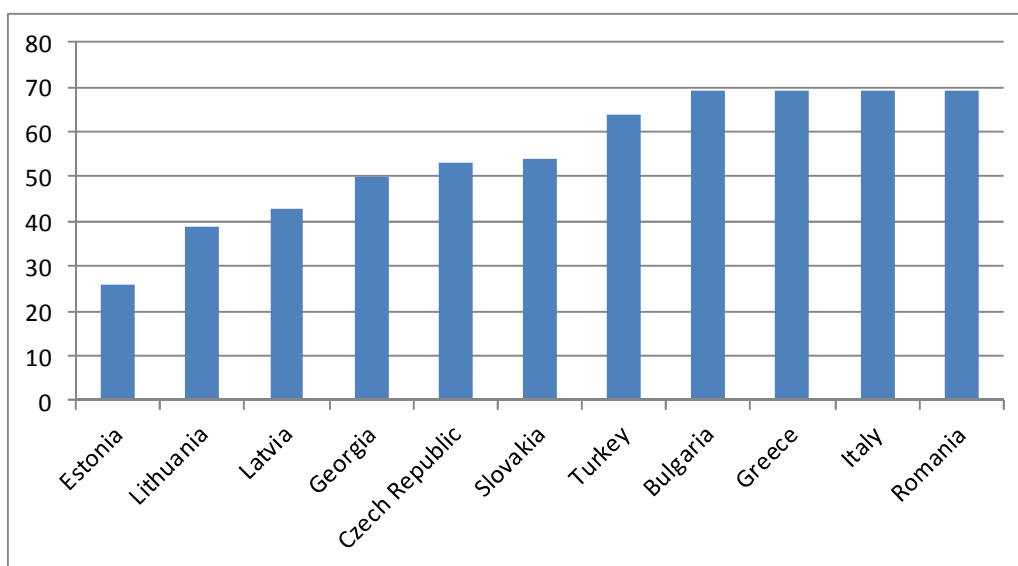
²⁷ შვე: ჯან Vან ფგ. (2011). *ინტერნაციონალური ცნობები: ტერორიზმი, ანტი-ტერორიზმი, კორუფცია და სხვა*. ვაიბლუ ფონი: <http://www.wvbl.com/eng/681> (ცეცხელიანი ჯანუარი 20, 2012).

²⁸ www.transparency.org ინტერნაციონალური ვაიბლუ ფონი: <http://www.transparency.org/corruption> (ცეცხელიანი ცხებერი 26, 2015).

Среди стран Европейского Союза и Турции, в 2014 году Грузия отставала от Эстонии, Литвы и Латвии, но была впереди Чешской Республики, Словакии, Турции, Болгарии, Греции, Италии и Румынии.

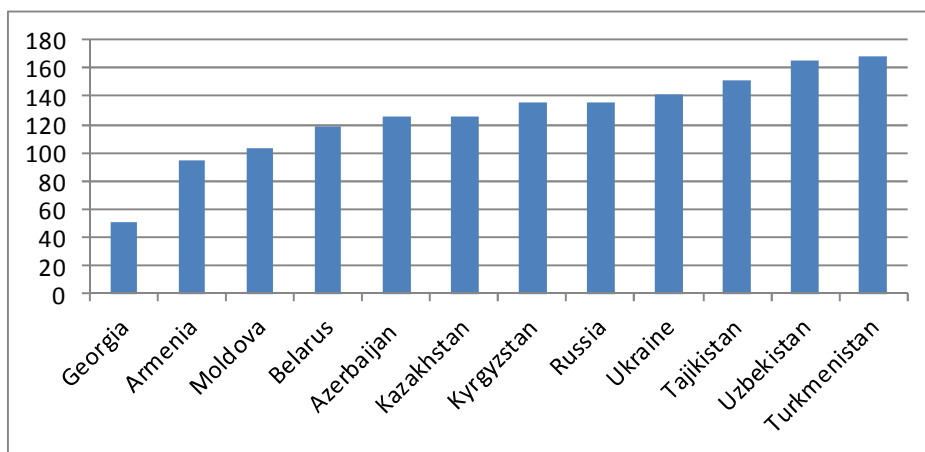
Диаграмма 2. Грузия, ЕС и Турция. Индекс восприятия коррупции в 2014 году.²⁹

При сравнении с государствами СНГ, Грузия оставалась на первом месте, с наименьшим уровнем коррупции в 2014 году.

Диаграмма 3. Грузия и СНГ. Индекс восприятия коррупции в 2014 году.³⁰

²⁹ □ □□□□
³⁰ □ □□□□

Благодаря реформам, которые были осуществлены в правоохранительных органах и правительственных структурах, административная коррупция оказалась на очень низком уровне. Реформа началась с арестов наиболее коррумпированных государственных чиновников и принятия антикоррупционного законодательства, включая такие понятия, как "согласованное признание вины" и "конфискация имущества." В результате, сотни миллионов долларов США были возвращены в государственный бюджет. Были использованы методы и опыт борьбы с Мафией и Коза Нострой в Италии и США. Философией этого подхода является то, что лучше оставить боссов организованной преступности и коррумпированных чиновников без финансовых и материальных ресурсов, с помощью которых они осуществляют свою незаконную деятельность, чем позволить им использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы для управления преступными сообществами из тюрем. Конфискованные финансовые ресурсы и активы были использованы для осуществления реформ, а так же в социальных целях. Аресты коррумпированных чиновников продолжались и на нижнем уровне, в том числе и в правоохранительных органах. В результате, уровень коррупции резко снизился, так как это стало очень рискованным делом. Но только аресты коррумпированных чиновников не вели к решению проблемы. Борьба с коррупцией дала устойчивые результаты только через реализацию других компонентов реформ - реорганизацию и создание новых институтов и систем отношений, в которых люди мотивированы честно выполнять свои функции, и здесь Грузия накопила положительный опыт. Например, в июле 2005 года, полностью коррумпированная старая система вступительных экзаменов в университеты Грузии была заменена на современную и справедливую систему единых национальных экзаменов, и тысячи молодых людей в настоящее время поступают в вузы страны без необходимости давать взятки. Сегодня Грузия имеет одну из самых передовых систем приема в вузы в Европе.

Другим центральным аспектом оптимизации государственного управления была антикоррупционная реформа правоохранительных структур, и это коснулось всех правоохранительных органов: прокуратуры, полиции, судов, пенитенциарной системы, пограничной и финансовой полиции. Реформа предполагала создание

новой законодательной базы, структурную реорганизацию правоохранительной системы, оптимизацию использования людских ресурсов и материально-техническое обеспечение.

Дорожная полиция была самой коррумпированной структурой в полицейской системе Грузии. Летом 2004 года, департамент дорожной полиции был распущен и около 2700 сотрудников были уволены. Вместо этого, была создана патрульная полиция, а новые полицейские отобраны на конкурсной основе, в основном из числа молодых людей с высоким процентом женщин. Заработная плата выросла приблизительно в десять раз. Обучение новых полицейских проводили в полицейской академии с участием экспертов и полицейских из Соединенных Штатов и Европейского Союза.

Особое внимание было уделено логистике: строительству современных полицейских зданий, приобретению новых полицейских автомобилей и специальной техники, установке современной системы связи, новой форменной одежде и современному оснащению полицейских. Если дорожная полиция была ответственна только за автомобильное движение, то патрульная полиция стала нести ответственность и за преступность на улицах, и за помощь гражданам в экстренных случаях. Все эти шаги, в сочетании с жестким внутренним контролем над действиями полицейских, привели к чрезвычайно положительным результатам. Согласно опросам, проводимым Международным республиканским институтом (США) в 2011 году, население Грузии более всего доверяло трем учреждениям: церкви (93 процента), армии (89 процентов), и полиции (87 процентов).³¹ Для сравнения, до начала реформы в 2004 году, результаты опроса избирателей показывали только 49 процентов в пользу грузинской полиции.³²

Провалы в борьбе с коррупцией

Несмотря на впечатляющие успехи в борьбе с коррупцией на низком и среднем уровне, политическая коррупция продолжала процветать в Грузии. Лидеры политической оппозиции и неправительственных организаций признавали успехи в борьбе с административной коррупцией, в то время как активно критиковали власть за то, что политическая коррупция оставалась нетронутой.

Западные политические системы основаны на фундаментальном принципе - независимости трех ветвей власти, которые контролируют друг друга через систему сдержек и противовесов. Вскоре после *Революции Роз* 2003 года, и вопреки этому основополагающему принципу, парламент Грузии принял конституционные

³¹ □ :[ქვემოქმედების სპანელ აგონი და მუდმივი ორ ეროვნ უბი პირობა. \(ქანუარი 5, 2012\). ვაიბლ ფომ : \[ქვემოქმედების სპანელ აგონი და მუდმივი ორ ეროვნ უბი პირობა. \\(ქანუარი 5, 2012\\). ვაიბლ ფომ : \\[ქვემოქმედების სპანელ აგონი და მუდმივი ორ ეროვნ უბი პირობა. \\\(ქანუარი 5, 2012\\\). ვაიბლ ფომ :\\]\\(#\\)\]\(#\)](#)

³² ფიანლერ უპატლე. (პრეზ, 2011). ში აღრ ვენტა ოფორნტ უკომ ეს ცკონტინგ ფორ ფეგენტე ჩ ორუპონ აფონსიან ოსტლეველუფონ ეროვნ ანდ კრანტე. *Caucasus Analytical Digest*. ო26, პ. 6.

поправки, которые существенно укрепили президентскую власть за счет законодательной и судебной ветвей власти. Это стало возможным в условиях послереволюционной эйфории и поддержки президента Саакашвили со стороны подавляющего большинства населения страны. Главным оправданием в то время был аргумент в пользу сильной исполнительной власти в целях быстрого проведения радикальных реформ, которые всегда являются болезненными для части населения. В результате, излишняя концентрация полномочий в руках исполнительной власти оказалась фактором, удерживающим правоохранительные органы от расследований возможных незаконных действий правящей политической группы. В такой ситуации, полицейские следователи не возбуждали уголовные дела против высших должностных лиц государства, а судьи в судах не принимали решений против них. Не существовало ни одного расследования национальными правоохранительными органами случаев политической коррупции в Грузии и, следовательно, не было никаких прямых юридических доказательств такой коррупции. Обвинения в участии в "политической коррупции", которые исходили от политической оппозиции, оставались лишь политическими инструментами в борьбе за власть.

Однако, все же есть два доказанных случая серьезной политической коррупции и уголовных преступлений, но ни одно из них не является результатом расследований и судебных решений на национальном уровне. Это - задержание в 2007 году Ираклия Окруашвили, бывшего Генерального прокурора, министра МВД и министра обороны Грузии; и убийство в 2005 году Сандро Гиргвлиани, молодого сотрудника одного из грузинских банков, высокопоставленными офицерами полиции. Генпрокуратура возбудила уголовное дело в отношении Окруашвили только после острого конфликта в правящей команде, ставшего достоянием общественности. Но перед этим, правоохранительные структуры (милиция, прокуратура и суды) показали халатность и неспособность расследовать причастность Окруашвили к коррупции, контрабанде, отмыванию денег и другим серьезным преступлениям - несмотря на неоднократные обвинения в этом со стороны гражданского сектора и грузинской прессы. Во втором случае, 27 января 2005 года, четыре полицейских из отдела конституционной безопасности Министерства внутренних дел Грузии пытали, а затем убили Сандро Гиргвлиани, после того, как он вступил в спор со своей подругой, которая сидела в одном из элитных Тбилисских баров вместе с женой министра внутренних дел и несколькими высокопоставленными полицейскими чиновниками. Только после того, как преступление было обнародовано политической оппозицией и начался политический скандал, эти полицейские были задержаны и приговорены всего лишь к 7 и 8 годам лишения свободы, а уже в 2009 году они были помилованы президентом Саакашвили и освобождены из тюрем. Европейский суд по правам человека признал, что в ходе расследования дела Гиргвлиани, доказательства были сфальсифицированы. Это было нарушением статьи 2 Европейской конвенции о правах человека (право на жизнь) и статьи 38 (обязательство государства сотрудничать с судом в установлении истины). Суд обязал правительство Грузии

выплатить в течение трех месяцев компенсацию семье погибшего в сумме 50,000 евро, а так же заново провести расследование. Последнее, однако, не было выполнено, так как ответственность за это несли, в том числе, и высшие руководители государства.

После *Революции Роз*, Грузия также не улучшила свои показатели с точки зрения политических свобод и защиты прав человека, и оставалась частично свободной страной в соответствии с рейтингами организации Freedom House, что, вместе с российским фактором, является одной из ключевых причин того, почему она до сих пор находится за пределами НАТО и Европейского Союза.

Политическая коррупция может существовать и без профессиональной организованной преступности, если высокопоставленные чиновники имеют достаточно финансовых, военных и правоохранительных ресурсов в их распоряжении, чтобы устранить любые конкурентные профессиональные преступные группы и установить свой собственный контроль в стране. В странах со слабыми демократическими институтами, особенно судебной системой, подобные правящие группы стремятся и к установлению контроля над средствами массовой информации, и к ослаблению политической оппозиции под предлогом предотвращения внешним противником идеологических диверсий и ведения информационных войн, а так же оправдания повышения расходов на силовые ведомства. Использование административных ресурсов - полиции, прокуратуры и судов, национальных банков, контролируемых государством средств массовой информации, и налоговой инспекции для контроля и вымогательства денег у бизнесменов, и в качестве инструмента для преследования политических оппонентов, ставит целью удержание правящей команды у власти, что является злоупотреблением политической властью и политической коррупцией.

Как только российский миллиардер грузинского происхождения, Бидзина Иванишвили, который спонсировал большинство местных благотворительных проектов в Грузии, объявил в начале октября 2011 года, что он находится в оппозиции к правящему политическому режиму и намерен участвовать в предстоящих парламентских и президентских выборах, власти президента Саакашвили немедленно предприняли попытку лишить его вместе с женой гражданства Грузии на основании того, что оба они имели российское и французское гражданство. После этого, 18 октября 2011 года, инкассаторский автомобиль, вместе с шестью сотрудниками, принадлежавшего Иванишвили Карту Банка, был задержан полицией во время перевозки 2 миллионов долларов США и 1 миллиона евро наличными из Банка Грузии в главный офис этого Карту Банка в Тбилиси. Министерство внутренних дел заявило, что уголовные обвинения были предъявлены в связи с отмыванием денег, но не представило доказательств. Это действие получило широкую огласку в контролируемых правительством средствах массовой информации, но вызвало лишь возмущение в обществе и политический скандал. Позже, задержанные автомобиль и деньги были тихо возвращены в Карту

Банк, а расследование остановлено, что было расценено как неудачная попытка властей запугать политических оппонентов.

Но контролируемое правительством телевидение, радио и печатные СМИ никогда не прекращали комментировать российское происхождение более чем пяти миллиардов долларов США у Иванишвили и его зависимость от режима враждебного Путина, чего не делалось, когда он был на стороне Правительства Грузии и спонсировал реформы в стране. Правительство Грузии также имело свои аргументы, пытаясь убедить местную публику, что одно дело, когда русские деньги используются для ремонта музеев, библиотек, университетов и церквей, и совсем другое дело, когда они используются для того, чтобы купить доступ к политической власти в Грузии, которая всего три года назад была в состоянии войны с Россией. Все это показывает, насколько сложно, с одной стороны, противостоять разрушительному российскому политическому давлению а, с другой стороны, бороться с политической коррупцией в стране.

Интерес к грузинским реформам был высок среди соседних стран. В 2011-2012 годах правительственные, правоохранительные и неправительственные делегации из Кыргызстана, Армении, Молдовы, Египта и других стран неоднократно посещали Грузию, чтобы узнать «секреты» ее успеха. Однако, реалистичная оценка достижений и провалов в антикоррупционном опыте Грузии будет особенно полезна для современной Молдовы и Украины, где коррупция и организованная преступность все еще процветают, и где с ними предстоит вести серьезную систематическую борьбу.

Почему у Грузии получилось?

С самого начала, в стране была разработана антикоррупционная стратегия, руководителем которой стал тогдашний министр экономического развития Каха Бендукидзе, а основным политическим двигателем и вдохновителем всего антикоррупционного процесса был президент Грузии Михаил Саакашвили, наделенный парламентом особыми полномочиями. Однако, самое важное во всем этом процессе – это наличие сильной и бескомпромиссной политической воли к осуществлению антикоррупционных реформ у высшего руководства государства. На примере Украины видно, что, по субъективным и объективным причинам, такой сильной политической воли нет у президента Петра Порошенко, а премьер-министр Украины Арсений Яценюк и министр МВД Арсен Аваков сами находятся под огнем критики и подозреваются в коррупции.

К субъективным причинам относятся отношения президента с некоторыми должностными лицами, например, с бывшим Генеральным прокурором Украины Виктором Шохиним, которого представители Соединенных Штатов подозревали в серьезных коррупционных связях и предупреждали руководство Украины, что если коррумпированные прокуроры не будут смещены, то США откажутся финансировать реформы в Украине. 30 октября 2015 года, посол США в Украине

Джеффри Пайетт, выступая на открытии конференции бизнес-совета «США–Украина» и Киевской школы экономики по реформе правовой системы, заявил, что Генеральная прокуратура Украины должна прекратить подрыв реформ в стране. В ответ, президент Петр Порошенко заявил о начале независимого расследования в сотрудничестве с американскими партнерами: «Я надеюсь, что благодаря независимому расследованию в офисе генерального прокурора мы получим какие-то факты коррупции, и если они подтвердятся, и тот, кого обвинят, если эти обвинения подтвердятся, не останется на своей должности ни одной лишней минуты.»³³ Примечательно, что расследование началось в результате давления американской стороны, а не в результате инициативы президента Украины.

Однако, существует и более глубокая причина того, почему в Украине к концу 2015 года все еще отсутствовала хорошо скоординированная система противодействия коррупции. Причина эта кроется в ограниченности полномочий президента и невозможности с его стороны эффективно противодействовать коррупции в кабинете министров Украины. Именно этим можно объяснить коррупционный скандал 14 декабря 2015 года, на заседании Национального совета реформ, в присутствии президента Петра Порошенко, когда губернатор Одесской области Михаил Саакашвили открыто обвинил в коррупции министра МВД Украины Арсена Авакова и премьер-министра Арсения Яценюка, а в ответ получил оскорбления и брошенный стакан с водой.³⁴ Можно предположить, что, помня о противостоянии бывшего президента Виктора Ющенко и премьер-министра Юлии Тимошенко, президент Порошенко проявляет максимальную осторожность, балансируя между необходимостью борьбы с коррупцией и сохранением хрупкой политической стабильности в стране.

В Грузии, в 2003-2012 годах, бывший президент Михаил Саакашвили сконцентрировал в своих руках огромную исполнительную власть, что привело к дисбалансу между тремя ветвями власти, но позволило осуществить радикальные антикоррупционные реформы и, практически, уничтожить организованную преступность, не особенно опираясь на гражданское общество Грузии. Однако, отсутствие диалога с политической оппозицией и гражданским обществом привело правящую партию Грузии *Единое Национальное Движение* к злоупотреблениям и потере власти в октябре 2012 года.

В Молдове и Украине такая концентрация власти в руках высших руководителей невозможна, поэтому проведение радикальных антикоррупционных реформ, с применением лишь государственных ресурсов, затруднено. Исходя из этих

³³ (17 01 2015). Порошенко о Шокине: Если расследование покажет факты коррупции, обвиняемый не останется на своей должности ни одной лишней минуты. <http://www.radiosvoboda.org/a/ukraine-poroshenko-shokin/27432013.33.html>

³⁴ <http://www.radiosvoboda.org/a/ukraine-poroshenko-shokin/27432013.34.html>

особенностей политических ситуаций в Молдове и Украине, противодействие коррупции требует максимальной прозрачности, более широкой опоры на общественность Молдовы и Украины, независимые СМИ и неправительственные организации. Сам факт того, что скандал в присутствии президента Украины, стал достоянием гласности, является исключительно положительным фактом с точки зрения очищения власти от коррупции путем гласности.

Выводы

Основная причина кризисов в Грузии, Молдове и Украине заключается в отсутствии антикоррупционных реформ по причине отсутствия сильной политической воли к реформам у высшего руководства этих стран, а без наличия такой воли невозможно проведение радикальных антикоррупционных реформ. Опора на модернизацию, при игнорировании демократизации, означает незавершенность антикоррупционных реформ, при которой уровень коррупции снижается на низшем и среднем уровне, однако, происходит ее концентрация на политическом уровне, что, в конечном итоге, приводит к росту политической напряженности в обществе, снижению легитимности правящей партии, и, при проведении свободных и справедливых выборов, потере ею политической власти, как это произошло, например, в Грузии в результате парламентских выборов 2012 года. Однако, несмотря на приход к власти политической оппозиции *Грузинская Мечта*, и последующий откат от антикоррупционных реформ, уже проведенные институциональные преобразования и реформы государственных структур, гарантировали их устойчивость в борьбе с коррупцией и организованной преступностью. В результате, уровень коррупции в Грузии незначительно увеличился на низшем и среднем, и сократился на политическом уровне. Однако, продолжающаяся слабость грузинских демократических институтов, и падение рейтинга политической коалиции *Грузинская Мечта* в обществе, может привести ее к соблазну использовать административные ресурсы (реформированную полицию, прокуратуру и суды) в борьбе за сохранение государственной власти, то есть к росту политической коррупции.

Следовательно, лишь дальнейшая демократизация общества и укрепление его государственных и неправительственных институтов, являются гарантом устойчивости антикоррупционных реформ, а не харизматические лидеры, даже если они и обладают сильной политической волей к этим реформам. Предотвратить усиление политической коррупции могут лишь сильные и независимые суды, СМИ и неправительственные организации, а так же деполитизированная прокуратура и полиция.

STERPU Vladimir

Republic of Moldova, Moldova State University,
Faculty of International Relations Political and Administrative Sciences,
Department of International Relations,
PhD student, university lecturer

CRIMINAL SECURITY POLICIES IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA*

The article addresses the main post soviet problems in the sphere of criminal activity, from the political point of view. It runs from the arduous task of the country to build a democratic nation and a market based economy as it faces ethnic conflicts and social hardships accompanied by economic and political transformation to the present situation of a halt in transition to a European future. It also presents a compared analysis on criminal situation during every political power's period of government.

The fall of the USSR was the event of the late twentieth century that changed the whole system of international relations and shook the entire world order. Instead of the former superpower, a "vacuum of power" appeared, which required reconfiguring relations between "the new democracies" formed on this huge space. "USSR died, but its space lives on", forming within specialized literature the name of "post-Soviet space."

Since Moldova's independence in 1991, crime sector expanded significantly due to the destabilization after the fall of the soviet regime. Dozens of organized criminal groups appeared, led by criminal authorities "thieves in law", which partly, since 2001 were arrested and sentenced to long periods of detention. A worrying aspect is the large increase in organized crime collaborating closely with international networks of criminals which has led to increased trafficking in human beings, smuggling, trafficking and illegal removal of human organs.

For example, in 1990 the annual statistic review of the Republic of Moldova, the number of registered crimes was as following; the total number of registered crimes in 1985 was 22544. From them, the state wealth embezzlement represented 1578; the small state or community wealth embezzlement was 129; thefts – 5407; robberies – 646; speculation – 308; costumers deceit – 204; distillation of alcohol with the purpose of selling – 913; first degree murders and murder attempts – 260; severe body injuries – 384; rapes and other sexual assaults – 298; drug related crimes – 18; hooliganism – 1822; road

* “თავის რესეარტი წას სუპერორულ ბყ ა არე ჩ ურე ინტერნაციონალურესეარტი შტაფი სტანგე შტაქემ ე ელწ სპი წიჭინ ტჷე 7ტ ურბეან ჩ სმ მ უნიფი რმ ეწ ორუ რურამ მ ე: ოსიბილფეს ანდ ლი იტ, ცპაღუნგეს ანდ ოსტაცულს ოუტანსფერნგ ჩ პრუ-აცეესიონ ბესტპრესტეეს ანდ ეხპერენცე გო ოღოა'ს ანდ ეორთას პრუ-აცეესიონ პრესესს. - ლ ჩ ჩ რნგ ვრემ ენგ უმ ბერ იღშ შ- -2012-318911. რუფტკ პეროდ 01.03.2013-28.02.2017”

traffic violation with severe consequences – 331. The total number of registered crimes in 1986 was 20856. From them, the state wealth embezzlement represented 1323; the small state or community wealth embezzlement was 72; thefts – 4888; robberies – 608; speculation – 315; costumers deceit – 247; distillation of alcohol with the purpose of selling – 932; first degree murders and murder attempts – 205; severe body injuries – 303; rapes and other sexual assaults – 257; drug related crimes – 40; hooliganism – 1394; road traffic violation with severe consequences – 300. The total number of registered crimes in 1987 was 20757. From them, the state wealth embezzlement represented 1253; the small state or community wealth embezzlement was 129; thefts – 5810; robberies – 809; speculation – 292; costumers deceit – 247; distillation of alcohol with the purpose of selling – 932; first degree murders and murder attempts – 205; severe body injuries – 332; rapes and other sexual assaults – 247; drug related crimes – 185; hooliganism – 1237; road traffic violation with severe consequences – 291. The total number of registered crimes in 1988 was 32425. From them, the state wealth embezzlement represented 1244; the small state or community wealth embezzlement was 125; thefts – 13542; robberies – 1662; speculation – 308; costumers deceit – 288; distillation of alcohol with the purpose of selling – 42; first degree murders and murder attempts – 222; severe body injuries – 414; rapes and other sexual assaults – 317; drug related crimes – 108; hooliganism – 1809; road traffic violation with severe consequences – 347. The total number of registered crimes in 1989 was 40862. From them, the state wealth embezzlement represented 1091; the small state or community wealth embezzlement was 57; thefts – 17084; robberies – 2200; speculation – 398; costumers deceit – 289; distillation of alcohol with the purpose of selling – 23; first degree murders and murder attempts – 267; severe body injuries – 473; rapes and other sexual assaults – 337; drug related crimes – 89; hooliganism – 2369; road traffic violation with severe consequences – 449. The total number of registered crimes in 1990 was 43017. From them, the state wealth embezzlement represented 1040; the small state or community wealth embezzlement was 53; thefts – 17815; robberies – 2472; speculation – 453; costumers deceit – 284; distillation of alcohol with the purpose of selling – 4; first degree murders and murder attempts – 290; severe body injuries – 558; rapes and other sexual assaults – 354; drug related crimes – 120; hooliganism – 2246; road traffic violation with severe consequences – 463. In 1990, every 7th registered crime was a serious one and almost every second crime remained undiscovered. 3000 crimes were committed by minors, or with their complicity (4% more than the previous year). 2700 crimes were committed by individuals who have committed crimes previously (14% decrease). 3700 crimes were committed by individuals under the influence of alcohol (0,2 decrease) [7, 143].

As we can see from the data above, the criminal activity has doubled in the last years of life of the Soviet empire due to the instability of the regime and the period of declaration of independence of its republics. Republic of Moldova inherited severe issues related to organized crime in this transition period from a soviet republic to a democratic

one. The criminal networks remained deeply bounded to their mafia chiefs in Russia. Despite this situation, in 1991, on the 27th of August, Moldova declares its independence and becomes a sovereign state with the first President Mircea Snegur. During his terms of presidency (1990-1996) [2], Moldova encountered a small civil war, which emerged into the well known today transnistrian conflict, with Russia entirely controlling its territory and socio-economic life. While dealing with a war, the young republic did not experience an increase of arm smuggling, as the authorities from that period did their best to stop the war on the banks of the Dniester River. And indeed the conflict did last only around four months, but the territory called nowadays Transnistria, still remains under Russian occupation. Unfortunately because of the impossibility to collaborate with the Transnistrian territory generated by the conflict, the given statistics do not contain the data from Transnistrian region and any attempt to contact their self-proclaimed authorities remains unanswered.

Along the fall of USSR, also, disappeared a series of incriminations and a lot of inmates were set free, some of them with new criminal knowledge achieved in time of their detention. In 1992, the total number of registered crimes was 39190. 7275 of them were serious crimes and 1867 – economic – financial crimes. In 1993, the total number of registered crimes was 37073. 7173 of them were serious crimes and 2094 – economic – financial crimes. In 1994, the total number of registered crimes was 37317. 9090 of them were serious crimes and 2344 – economic – financial crimes. In 1995, the total number of registered crimes was 38409. 11069 of them were serious crimes and 2598 – economic – financial crimes. In 1996, the total number of registered crimes was 34822. 8083 of them were serious crimes and 2697 – economic – financial crimes. In 1997, the total number of registered crimes was 39914. 10018 of them were serious crimes and 2992 – economic – financial crimes. In 1998, the total number of registered crimes was 36195. 8210 of them were serious crimes and 3253 – economic – financial crimes. In 1999, the total number of registered crimes was 39346. 9252 of them were serious crimes and 3483 – economic – financial crimes. In 2000, the total number of registered crimes was 38267. 8941 of them were serious crimes and 3603 – economic – financial crimes. [10, 26]

In this period, we can observe that criminal activity remained stable from the boost of 1990. Also, by the time Petru Lucinschi became the second President of the Republic of Moldova (1996-2001) [3], serious crimes began to prevail. By the end of his presidency, economic and financial crimes raised due to the stabilization of market economy in the country.

The third President of the Republic of Moldova, Vladimir Voronin, who managed to govern two terms of four years each (2001-2009) [4], began his mandate with the dismantling of the main organized crime groups, by this decreasing the number of committed crimes. Thus, in 2001, the total number of registered crimes was 37830. From them, 411 were murders; severe body injuries – 394; rapes – 189; thefts – 20748; robberies – 2590; drug related crimes – 1897; hooliganism – 1163. In 2002, the total number of

registered crimes was 36302. From them, 401 were murders; severe body injuries – 335; rapes – 204; thefts – 18428; robberies – 2341; drug related crimes – 2481; hooliganism – 1356. In 2003, the total number of registered crimes was 32984. From them, 356 were murders; severe body injuries – 417; rapes – 320; thefts – 15065; robberies – 1801; drug related crimes – 2390; hooliganism – 1316. In 2004, the total number of registered crimes was 28846. From them, 303 were murders; severe body injuries – 355; rapes – 336; thefts – 12682; robberies – 1450; drug related crimes – 2148; hooliganism – 1062. In 2005, the total number of registered crimes was 27595. From them, 268 were murders; severe body injuries – 395; rapes – 280; thefts – 11506; robberies – 1449; drug related crimes – 2106; hooliganism – 965. In 2006, the total number of registered crimes was 24767. From them, 255 were murders; severe body injuries – 409; rapes – 268; thefts – 9419; robberies – 1102; drug related crimes – 2101; hooliganism – 848. In 2007, the total number of registered crimes was 24362. From them, 216 were murders; severe body injuries – 408; rapes – 281; thefts – 9724; robberies – 868; drug related crimes – 2182; hooliganism – 780. In 2008, the total number of registered crimes was 24788. From them, 233 were murders; severe body injuries – 385; rapes – 306; thefts – 9642; robberies – 1161; drug related crimes – 2126; hooliganism – 772. In 2009, the total number of registered crimes was 25655. From them, 240 were murders; severe body injuries – 369; rapes – 264; thefts – 9136; robberies – 1208; drug related crimes – 1879; hooliganism – 767. [6]

The presented data shows a dramatic decrease in criminal activity and a relative stable situation, partly due to Vladimir Voronin's previous position as a Minister of Internal Affairs of Moldova.

After the protests from April 7th, 2009, to power came a coalition of three political parties oriented to European Integration, which due to dissonances between them, threw the country into another major problem – the corruption. Thus, in 2010, the total number of registered crimes was 33402. From them, 265 were murders; severe body injuries – 416; rapes – 368; thefts – 13646; robberies – 1389; drug related crimes – 1794; hooliganism – 955. In 2011, the total number of registered crimes was 35124. From them, 216 were murders; severe body injuries – 360; rapes – 291; thefts – 15060; robberies – 1303; drug related crimes – 1658; hooliganism – 1152. In 2012, the total number of registered crimes was 36615. From them, 223 were murders; severe body injuries – 325; rapes – 360; thefts – 14294; robberies – 1342; drug related crimes – 1575; hooliganism – 1284. In 2013, the total number of registered crimes was 38157. From them, 215 were murders; severe body injuries – 324; rapes – 349; thefts – 15378; robberies – 1290; drug related crimes – 1166; hooliganism – 1444. In 2014, the total number of registered crimes was 41786. From them, 172 were murders; severe body injuries – 320; rapes – 352; thefts – 16729; robberies – 1252; drug related crimes – 1288; hooliganism – 1614. [6]

As we can see, the Alliance of the three political parties allowed another boost of criminal activity in the country, although it has registered significant progresses on the way of European Integration.

The period of state formation was characterized by joining a number of international organizations, which guaranteed the recognition of the new formed republic and its sovereignty. After the proclamation of independence, Moldova has signed and ratified a number of international conventions and treaties both multilateral and bilateral regarding international legal assistance:

International / Regional: [8]

- United Nations Convention against Transnational Organized Crime from 15.11.2000, New York;
- Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime;
- Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime;
- Agreement between the Governments of GUUAM member states in combating terrorism, organized crime and other types of serious crimes from 20.07.2002, Yalta;
- Cooperation Agreement for preventing and combating cross-border crime, adopted in Bucharest 26.05.1999, in force for Moldova from 01.02.2000;
- Criminal Law Convention on Corruption from 27.01.1999;
- Cooperation Agreement between the Governments of participating states of the Black Sea Economic Cooperation on combating crime, especially its organized forms, 02.10.1998, in force for Moldova from 23.10.1999;
- Additional Protocol to the Cooperation Agreement between the Governments of the participating states on Black Sea economic cooperation regarding fighting crime, especially its organized forms from 15.03.2002;
- Convention on Money Laundering, Detection, Seizure and Confiscation of the Proceeds from these activities, 08.11.1990;
- European Convention on legal assistance in criminal matters, adopted in Strasbourg on 20.04.1959, in force for the Republic of Moldova from 05.05.1989;
- Additional Protocol to the European Convention on Legal Assistance in Criminal Matters, from 17.03.1978, in force for the Republic of Moldova from 25.09.2001;
- European Convention on Extradition, adopted in Paris on 13.12.1957, in force for the Republic of Moldova from 31.12.1997;
- The Additional Protocol to the European Convention on Extradition, from 15.10.1975, in force for the Republic of Moldova from 25.09.2001;
- Second Additional Protocol to the European Convention on Extradition, adopted in Strasbourg on 17.03.1978, in force for the Republic of Moldova from 21.06.2001.

The Commonwealth of Independent States: [3]

- Convention on Legal Assistance and Legal Binding in Civil, Family and Criminal Matters, signed in Minsk on 22.01.1993, in force for the Republic of Moldova from 16.03.1995;

- Protocol to the Convention on Legal Assistance and Legal Binding in Civil, Family and Criminal Matters from 22.01.1993, concluded on 28.03.1997, in force for the Republic of Moldova from 04.04.2003;

- Agreement on cooperation in the sphere of special support in operative investigation, concluded in Moscow on 18.12.1998;
- Collaboration Agreement on Fight against Crime between the member states of the Commonwealth of Independent States, concluded in Moscow on 25.11.1998.

Bilateral: [8]

- Treaty between the Republic of Moldova and Romania on Legal Assistance in Civil and Criminal Matters from 06.07.1996, in force for the Republic of Moldova on 22.03.1998;
- Treaty between Moldova and the Russian Federation on Legal Assistance and Legal Binding in Civil, Family and Criminal Matters from 25.02.1993, in force for the Republic of Moldova from 04.11.1994;
- Treaty between Moldova and Ukraine on Legal Assistance and Legal Binding in Civil and Criminal Matters from 13.12.1993, in force for the republic of Moldova from 24.04.1995;
- Treaty between Moldova and Lithuania on Legal Assistance and Legal Binding in Civil, Family and Criminal Matters from 09.02.1993, in force for the Republic of Moldova from 18.02.1995;
- Treaty between Moldova and Latvia on Legal Assistance and Legal Binding in Civil, Family and Criminal Matters from 14.04.1993, in force for the Republic of Moldova from 18.06.1996;
- Treaty between Moldova and Turkey on Legal assistance in Civil, Commercial and Criminal Matters from 22.05.1996, in force for the Republic of Moldova from 23.02.2001;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of Czech Republic on Cooperation in Combating Organized Crime, Illegal Trafficking of Drugs and Psychotropic Substances, Terrorism and Other Types of Serious Crimes, signed in Prague on 07.08.2003;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of Latvia on Cooperation in Combating Terrorism, Illicit Drug Trafficking, Psychotropic Substances and Precursors, and Organized Crime, signed in Chisinau on 29.05.2003;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of the Republic of Belarus on Cooperation in Combating Crime, signed in Chisinau on 06.10.2002;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of Israel on Cooperation in Combating Illicit Trafficking and Abuse of Drugs, Psychotropic Substances and Other Serious Crimes, signed in Chisinau on 10.07.2003;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of Italy on Fight against Organized Crime, signed in Rome on 03.07.2002;

- Protocol on Cooperation between the Border Guard Department of the Republic of Moldova and the Federal Service Border of the Russian Federation in the Field of Operative Tracking for the interest of the State Border Services on Inland International Traffic, signed in Moscow on 29.11.2001;
- Memorandum of Understanding between the Ministry of Internal Affairs and the Police Chiefs Association, Crown Prosecution Service of England and Wales, the Serious Fraud Office, Department of Customs and Excise of His Majesty, the National Squad against Crime and the National Intelligence Crime Service of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland regarding the Cooperation in Combating Serious Crime, Organized Crime, Illicit Drug Trafficking and Other Similar Issues of Mutual Interest, Chisinau, 17.01.2001;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of Uzbekistan on Cooperation in Combating Crime, signed in Chisinau on 19.12.2000, in force for the Republic of Moldova since 15.05.2001;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova and the Government of Estonia on Cooperation in Combating Crime, signed in Tallinn on 23.09.1999, in force for the Republic of Moldova from 28.12.2000;
- Agreement between the Government of the Republic of Moldova, the Romanian Government and the Cabinet of Ministers of Ukraine on Cooperation in the Fight against Crime, 16.07.1999;
- Treaty between Moldova and Romania on Legal Assistance in Civil and Criminal Matters, signed in Kiev on 06.07.1996, in force for the Republic of Moldova from 05.04.2001.

Interdepartmental: [8]

- Protocol on cooperation between the Moldovan Prosecutor General's Office and the Romanian Public Ministry from 10.02.2005;
- Agreement on Cooperation in Legal Assistance between the Moldovan Prosecutor General's Office and the Prosecutor General of Uzbekistan from 09.10.1992;
- According to Art. 2 of the Agreement between Moldova and Turkey on legal aid in civil, commercial and criminal matters signed in Ankara on 05.22.1996, the two Contracting Parties have designated the Ministry of Justice and diplomatic channels as central authority for mutual legal assistance.

Also, the Republic of Moldova acceded as a member to the following international organizations in the field of security:

- United Nations (UN) on the 2nd of March, 1992;
- Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) on the 30th of January, 1992;
- International Tribunal for the Law of the Sea;
- Organization for the Prohibition of Chemical Weapons;

- The *Preparatory Commission for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization* (CTBTO);
- INTERPOL on the 28th of September, 1994;
- GUAM on 10th of October, 1997;
- The *Stability Pact Anti-Corruption Initiative (RAI)*;
- *International Criminal Court on the 9th of September, 2010*;
- *Bureau of Crime Fighting of CIS*;
- *Coordinating Council of Prosecutors General of CIS*. [8]

One of the priorities of the foreign policy of Moldova, is the adoption and implementation at national level of a joint action plan between authorities and bodies in various structures of power (legislative, judicial and executive) of Moldova and the European Union, with the purpose of their accession to the European norms and standards, based on the protection of human social values and general principles of law. A special role in the adoption of the National Programme for implementing the Action Plan Moldova-EU rests with the prosecutorial body of Moldova, by developing studies and strategies on protecting the rule of law, counteracting crime and ensuring the cooperation of law enforcement and judicial agencies of Moldova with other authorities of the state and the European Union, in order to achieve the same common goal - establishing and consolidating democracy based on the principle of rule of law and human values. [8]

Thus, within the National Programme, the Prosecutor General of the Republic of Moldova proposed a number of actions, with the involvement of representatives of various state structures to ensure the establishment of effective mechanisms at national level, similar to those operating in the European Union, of improving methods to combat and prevent crime. [8]

The action plan proposed by the Prosecutor General is mainly focused on: countering cross-border crime (in particular, human trafficking, narcotics, terrorism, smuggling of dangerous weapons and prohibited goods etc.), combating illegal migration in general, removing corruption etc., justice based on the rule of law and cooperation with other state organs and especially the structures of the European Union.

There is a close relationship between corruption and crime. Namely the presence of corruption in the resort agencies enables considerable increase in crime. Crime Victims International report [1] confirms that in countries with a high level of corruption, crime incidence is clearly higher. If, for example, in France and Portugal this figure is slightly higher than 1%, while in Eastern Europe index has fluctuated between 8 and 22%. It is significant that this index was calculated based on the data of sociological surveys, but not those submitted by bodies. There are multiple causes: that the very notions of crime vary from country to country, so the practice of registration of crimes. Also, in many cases bodies are not interested to register all crimes in order to raise the rate of solving of crimes. No wonder that the obtained indexes were much higher. Moldova is no exception to this regularity of countries in transition. [10,17]

Recently the European Union accentuated the necessity to conduct several reforms which partly would improve the prevention and fight with criminal activity in the Republic of Moldova. This way, European partners expressed their discontent on the situation which occurred on Moldova's territory and elaborated several mandatory steps towards the country's further European path. [5] They expressed their concern about the serious problems of corruption which dominates domestic political powers and the new elected Government is placed in the position either to follow the recommended steps and to gain European trust and to benefit from its support, or to continue the stagnation on every levels of European course and to risk to encounter pressures from political parties with different geostrategic orientation.

References:

1. Alvazzi del Frate A., Mazhew P., J.M. van Dijk, J. van Kesteren, Nieuwbeerta P., International Crime Victims Survey, United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute
2. Biography of President of the Republic of Moldova Mircea Snegur, 1990-1996. <http://www.presedinte.md/eng/mircea-snegur> (visited on the 10th of February, 2016)
3. Biography of President of the Republic of Moldova Petru Lucinschi, 1996-2001. <http://presedinte.md/eng/petru-lucinschi> (visited on the 10th of February, 2016)
4. Biography of President of the Republic of Moldova Vladimir Voronin, 2001-2009. <http://presedinte.md/eng/biografia-presedintelui-vladimir-voronin> (visited on the 10th of February, 2016)
5. Council conclusions on the Republic of Moldova. <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-moldova-conclusions/> (visited on the 19th of February, 2016)
6. Criminal statistics. <http://statbank.statistica.md/pxweb/Dialog/Saveshow.asp> (visited on the 10th of February, 2016)
7. Economia națională a Republicii Moldova, 1990, anuar statistic, Universitas, Chișinău, 1991, (National Economy of the Republic of Moldova, 1990, annual review)
8. International cooperation. <http://www.procuratura.md/md/actint/> (visited on the 10th of February, 2016)
9. International Organizations to which Moldova is a part. <http://www.mfa.gov.md/> (visited on the 10th of February, 2016)
10. Obreja E., Carașciuc L., Corupția în Moldova: fapte, analiză, propuneri., Transparency International, Chișinău, 2002

СВЕТЛИЧНЫЙ Родика

Республика Молдова, Молдавский Государственный Университет,
Факультет Международных Отношений, Политических и Административных Наук,
Департамент Политических и Административных Наук,
Доктор исторических наук, доцент

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ДЕФИЦИТ ДИАЛОГА*

The topic development of civil society is gaining the attention of researchers in recent years. A special role in this process is given to the dialogue between the state and civil society. This article explores specific experiences of civil society development in the Republic of Moldova, as well as analyzes the model of interaction between the institutions of civil society and the state - cooperation, lack of co-operation (ignore), and confrontation, which were manifested in certain time periods the country's development

Диалог в сфере политических отношений всегда занимал и продолжает занимать особое место в политической жизни мирового сообщества, являясь разумной альтернативой насилию, революциям, восстаниям, бунтам и другим проявлениям политического экстремизма, радикализма и нонтолерантности. При этом под диалогом в политике понимается не разговор двух и более лиц по политической проблематике, а определенная конфигурация взаимодействия, переговорный процесс и партнерство, строящиеся на принципах дискурсивного равноправия между субъектами политической коммуникации, стремящихся к взаимопониманию и достижению взаимовыгодного результата, учитывающего широкий спектр существующих мнений и интересов.

Диалог государства и гражданского общества, являясь одной из разновидностей политического диалога, в тоже время нередко выступает как социальный (в широком смысле) или гражданский (общественный) диалог. В такой диалог вовлечены не только институциональные субъекты, акторы или агенты политики (государство, политические партии, политические лидеры, политтехнологи и т.д.), но и рядовые граждане, общественные объединения и некоммерческие организации «третьего сектора», напрямую не связанные со сферой политики, но играющие все более возрастающую роль в политической жизни общества.

* “თქმის რესეარტი წას სუპორტილ ბუ ა არე ჩ ურე ინტერნაციონალესეარტი შტუუ სეპანგე შეპემ ე ელწ სპი წიწინ ტეე 7ტი ურბეან ჩომ მ უნივე რამ ეწორე რურამ მ ე: ოსიბილესე ანდ აღ იტ, ცპაღუნგეს ანდ ოსტყეს ოუტანსფერინგ ჩ პრუ-ატეესიონ ბესტპრესტესე ანდ ესპერენცე გო ოღოა'ს ანდ ეორთას პრუ-ატეესიონ პრესესსა - ლ ჩ ჩ რნგ გრემ ენგ უმ ბერ იღმ შ- -2012-318911. რეეცტ პერულ 01.03.2013-28.02.2017”

В научной литературе существует множество подходов к исследованию моделей взаимодействия институтов гражданского общества и государства. В данной статье автор будет опираться на модель, предложенную российским исследователем А.Ю. Сунгуровым, так как она, на наш взгляд, является наиболее систематизированной и позволяет применить данные модели для конкретного временного периода развития Республики Молдова. Автор рассматривает три варианта взаимодействия органов власти и гражданских структур: *сотрудничество*, *отсутствие сотрудничества (игнорирование)* и *конфронтация* [11]. При этом сотрудничество может быть как партнерским, подразумевающим в определенном смысле равенство сторон и взаимодействию, построенном на доминировании, вплоть до полного подчинения одной из сторон. Ясно, что в реальных современных условиях такой доминирующей стороной может быть только государство. Рассмотрим эти варианты подробнее, выделяя в рамках каждого из них конкретные модели.

А. Партнерское взаимодействие

Модель поддержки развития некоммерческих организаций (НКО), или «модель садовника». Органы власти принимают нормативные акты, способствующие появлению и развитию независимых общественных организаций как основы зарождающегося гражданского общества, и предпринимают конкретные действия по поддержке развития таких организаций.

Партнерская модель, при которой государственные органы понимают важность независимых неправительственных организаций и не пытаются ими управлять, а участвуют в различных формах диалога с НКО. Важным критерием для существования подобной модели является понимания ответственными представителями органов государственной власти важности для эффективного демократического государства самого феномена общественного контроля, готовность услышать результаты такого контроля и принять меры для исправления выявленных недостатков.

«Модель архитектора». Организации гражданского общества формируют публичную политику, предлагая повестку дня, а также варианты решения определенных проблем, участвуют в реализации реформы конкретных институтов государственной власти.

Б. Взаимодействие, основанное на доминировании власти

Патерналистская модель. Государство разрешает определенную автономию неправительственных организаций при условии, что те не вмешиваются в дела власти, а также обеспечивают поддержку соответствующих кандидатов на выборах. В обмен на политическую лояльность властные структуры обеспечивают определенную поддержку деятельности подобных организаций (представления бесплатных помещений или льготной аренды, прямого финансирования, оказание преференций при распределении грантов и иными способами).

Модель «Приводных ремней». В этой модели государственный аппарат рассматривает все общественные организации исключительно как передаточные механизмы от руководства к рядовым жителям страны, но ни о какой самостоятельности в этом случае говорить не приходится. Общественные организации играют роль приводных ремней в политической системе, находящейся под полным контролем руководства.

В. Отсутствие взаимодействия (игнорирование)

Модель игнорирования, когда государство не замечает большинства НКО, не мешает, но и не помогает их деятельности. Такая модель может быть реализована в условиях разнообразной негосударственной поддержки деятельности НКО, с одной стороны, и концентрации власти на разнообразных политических и экономических проблемах, с другой.

Г. Конфронтация

Модель «Борьбы с противником». В рамках этой модели представители государства видят, как правило, неоправданно, в лице неправительственных организаций, в первую очередь правозащитного толка, не желающих «встраиваться» в патерналистскую модель, опасность для собственной власти, и стараются усложнить их деятельность или даже закрыть их. При этом финансирование из международных фондов трактуется как превращение такой организации в «агента иностранного влияния».

Модель «Гражданского неповиновения». В условиях нарушения властью гражданских прав человека и политических свобод некоторые общественные организации избирают тактику гражданского неповиновения – участие в несанкционированных митингах, пикетах, других действиях, вызывающих репрессивные меры со стороны власти, переходя тем самым уже фактически в плоскость политической борьбы. Органами власти такое поведение часто трактуется как экстремистское.

Важно отметить, что в реальной ситуации всегда существует сочетание нескольких видов подобных моделей, однако в большинстве случаев можно выделить преобладающую модель. В данной статье мы рассмотрим, как изменялся тип преобладающей модели и представленность других в конкретный временной период в Республике Молдова.

Первые годы переходного периода в Республике Молдова, на стадии становления независимого государства и гражданского общества, доминировала «модель игнорирования», которая не сопровождалась институциональным диалогом между двумя секторами, хотя представители государственных органов постоянно приглашались на Форумы неправительственных организаций (НПО), которые регулярно приводились с 1997 года. В 2002 году был запущен Социальный Пакт, посредством которого президент пытался создать общую платформу для диалога со всеми социальными партнерами. Политический диалог (*policy dialogue*) становится

актуальным для Республики Молдова одновременно с консолидацией отношений с Европейским Союзом после запуска Европейской политики соседства и стратегической переориентации всего молдавского политического класса, сразу после парламентских выборов весной 2005 года. Можно констатировать, что в этот период на смену «модели игнорирования» пришла «модель поддержки» / модель садовника.

Провозгласив европейскую интеграцию стратегическим направлением развития государства, Республика Молдова наложила особую ответственность как на органы публичной власти всех уровней, так и на гражданское общество за будущее страны и народа. Признавая необходимость повышения эффективности принятия решений в процессе законотворческой деятельности с учетом европейских стандартов и налаживания открытого и эффективного сотрудничества с гражданским обществом, Постановлением Парламента № 373-XVI от 29 декабря 2005 года была принята *Концепция сотрудничества между Парламентом и гражданским обществом*. Документ предусматривает комплексный механизм сотрудничества между Парламентом и гражданским обществом: экспертные советы; постоянное консультирование; специально созываемые собрания; публичные слушания и годовая конференция [6].

Также в конце 2008 года, был принят *Закон о прозрачности процесса принятия решений*, вступивший в силу с 05.03.2009, который регулирует процедуры обеспечения прозрачности в процессе разработки и принятия решений. Закон предусматривает, что органы публичной власти проводят консультации с гражданами, объединениями, иными заинтересованными сторонами по проектам нормативных и административных актов, которые могут иметь социальные, экономические, природоохранные последствия (для образа жизни и прав человека, для культуры, здоровья и социальной защиты, для местных сообществ и общественных услуг) [3].

Смена правительства в 2009 году и динамизация отношений Молдовы с Европейским Союзом в рамках Восточного партнерства, внесли изменения в отношения между государством и гражданским обществом, положив начало *партнерской модели*. Правительство провело ряд реформ, согласованных с Европейской комиссией, институционализировало отношения с гражданским обществом путем создания Национального совета по участию (НСУ).

Совет был создан при Правительстве Республики Молдова в качестве консультативного органа и обеспечения участия гражданского общества и частного сектора в процессе разработки, внедрения, мониторинга, оценки и пересмотра политик и способствованию принятия общественных политических решений, отвечающих интересам общества [7]. На определенную динамику в деятельности НСУ указывают следующие цифры: если в 2009 году всего 38% принятых кабинетом

министров решений обсуждались с неправительственными организациями, то в 2010 году это число выросло до 83%, а в 2011 году этот показатель составил 84% [1].

Развитие гражданского общества стало национальным приоритетом, который нашел свое отражение в официальных государственных документах. В 2008 г. был принят первый стратегический документ по развитию гражданского общества, а именно *Стратегия развития гражданского общества на 2009-2011 годы*, позже, в сентябре 2012 г., парламент Республики Молдова принял *Стратегию развития гражданского общества на 2012-2015 годы* и *План действий по реализации Стратегии*. Задачей Стратегии является создание благоприятных условий для развития активного гражданского общества, способного внести свой вклад в поступательное развитие демократии в Республике Молдова, содействовать социальной сплоченности и развитию социального капитала [4]. Для осуществления поставленной задачи Стратегия предусматривает три общие цели:

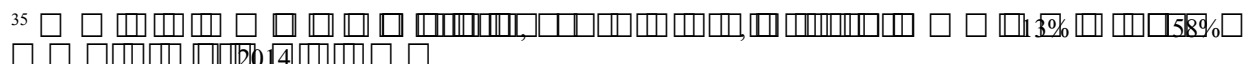
укрепление основы участия гражданского общества в разработке и мониторинге проведения публичных политик;

продвижение и укрепление финансовой устойчивости гражданского общества; развитие активной гражданской позиции и волонтерства.

Процесс управления Республики Молдова после 2009 года следует разделить на два периода: 2009-2012 гг. и 2013-2014 гг. В течение первого периода европейская составляющая молдавской политической системы пыталась бороться с олигархической, которая возникла во время пребывания коммунистов у власти, и продвигать европейский курс страны. В течение второго периода после трагического инцидента в Заповеднике «Pădurea Domnească» и внутреннего политического кризиса олигархической составляющей удалось взять верх над европейской. Господство олигархии над отечественной институциональной системой выразилось и проявилось в глубоком банковском, экономическом и политическом кризисе в обществе, иллюстрацией которого является кража \$ 1 млрд из банковской системы.³⁵

Взаимодействие между гражданским обществом и государственными институтами резко ухудшилось после парламентских выборов в 2014 г., когда относительная доля «партнерской модели» стала падать, постепенно переходя в «модель игнорирования» (в 2013-2014 гг. они сосуществовали).

Согласно Отчету о достижениях Республики Молдова в рамках Европейской политики соседства за 2014 г., «гражданское общество участвовало в принятии решений на центральном уровне через информационную деятельность Национального совета по участию, который наблюдает над деятельностью правительства, и Совета НПО, который наблюдает над деятельностью Парламента. Тем не менее, степень активного участия в контроле над осуществлением

³⁵ 1%

государственной политики и мониторинге местных органов государственной власти была низкой. Национальная стратегия развития гражданского общества на 2012-2015 гг. была реализована лишь на 20%. Хотя участие гражданского общества в процессах принятия решений увеличилось, фактически были приняты лишь несколько рекомендаций гражданского общества, поскольку механизм консультаций не был полностью внедрен» [10, 8].

Факт низкого уровня участия граждан в процессе управления подтверждается членами НСУ в Республике Молдова. «Правительство не всегда прислушивается к обществу при утверждении некоторых решений. По их словам, важные проекты нередко проводятся по-быстрому, что не позволяет их подробно проанализировать. Также существуют решения, одобренные правительством, в которых не соблюден закон прозрачности принятия решения, в результате чего они оказали негативное влияние на общество. Речь идет о „Banca de Economii” и о концессии Международного аэропорта Кишинэу. Таким образом, в определенных ключевых решениях гражданское общество привлекалось периодически и в значительной степени потому, что политики намеренно маргинализировали гражданское общество» [5].

Следует отметить, что мандат Национального совета по участию, созданный правительством, не был продлен после 2014 года. Хотя бывшие премьер-министры Республики Молдова Кирилл Габурич и Валериу Стрелец заявили, что запустят процесс отбора членов Национального совета по участию, это не было выполнено.

Ассоциация за демократию через участие (ADEPT) в 2013 году провела мониторинг деятельности законодательного органа и пришла к выводу, что сотрудничество парламента с гражданским обществом не является эффективным. В отчете ADEPT обратила внимание на вызывающий обеспокоенность процент проектов документов, которые рассматриваются с нарушением срока, установленного для постоянного консультирования, отметив еще более тревожный процент проектов, обсужденных и принятых в тот же день или на следующий календарный день после регистрации. Данный факт не только не служит стимулом для участия общественности, но и подрывает весь законотворческий процесс. Спешка, с которой происходит законодательная процедура, свидетельствует о серьезных проблемах в управлении законотворческим процессом. Грубое и неоднократное нарушение законодательных процедур подрывает доверие общественности к доброму намерению законодателя, который, по всей видимости, руководствуется иными интересами, но не общественным интересом, а ведь общественный интерес заключается в легитимном, уравновешенном, логичном, последовательном и прозрачном законотворческом процессе [2, 28].

Обеспокоенность создавшейся политической ситуации в стране гражданское общество в РМ выразило в резолюции, принятой участниками Генеральной

ассамблеи Форума гражданского общества "Восточного партнерства" в Киеве 21-23 ноября 2015 г. по инициативе Национальной платформы РМ.

В документе выражено разочарование тем, как госучреждения ведут с гражданским обществом диалог для решения политического кризиса и продвижения повестки дня реформ в Молдове. По мнению правозащитников, "такое отношение к процессу правления компрометирует процесс реализации Соглашения об ассоциации ЕС-РМ. В 2015 г. реализовано только 21% из Плана действий по реализации Соглашения, что отодвигает РМ на последние позиции в процессе евроинтеграции. Невыполнение обязательств ведет к уменьшению доверия общества к Евросоюзу и негативно влияет на образ ЕС в Молдове. Госучреждения показывают безответственное отношение к сотрудничеству с гражданским обществом, что доказывает отсутствие желания к осуществлению реформ и к рекомендациям со стороны гражданского общества" [8].

В создавшихся условиях произошла активизация гражданского общества, выражающаяся в протестах против олигархической составляющей в государственных учреждениях или против государства-заложника. Во главе протестов в начале находилась

Гражданская платформа «Dreptate și adevărul» («Достоинство и правда»), созданная 24 февраля 2015 г. Цель платформы заключалась в объединении под своими знаменами молдавского общества, возвращении страны в правовое поле, создании условий для появления нового ответственного, некоррупцированного политического класса, а также гражданского общества, способного выполнять свою миссию участия в управлении страной и контроле над властью.

Требования Платформы «Dreptate și adevărul» («Достоинство и правда»):

досрочные парламентские выборы;

отставка Президента Республики, Председателя Парламента, главы Правительства;

реформирование номинально состава Центральной Избирательной Комиссии;

международное расследование кражи 1 миллиарда долларов из банковской системы и отстранение должностных лиц, ответственных за кражу.

В период сентября-октября 2015 г. проходили встречи между представителями власти и лидерами платформы, но конкретных результатов не было достигнуто, а власть продолжала игнорировать требования гражданского общества. Масштабные протесты начались 20 января 2016 г., когда парламент проголосовал за новый состав кабинета министров. К митингующим присоединились еще две партии: Партия социалистов Республики Молдова и «Наша Партия». Впервые левые, центристы и правые, которые до сих пор открыто, враждовали друг с другом, объединились для борьбы с существующим режимом. Это был очень серьезный сигнал для властей. Ведь если до сих пор оппозиция действовала разрозненно, теперь она объединилась. Произошла серьёзная концентрация людей, СМИ, НПО, финансовых и

идеологических ресурсов. В результате председатель парламента Андриан Канду подтвердил готовность властей к диалогу с лидерами протестов и возможном выполнении ряда их требований.

4 февраля 2015 г. в Кишиневе состоялся Гражданский форум под названием "Консолидация гражданского общества в борьбе с олигархическим режимом", на котором была принята резолюция с требованиями, которые молдавские власти должны выполнить в течении 30 дней. Резолюция Гражданского форума содержала 9 основных требований, в том числе: [9]

- Нахождение решения по всенародному избранию следующего президента. Принятие законных рамок для одновременного проведения досрочных парламентских выборов и всенародных президентских выборов не позднее осени 2016 года.

- Отставка генерального прокурора; Отставка всего состава членов ЦИК; Выбор президента и вице-президента НБМ в рамках конкурса с международным жюри.

- Прекращение преследования, в том числе уголовного преследования протестующих и немедленное освобождение политических заключенных группы Петренко.

- Ограничение владения медийной собственностью одним юридическим лицом до не более двух единиц.

Согласно документу, "в случае невыполнения этих требований власть должна взять на себя всю ответственность за все последствия, а народ оставляет за собой право применять положения Преамбулы ко Всеобщей декларации прав человека, а именно право на восстание против тирании и угнетения, в том числе прямое исполнение своего народного суверенитета".

Происходящие события отчетливо оформили основные тенденции во взаимодействии молдавского государства и гражданского общества, которые проявились в «модели гражданского неповиновения».

На данный момент молдавское общество сталкивается со следующими проблемами – оторванность власти от общества и нерешенность большого количества насущных проблем; популизм и отсутствие стратегического лидерства; отсутствие или недостаточная прозрачность системы социальных лифтов, позволяющей талантливым людям во всех сферах реализовывать свой потенциал; отсутствие ясных критериев оценки эффективности власти. Одним из способов решения это смена парадигмы деятельности институтов государства, в которой гражданская активность, экспертиза, контроль станут неотъемлемой частью всех процессов и этапов формирования государственных решений. А это означает переход к партнерской модели, при которой государственные органы понимают важность независимых неправительственных организаций и не пытаются ими управлять, а участвуют в различных формах диалога с НКО.

Для реализации такого перехода необходимо законодательно усилить потенциал гражданского общества в диалоге с государством, в первую очередь, расширить его контрольные и экспертные функции. Для этого необходимо принять следующие меры:

создание системы противодействия коррупции (антикоррупционная люстрация и т.д.)

Молдова не может нормально развиваться, если государственные структуры не будут очищены от лиц, которые злоупотребляют служебным положением в личных целях. Одна из форм защиты политической безопасности – это противодействие коррупции. В системе антикоррупционных действий важную роль играет антикоррупционная люстрация государственных чиновников, полиции, судей, прокуроров, депутатов всех уровней, функционеров политических партий.

решение проблемы избрания президента (парламент, всенародное избрание), а также выборов в парламент (по партийным спискам, по одномандатным округам и т.д.)

Принятия закона «О выборах в парламент Молдовы по одномандатным округам». Цель закона — приблизить высший законодательный орган страны к народу, создать социальные лифты для граждан Молдовы. Формирование Парламента по партийным спискам порождает зависимость депутата от составителя списка, но никак не обязывает его ответственности перед избирателями. К тому же возникают дополнительные проблемы, а именно, раз конкретно данного депутата никто не избирал, считается, что он избран всем народом, ни перед кем не отвечает и не может быть отозван избирателями. Переход к одномандатным округам не означает, что нивелируется роль партий. Партии могут продвигать своих кандидатов по одномандатным округам. Но им придется конкурировать с независимыми кандидатами, что должно обострить политическую борьбу, улучшить отбор будущих депутатов. Такая система успешно работает в многих развитых странах, и она себя оправдывает.

создание институциональных условий и стимулировать практики, обеспечивающие развитие активного и ответственного гражданского общества.

Роль сильного гражданского общества имеет здесь решающее значение, так как оно может оказывать давление на власть таким образом, чтобы правящие круги выполняли взятые на себя обязательства и не отклонялись от намеченного курса в зависимости от политических интересов.

Библиография:

Raportul de activitate a Consiliului Național pentru Participare 2010-2012.
www.cnp.md/en/activities/item/download/742

Transparența decizională în activitatea parlamentului: prevederi legale, aplicabilitate și aplicare. <http://www.e-democracy.md/files/td/transparența-decizionala-parlament-2013.pdf>

Закон о прозрачности процесса принятия решений. <http://lex.justice.md/ru/329849/>

Закон об утверждении Стратегии развития гражданского общества на 2012–2015 годы и Плана действий по внедрению Стратегии. <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=346217&lang=2>

Национальный совет по участию недоволен сотрудничеством с правительством. http://ru.publika.md/nacionalnyy-sovet-po-uchastiyu-nedovolen-sotrudnichestvom-s-pravitelstvom_486101.html

Постановление Парламента Nr. 373 от 29.12.2005 об утверждении Концепции сотрудничества между Парламентом и гражданским обществом. <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=314906&lang=2>

Постановление Правительства № 11 от 19 января 2010 года по созданию Национального совета по участию. <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=341882&lang=2>

Резолюция Молдавской Национальной Платформы на 7-й Ассамблее гражданского общества Восточного Партнерства. [http://www.eap-csf.md/images/Resolution No5 Moldova Ru.pdf](http://www.eap-csf.md/images/Resolution%20No5%20Moldova%20Ru.pdf)

Резолюция Гражданского форума: У режима в распоряжении 30 дней, чтобы выполнить требования. <http://www.moldnews.md/rus/news/78622>

Совместный рабочий документ: Реализация Европейской политики соседства в Республике Молдова. Достигнутый в 2014 году прогресс и рекомендации к действиям. http://eeas.europa.eu/delegations/moldova/documents/press_corner/repulic-of-moldova-enp-report-2015_ru.pdf

Сунгуров А. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества. http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf

KARAIIA Tamar

PhD in Political Science,

Institute of Political Science of Ilia State University

THE STATE OF CIVIC EDUCATION IN GEORGIA FROM FORMAL TO INFORMAL PRACTICES

Democracies are sustained by citizens who have the requisite knowledge, skills, and dispositions. Because of civic education affect on people's beliefs, commitments, capabilities, and actions as members or prospective members of communities, developing civic education curricula is one of the important challenge for countries under development.

This paper aims to analyze civic education programs in Georgia public schools and universities from the community service and public achievement approach.

Key words: **civic education, civil engagement, curriculum**

According to the Stanford encyclopedia of philosophy “civic education” means all the processes that affect people's beliefs, commitments, capabilities, and actions as members or prospective members of communities³⁶. Civic education, therefore, is-or should be-a prime concern. There is no more important task than the development of an informed, effective, and responsible citizenry. Democracies are sustained by citizens who have the requisite knowledge, skills, and dispositions. Absent a reasoned commitment on the part of its citizens to the fundamental values and principles of democracy, a free and open society cannot succeed. It is imperative; therefore, that educators, policymakers, and members of civil society make the case and ask for the support of civic education from all segments of society and from the widest range of institutions and governments³⁷.

The American Political Science Association (APSA) recently formed a Task Force on Civic Education. Its statement of purpose calls for more realistic teaching about the nature of political life and a better understanding of "the complex elements of 'the art of the possible'."

The APSA report faults existing civic education because all too often it “*seems unable to counter the belief that, in politics, one either wins or loses, and to win means getting everything at once, now! The sense that politics can always bring another day, another chance to be heard, to persuade and perhaps to gain part of what one wants, is lost. Political education today seems unable to teach the lessons of our political history: Persistent civic engagement-the slow, patient building of first coalitions and then majorities-can generate social change. (Carter and Elshtain, 1997.)*”³⁸

³⁶ Civic Education. (27.12. 2007). <http://plato.stanford.edu/entries/civic-education/>

³⁷ Brandson M. (1998).The Role of Civic Education. A Forthcoming Education Policy Task Force Position Paper from the Communitarian Network. http://www.civiced.org/papers/articles_role.html

Actors involved in formation of civic culture are various and include families, schools, universities, mass media and other institutions as soon as civic education is understood as a lifelong process. This component is especially important in country where civic and political culture is still under development and citizens are not empowered. Exactly same picture we have in case of Georgia as far as after declaring independence country started long way to consolidated democracy.

Analyzing approaches which are oriented to establish civic education in national curricula we can highlight two: community service and Public achievement. Both of them have shared and distinctive characters. According to the community service approach responsible citizens are people who provide direct, voluntary care for others in need. They further argue that the way re-engage young people as citizens are to encourage and require them to participate in community service in extracurricular manner³⁹. Another direction is Public achievement approach, which is oriented to develop skills how to identify issues and find ways to solve it in existing political and social life with small group of students.

Using these approaches civic education curricula aims to support students (both as secondary as university level) to transfer skills from formal classroom to informal environment and realize student action projects.

Civic Education teaching at secondary school level

Soviet practice of educational system excluded civic education, because of declared course of creation soviet citizen do not included them in the decision making process. Various courses were initiated for awareness schools students. Among them were “Know Thyself (International Humanitarian law, IRCR 1996.)”, “Human Right Declaration” and etc. However they were not acknowledged as core courses, like history, geography or biology and were additional part of educational system.

Civic education as a teaching course initiated in 2010 with financial support of USAID and implemented by PH international Georgia (Applied Civic Education and Teacher Training (ACETT) program for Georgia). At the initially stage this program was implemented in 30 % (720) of secondary schools⁴⁰. Next stage of project called “Momavlis Taoba” (future generation) started at 2015 and aimed to realize civic education course in 340 secondary school; train teachers in civic education teaching methodology⁴¹. This initiative was strongly supported from the Ministry of Education and science and declared as one of the best way to decrease bed practice of apathy toward civic life.

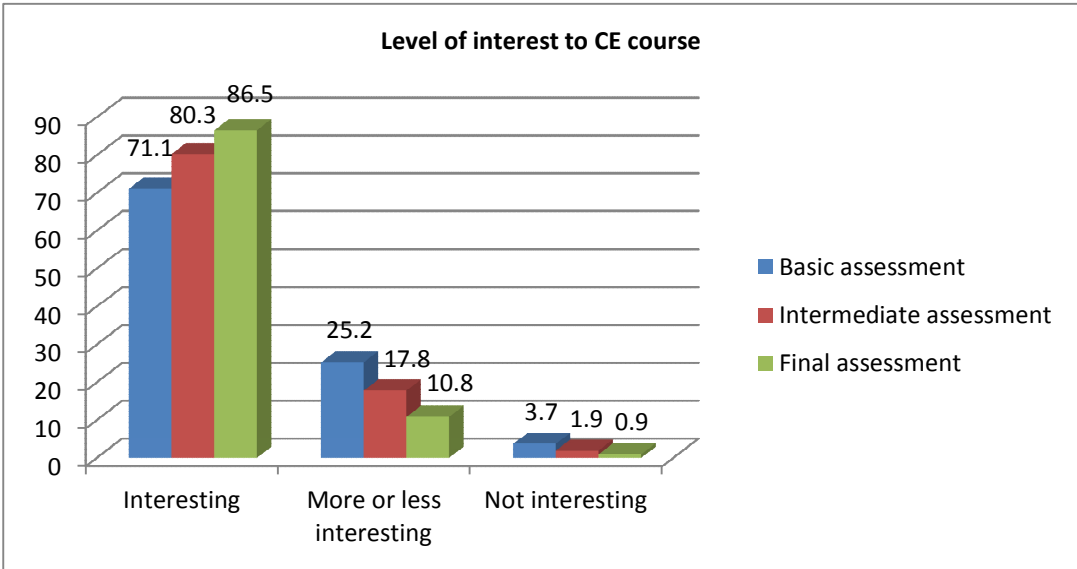
Contrary to trainings, workshops and other activities during six year there are lot of challenges that civic education as a course faces in Georgia.

³⁹ Ityonzughul, T. Ochelle, J, Aniwen, N (2014). The Role Analysis of Civic Education in Nigeria’s National Development. *SCSR Journal of Development*. Volume 1, Issue 4 (Special Issue), pp. 36- 45 https://www.academia.edu/9043297/The_Role_Analysis_of_Civic_Education_in_Nigeria_s_National_Development. retrieved 11.02.2016

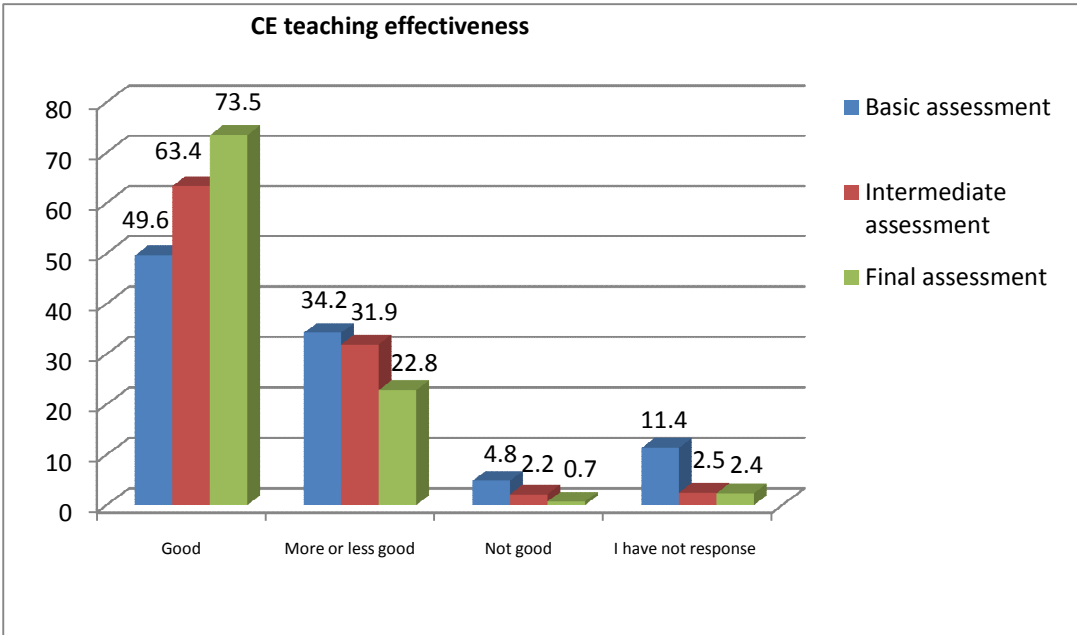
⁴⁰ Civic education and teachers training program. http://www.ph-int.org/what_we/pr171/geo/.retrieved 21.01.2016

⁴¹ Future generation-Civic Education New Project. (10.03.2015) <http://www.mes.gov.ge/content.php?id=5605&lang=geo>. retrieved 20.02.2016

Research conducted by Ph International Georgia gives some interesting findings to evaluate establishment of civic education course in secondary schools. According to the data, number of students who thinks that course is interesting during 2010-2014 years increased from 71.1% to 86.5%.

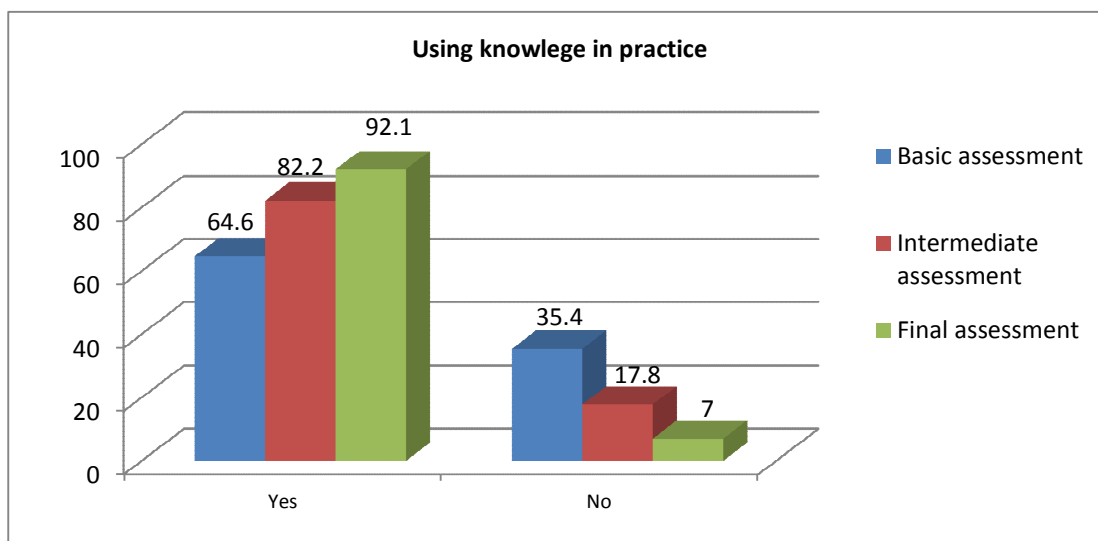

Evaluation of effectiveness increased from 49.6% to 73.5%, however, in the publication, among criteria of effectiveness only quality of teaching is indicated.⁴²

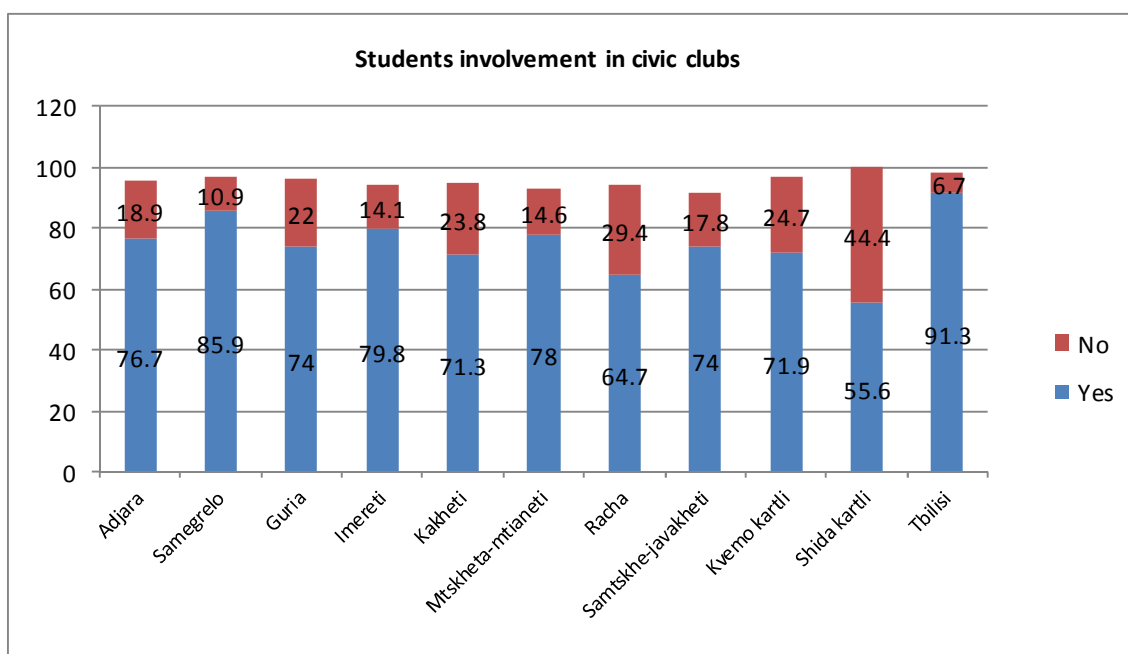

On the question have you ever used received knowledge in practice from 64.6% to 92.1 % agreed that they used it at least once.

⁴² Georgian Assessment Association. (2014). Final Evaluation of Civic education and Teachers training program. retrieved 11.01.2016

To support student engagement and improve their skills within this project established civic clubs.

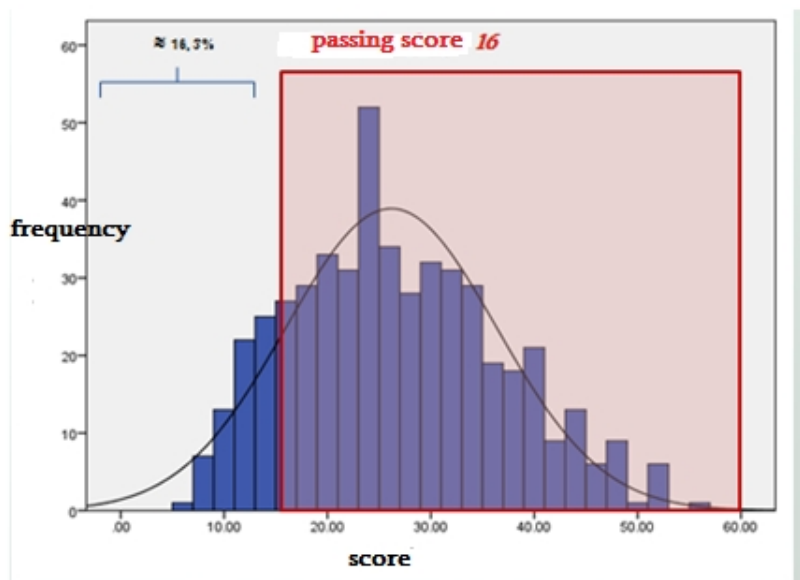

In spite of this figures civic education was considered to be a minor course. CE lessons were used for other courses which are required to pass in national exam. Another issue is lack of qualification of teachers; as far as, frequently civic education lessons were used to supplement teachers required load.

To solve these issues Ministry of Education and Science initiated to add civic education among national examination courses. This step was important statement of decision makers, as soon as it promoted course and tried to estrangement the status of minor one.

For first year approximately 35 universities applied this initiative; however among them was very few high ranking ones, e.g. Tbilisi State University refused add this course exam requirements. Opponents of initiative appealed on complicity of alternative courses (history, geography and math). These conclusions were made after evaluation civic education textbooks. That is why only 535 university entrants choose this course to pass. Among them 83.7 % managed

to overcome limit of minimal competences⁴³. Analyzed existed requirement and policy of Ministry of Education and Science for current examination year most of the universities included civic education in their exam⁴⁴.

Another initiative to support civic education popularity and student engagement was funded by the “Moqalaqe” foundation and implemented National Assessment and Examination Center⁴⁵. According to the NAEC data, Approximately 26 000 students were registered from 1431 schools for first year of Civic Education Olympiad⁴⁶, which was held on Georgian, Russian, Armenian and Azerbaijanian languages. Students with the best results were granted various award, top students were sent to Europe for improving foreign language knowledge. Second initiative – “Students for Local Self Government” aims to engage students from higher universities in local self government and promote awareness among them.

Civic education course was targeted from the second level of secondary education (IX grade). at the initial stage of learning civic component were integrated in various courses . This was the main argument of government while initiating the new pilot project entitled as 'Me and Society' which is planned to be launched in schools beginning from the next academic year. The project, which caused controversy amongst the public, should be taught to 3-4 graders and fulfill the existing civic education teaching gap. Dissatisfaction was caused due to different terminology (tolerance, gender equality, definition of family etc.) and the emphasis on certain aspects of the course. This resistant is also indicator of attitudes of society members toward values. This resistance caused so much resonance that premier minister G. Kvirikashvili encouraged necessity of it⁴⁷.

⁴³ NAEC.ge

⁴⁴ News of National Examination Center. [.http://www.naec.ge/erovnuli-erovnuli-gamocdebi/ertiani-erovnuli-gamocdebi-siakhleebe/3605-statistikuri-analizi.html?lang=ka-GE](http://www.naec.ge/erovnuli-erovnuli-gamocdebi/ertiani-erovnuli-gamocdebi-siakhleebe/3605-statistikuri-analizi.html?lang=ka-GE). Retrieved 20.02.2015

⁴⁵ Foundation established by former premier minister of Georgia Bidzina Ivanishvili

⁴⁶ First stage of civic education Olympiad will be held on November 28.(20 .11. 2015)
<http://www.naec.ge/gakhdi-moqalaqe/samoqalaqo-ganathlebis-olimpiada/3707-samoqalaqo-ganathlebis-olimpiadis-pirveli-turi-28-noembers-gaimartheba.html?lang=ka-GE>. Retrieved 20.02.2015

⁴⁷ Machavariani K(04.03.2016). Government Supports to the Course “Me and Society”
<http://netgazeti.ge/news/98976/>. Retrieved. 04.03.2016

Civic Education at Higher Universities

In 2010 the International Foundation for Electoral Systems (IFES) conducted assessment through USAID supported project ITEP (Increased Trust in the Electoral Process). The assessment aimed to review the status of civic education at the university level in Georgian universities. The study found that, in the majority of cases, civic education was not a part of university curriculum. Based on these findings, IFES launched a project with local and international scholars to create a civic education course for university students.

The course that resulted, “Democracy and Citizenship”, was piloted in the September 2011 at four universities in Tbilisi. In January 2012, the project expanded to include six new universities partners and in 2013 eight new partners were added. Presently 27 universities (including Zurab Jvania School of Public administration) throughout Georgia offer the course to their students. Since the pilot project more than 5,000 students have taken the Democracy and Citizenship course⁴⁸.

Conceptions of citizenship expressed among the alumni reflect all of these qualities, but the most prominent are: 1) The recognition of the responsibility for citizens to take action; 2) Respect for individual worth and human dignity; 3) A sense of being able to affect change in one’s community; and 4) A sense of civic responsibility.

During in depth interviews conducted during evaluation process students highlighted importance of citizen engagement and motivation. “We are always waiting for someone else to come and fix problem. We realized with our own initiatives that we didn’t have to wait.”⁴⁹

Implementation of the action project is mandatory part of the course. Students worked on projects that called on them to interact with local government and civil society; read and apply laws; and interview officials, local citizens and fellow students. In most cases, students researched issues from multiple perspectives and applied their knowledge to look for solutions and take actions⁵⁰.

The new dimension for this program was partnership with Police academy and Zurab Jvania School of Public administration to teach civic education to future police officers and public administration members.

Evaluating civic education programs in Georgia we can conclude that at the very beginning these programs were as additional part of educational system and the main initiator were international and nongovernmental organizations. To develop competent citizens who have the knowledge, skills, and attitudes necessary to participate responsibly and effectively in the political and civic life of a democracy. Competent and responsible citizens:

- Are informed and thoughtful about the principles and practices of democracy
- Participate in their communities through membership in voluntary civil associations
- Act politically to accomplish public purposes

⁴⁸ უსტოგუბს .(03.2013). *Democracy and Citizenship Evaluation Report*.

http://cela.ge/en/system/files/ifes_democracy_and_citizenship_alumni_report_2014_final.pdf. Retrieved 20.02.2015

⁴⁹ იდე 3.2

⁵⁰ იდე 3.14

- Have moral and civic virtues, such as responsibility of the common good⁵¹

It is notable, that public organizations' advocacy campaign reached its main gain and civic education as a course become one of the main priority of educational policy, however, these programs still face various challenges that influence effectiveness of them.

Bibliography

- Civic Education. (27.12. 2007). <http://plato.stanford.edu/entries/civic-education/>
- Brandson M. (1998).The Role of Civic Education. A Forthcoming Education Policy Task Force Position Paper from the Communitarian Network. http://www.civiced.org/papers/articles_role.html
- Ityonzughul, T. Ochelle, J, Aniwen, N (2014). The Role Analysis of Civic Education in Nigeria's National Development. *SCSR Journal of Development*. Volume 1, Issue 4 (Special Issue), pp. 36- 45
https://www.academia.edu/9043297/The_Role_Analysis_of_Civic_Education_in_Nigeria_s_National_Development. retrieved 11.02.2016
- The state of civic education: Teaching the citizens of tomorrow. <http://www.greatschools.org/gk/articles/the-state-of-civic-education-teaching-the-citizens-of-tomorrow/>
- Civic education and teachers training program. http://www.ph-int.org/what_we/pr171/geo/.retrieved 21.01.2016
- Future generation-Civic Education New Project. (10.03.2015)
<http://www.mes.gov.ge/content.php?id=5605&lang=geo>. retrieved 20.02.2016
- Georgian Assessment Association. (2014). Final Evaluation of Civic education and Teachers training program. retrieved 11.01.2016
- National examination news. <http://www.naec.ge/erovnuli-erovnuli-gamocdebi/ertiani-erovnuli-gamocdebi-siakhleebi/3605-statistikuri-analizi.html?lang=ka-GE>. Retrieved 20.02.2015
- First stage of civic education Olympiad will be held on November 28.(20 .11. 2015)
<http://www.naec.ge/gakhdi-moqalaqe/samoqalaqo-ganathlebis-olimpiada/3707-samoqalaqo-ganathlebis-olimpiadis-pirveli-turi-28-noembers-gaimartheba.html?lang=ka-GE>. Retrieved 20.02.2015
- Machavariani K(04.03.2016). Government Supports to the Course “Me and Society” <http://netgazeti.ge/news/98976/>. Retrieved. 04.03.2016
- Burroughs G.(03.2013). Democracy and Citizenship Evaluation Report. http://cela.ge/en/system/files/ifes_democracy_and_citizenship_alumni_report_2014_final.pdf. Retrieved 20.02.2015

⁵¹ The state of civic education: Teaching the citizens of tomorrow.

<http://www.greatschools.org/gk/articles/the-state-of-civic-education-teaching-the-citizens-of-tomorrow/>

ȚURCANU Alina

Republic of Moldova, University of European Studies of Moldova,
Faculty of Political Sciences and International Relations,
PhD student State University of Moldova, university lecturer

POLITICAL PARTIES AS AN EXPONENT OF POLITICAL CRISES IN TERMS OF GEOPOLITICAL ORIENTATIONS: THE REPUBLIC OF MOLDOVA*

Crisis and their management issues was and is extensively studied by many experts, analysts and is a major concern for both, the countries directly involved, and for the various powers and regional and international organizations. The community point of view is represented by political parties, which appear as leitmotif in relation crises - stability. In this paper we try to analyze the levels of penetration of parties in society and the state, to elucidate some relevant aspects of the political parties as an exponent of the relationship crises - stability in terms of Moldova's geopolitical orientation. Today, Moldova, after twenty-five years of independence, is also still projected between East and West. We realize how fragile foreign policy is, based on geopolitical orientations of Moldovan political parties.

Any analysis is done based on a series of specific concepts. The political crisis is one of the most important themes, because crisis situations arise constantly in any society, due to its versatility and imperfections. Their management is needed, through preventive action, limiting and resolving, otherwise, crises can gradually turn in violent and armed aggression.

In the literature, the concept of crisis is defined as a moment of rupture within a well-organized system. There are different approaches to the phenomenon of crisis, according to the activity that occurs or scientific interpretation that deals with the study of causes, appearance and manifestation, as well as the consequences malfunctions occurred in human society. Crisis and their management issues was and is extensively studied by many experts, analysts and is a major concern for both, the countries directly involved, and for the various powers and regional and international organizations.

According to the authors, Jeffrey J. Anderson, G. John Ikenberry, Thomas Risse, the crisis can be defined as a situation that meets one or more of the following circumstances:

* “თავის რუსეარტო წას სუპორტო ბყ ა არე ჩ ურე ინტერაგონალესეარტო შტაფი სკპანგე შტაქემ ე ელწ სპიო წიფინ ტპე 7ტ ურბეან ჩომ მ უნიფი რმ ეწორე რურამ მ ე: ოსიბლფეს ანდ დი იტ, ცპალნგეს ანდ ოსტაცეს ოუტანსურნგ ჩ პრე-აცესსონ ბესტპრესტეს ანდ ეხპერენცე გო ოლოა'ს ანდ ეორთას პრე-აცესსონ პრესესს. - დ ჩ ჩ რნგ ვრემ ენგ უმ ბერ იდშ შ- -2012-318911. რფეცტ პეროდ 01.03.2013-28.02.2017”

manifests a fundamental disagreement on what at least one party considers to be a vital interest; there appear a gap between the market interdependence and society; an institutional failure occurs in terms of rules and standards of the process. The community point of view is represented by political parties, which appear as leitmotif in relation crises - stability [1, 12].

The political arena engage in the politics play a variety of political parties, which constitute and pursue their activities in accordance with the law, and the scope of their ideological positioning, the guidance of geopolitical perspective, helps to manage and to typologies them. Parties may adopt different strategies in their construction issues and organizing work with voters. The option for one or another solution, affect the ability of the party to attract and maintain members and supporters, to bring their programmatic messages to voters to ensure a mutual relationship between the central bodies of the party, party members along and voters, which would allow us use of the phrase "power-opposition".

Definitions that the specialized literature gives upon the concept of political party are numerous; all definitions include the specific elements of the party concept, but each emphasizing a particular feature. Ideological component of the political party is outlined by philosopher and politician Edmund Burke, who defines this entity as a body of people united to promote, through their joint efforts, the national interest, based on a particular principle on which we all agree [4, 99].

In this paper we try to analyze the levels of penetration of parties in society and the state, to elucidate some relevant aspects of the political parties as an exponent of the relationship crises - stability in terms of Moldova's geopolitical orientation. Following the trajectory of political leaders, we will note that representatives of various political parties and non-governmental institutions have launched initiatives to identify who would overcome antagonistic divisions in Moldovan society politically and the orientation of the parties in foreign policy, pro-Eastern or the pro-European is the most circulated criteria to identify to which political pole, right or left, belongs a particular political party.

Changes in the political market of the consolidated democracies were synthesized by Jennifer Lees-Marshment. Participation in traditional politics has declined, as well as turnout, while engaging in other types of movements and pressure groups increased, because:

- Youth in particular are showing less interest in traditional politics.
- Voter behavior has become less predictable, while increasing electoral volatility.
- Television and more recently the Internet have become basic sources for political information.
- Number of media products has increased and the nature of competition has changed, becoming more commercial.

- The traditional fundamentals of segmentation and cleavages that separated voters, as well as classes, geographical origin, family profile has eroded, being replaced by other complex elements of separation.

- Voters are more critical upon the political elites and institutions [2, 22].

According to Philip Kotler and Neil Kotler, to be successful, candidates must understand their market, meaning the voters, their needs and aspirations, as well as their constituencies they want to represent. Market orientation means that a candidate must recognize the nature of the exchange when require a vote. If a candidate can make promises which are in line with the needs of voters and, once installed in office to perform, then the candidate will enhance the satisfaction of his constituents and the public in general [6, 14].

Market studies in consolidated democracies show that citizens have become more critical of the performance of politicians, parties and institutions. Pharr and Putnam believes that dissatisfaction is partly the result of new kinds of expectations from the public and increasing access to information, which amended the criteria on which is evaluated the performance of political actors.

In light of political market changes, the public seems to behave more and more like consumers. The appearance of consumerism in the business and then in the public sphere, included political arena so that we can talk about "political consumers". The concept not only refers to how people vote, but the nature of their general attitude towards politicians, their needs through engagement, consultation and their reaction when they are not providing "services" promised [3, 12]. Therefore, the political crisis is conditioned mainly by the apparent ineffectiveness of policy, by the issues regarding legitimacy when public support is withdrawn. It is a moment when political power, represented by the president, parliament, government, the majority party, all together or only a part of these institutions, no longer has legitimacy while are in the office, when changing the governor team does not take place fast enough, through early election or on time, to alleviate the relations between political power and society.

Today, Moldova, after twenty-five years of independence, is also still projected between East and West. The current electoral context, customary of personal political disputes, announces itself mainly on the emotional factor, with debates whose themes do not correspond to concrete social needs. While the controversy on the political stage is amplified, crisis deepens and becomes the leitmotiv, gaining a political dimension. Political leaders use a variety of arguments forming rifts, which distorts both the legislative process and the government as a whole. Currently, among the issues that divide the political ruling class, is identified the foreign policy vector.

Joining in 1992, the Commonwealth of Independent States, the Soviet Union's successor structure, aimed at solving the Transnistrian conflict, which from the beginning has questioned the project of Moldovan statehood. In the years that followed, the will of the political class to move westward geopolitical vector, has resulted in failure. After the

disintegration of the USSR in the early years of independence of Moldova, Moldovan political actors has never shown an interest for European integration of the country, and relations with the European Community, the present European Union, were considered to be a minor priority and therefore an active policy of rapprochement with the EU has never been developed on a long term.

The two geopolitical alternatives, the CIS and EU integration, for a long time was regarded by the political actors that can be achieved simultaneously, and Moldova can develop relationships symmetrical, which would not mutually excluded with both communities. Today, we realize that it is a mistaken idea, such a policy is unworkable and geographical location and historical ties are not imposing arguments.

Moldova's EU integration is not a goal in itself; it seeks to move towards European values, economic, democratic and social standards. After the financial crisis in Russia (August 1998), Alliance for Democracy and Reforms (ADR), the majority in Parliament voted in 1998 a decision stipulating that orientation towards European integration is a major strategic objective of the country. In parallel, the EU is declared a strategic objective of Moldova and the Concept of Foreign Policy for the years 1998-2002 adopted by the new Government. European option has been reflected both in the state program documents: Foreign Policy Concept of the Republic of Moldova, adopted by country Parliament Decision from 8 February 1995, the government programs since the II Ciubuc Government, which occurs, as a result of the parliamentary elections on 22 March 1998, the establishment, on 21 April 1998, ADR, last forming a new government ruled by I. Sturza, and in the programs of several political parties that were running at that time the Moldovan political field.

This national desideratum is expressed by Strategy of the Republic of Moldova regarding the association with the European Union, signed by 23 parties on 19 June 2000, by Strategy of Moldova's integration into the European Union, drafted in 2000 by the Ministry of Foreign Affairs of the country, as well as through an appeal made by the President in June 2002, signed by a number of political parties and NGOs claiming the creation of a National Commission for European integration and elaborating a strategy for Moldova's European integration [5, 23].

Today, more and more emerges the idea of a political consensus among different political and social actors on the European choice of our state. The paradox is that the communist government, although is positioned at the left pole on the political abscissa, in the years 2001-2009 were delivered to support the European vector, and based on a pro-European platform, the Communist Party won consecutive elections from March 6, 2005, as proof bring government programs "Economic Rebirth – country rebirth", 2001-2005 "Country Modernization - people's welfare" 2005-2009 and "Progress and integration", from 2008 to 2009, but on 16 May 2008 was constituted the National Commission for European Integration (NCEI). Subsequently, in September 2003, Moldova presented to the European partners the Concept of Moldova's integration into the European Union, which

welcomed the European Neighborhood Policy (ENP) and its wish to include the country in the stabilization and association process, comprising the Western Balkans, which culminated in signing on 22 February 2005, ENP's, EURMAP and on 24 March was adopted "The Moldovan Parliament Declaration regarding political partnership for achieving European integration objectives." Stratagem, by that time of the Communist Party, which by declaring European integration as a priority of the government assumed pro-European rhetoric and passed hostilities on the ground of opposition, proved that the issue of European integration and the actions of the government of time, seemed to straighten trends toward the logic objectives.

Moreover, all governments programs have done, in one or another way, references to Moldova's integration into the EU, but the European vector has gained a serious amplitude, with the victory of the parliamentary opposition, following the early elections of 29 July 2009 concluding with the formation of the Alliance for European Integration and the European integration began to be regarded as the most effective way to achieve political modernization, economic and social development of the country. Important to note, that the AEI government has proposed to develop strategic partnerships with key regional and international partners, including European Union, USA, Romania, Ukraine and of course the Russian Federation. This idea was outlined in the program of work as a foreign policy objective, and in the work program of the second Government AEI is found to be entitled "European Integration: Freedom, Democracy, Welfare", although the content of a possible strategic partnership with Russian Federation still remains vague, not being defined its strategic objectives and main principles, because this is the opposite of those entered in the policy of European integration of Moldova proclaimed as a strategic priority. The negative impact on building a lasting partnership with the Russian Federation, has been shown by several actions of political actors, even during the government alliance, but also during the Communists Government, as a perfect example serving the refusal of ex-President Vladimir Voronin to sign Memorandum Kozak and notified in response with the boycott of Moldovan wines and agricultural products.

Eastern orientation, requires closeness to the policies pursued by the Russian Federation, which is one of the most important and influential economic and political partners of Moldova. Moldovan-Russian relations had a sinusoidal evolution, marked by uncertainty and inconsistency, which is based on the conviction of separatism, the status of Transnistrian region, ammunition and withdrawing of Russian troops stationed in Moldova, the transformation of the Russian peacekeeping mission, the status of the Russian language.

The strategic partnership with the Russian Federation in particular is given in:

1. Moldovan-Russian relations are based on a comprehensive legal framework, consisting of a series of documents aimed at bilateral cooperation in all fields of common interest.
2. Russia is a strategic economic partner.

3. Energy dependence on Russia, which has strengthened its economic presence also in Transnistria, Russian investors took control of the most important industrial enterprises.

4. Russia is a key partner for security of internal and external stability of Moldova, with a decisive role in the Transnistrian problem, which is the greatest threat to the sovereignty and territorial integrity of our country.

5. The "soft power" influence of Russia in Moldova has at its disposal an appreciable set of tools to design its influence upon our country, because the Moldovan media space is largely dominated by the Russian one.

East-West dilemma is because the Moldovan political system is marked by the way parties function as electoral tools, but the political leaders represent the true identity and stimulating element. This has led, with each election cycle, significant changes in the party system and the reconfigurations of the main society's specific cleavages. In democratic regimes, features of political system prove to be sustainable, in the conditions when parties and ideologies related were established following in a rational and profound process of some social conflicts, instead in Moldovan society, it is structured around top leaders, which elections bring them to the forefront of the political scene. Actually, the electoral strategy focuses to outline the personal patterns, limiting personal stake in election reporting positive or negative images, and Moldova will have to decide for itself whether it wants to join the EU or the CIS.

The political situation in Moldova is a conclusive proof that political polarization has taken strong geopolitical overtones. The visits of foreign officials in Moldova, suggest that the major players in the region, to achieve their geopolitical goals, are ready to provide certain privileges and facilities. Moldovan society is polarized according to the preferences of accession with one of the two projects: the European Union or the Customs Union and the geopolitical situation varies from one election campaign to another, so, further we intend to analyze the parties with political influence from the Moldovan political arena. In parliamentary elections from 30 November 2014, the Liberal Democratic Party (LDP) won most percent along with Communist Party (CPRM), the LDP supporting European integration and the CPRM, the Eurasian one. We have to mention that with the signing of an Association Agreement between Moldova and the European Union, has generated an embargo imposed by Moscow and in the same time, potential losses affecting the numerous farmers from Moldova. Supporters of the Customs Union are the Socialists' leader Igor Dodon and Renato Usatii leader of the political party entitled "Our Party".

The Liberal Party considers Moldova as part of the European cultural space. The main effort in providing a natural place in the European family is the integration into the EU and NATO. From the perspective of CPRM, the battle is between Romanism and Moldovenism. Although the CPRM declare itself for European integration, however, from the perspective of AEI, the struggle of those parties against the Communist opposition is, on the one hand, the pro-Western and, on the other hand, for orientation pro-Russian.

Another party, the Democratic Party (DPM), established on the political abscissa in the center-left advocates the affirmation of Moldova as an independent, sovereign and democratic state, law-based and integrated into the united family of European democracies. Following the above, we conclude that the criterion of the parties that are located from right to left of the political spectrum does not imply a sliding scale according to their degree of "europeanism". The main effect of this phenomenon is the ideological degradation of political parties that are transformed in electoral vehicles, losing their role of doctrine. In these circumstances, candidates do not take into the speech the programmatic characteristics of the parties, but aim to build personal disputes perpetuation of negative or positive images.

We realize that Moldovan political parties promote European integration without having a proper, structured, coherent and without an internal consensus in the party project. It is also noted an obvious gap between the programmatic and practical actions of the parties, between their often outdated and anachronistic programs, and the pro-European statements of the Political Parties leaders. To synchronize their message and action some parties have to update their programs to new realities.

Therefore, the right-wing parties, the center-right, center and center-left, although aware the importance of European integration, their political programs are generally declarative; they show too abstract the European future. Although democratic practice provides many examples when different tensions and incompatibilities have generated political crisis extremely serious, triggered by certain internal mechanisms, parliamentary strike, resignation in block, collapse of the government through vote of no confidence, by increasing the number of political parties and perpetuation of outdated structures, rigid and extremist, Moldovan political class must realize that the country's problems cannot be more managed orienting itself to follow the old principles, to distort the geopolitical orientation of Moldova.

Political environment in Moldova remains divided in front of the European option, some parties campaigning for EU and NATO membership, others only to the EU, a third group considers that Moldova could be part of the CIS and the European Union simultaneously. Other lines separate the parties by their attitude towards historical heritage and civilization guidelines to be followed, policy towards private property, foreign investment, the role of the state, economic, social, and cultural policies and other issues of a huge importance. Systemic differences approach has a negative impact upon the national cohesion in front of an strategic objective, and Moldovan society is not very different from the situation from 1991. The political class has created a real competition between these geostrategic projects: European Union- Customs Union is limited to electoral interest for a short time manipulating essentially with the idea of joining one or another structure, deeply dividing society and preparing for parliamentary elections: some anticipated, others ordinary.

Political parties as an exponent of power-opposition relations in the light of geopolitical orientation of Moldova suppose the influence of opposition on the political process, which can be positive and contribute to the development of the political system by increasing constructiveness and its openness, but also to serve as source of destabilization of the political situation. However, the lack of effective mechanisms for including opposition political process places it in the zone of conventional political behavior, which can lead to instability of political development, but in condition of the maximum aggravation of the situation, may lead to collapse of the entire system.

Currently outlines several power poles that due to personal ambitions of political leaders could compromise the European vector of Moldova. The events in such a course, with such scenarios, the dissolution of parliament, early elections, vote of no confidence after failed monthly-attempts to inauguration of a new government, due to lack of quorum in parliament, etc., deepened and more political crisis, because the background disappointment to pro-European parties, and essentially the behavior and strategies of political parties, we might have a return of pro-Russian parties, which certainly will try to approach Moldova guidance toward Eastern, thing that has begun to be outlined by the parliamentary elections in 2014, November 30.

In conclusion, we note that the success of the processes of transformation and consolidation of Moldovan society depends on the efforts and willpower both by the opposition, and power. For that reason it is necessary to start from the premise that the fundamental institution of the state is Citizen, President must be also a mediator between the powers of the state and political parties, but voter should understand the importance to declare him as a part of the European family. Power-opposition relationship, acquires new amplitude in the democratic crisis case, because the political construction feels unsecure in regarding its authority bases and instable interests, but the opposition will never allow overcoming democratic rules and could claim a deficit of democracy.

Because of the above to find existence, it is strictly necessary that government and the opposition to seek for new communication tools, to find the solution against the elections boycott that seems to be a common and usual thing in our days. The current political situation in Moldova is under geopolitical turbulence, so that the whole European course is fluctuating. European Union, because of internal crisis, is unable to manage the crisis happened at the border of the country emerging toward a European course. We realize how fragile foreign policy is, based on geopolitical orientations of Moldovan political parties. Moldovan political class, both representatives of the power, as well as the opposition, must be totally informed with the cause, which means undertaking deep investigations to understand the characteristics of political phenomenon; to be preventive, forward-looking and, as far as possible, ante factum; to provide solutions; to be more defined in actions; to include taking risks and therefore bear the consequences of their failure.

Bibliography:

1. Anderson J., Ikenberry G., Risse T., *The End of the West? Crisis and change in the Atlantic order*, Cornell University Press, 2008
2. Lees-Marshment J. *Political Marketing: Principles and Applications*, New York: Routledge, 2009
3. Mihalache D. *Curs de marketing politic*, Universitatea Creștină Dimitrie Cantemir, 2012
4. Mihaș L. *Dilemele Științei Politice. Incursiune în studiul conceptelor*, București: Editura Enciclopedică, 1995
5. Moraru V., Roșca A., Pantelimon V., *Puterea politică și coeziunea socială în Republica Moldova din perspectiva integrării europene*, Chișinău: Print-Caro SRL, 2010
6. Newman B. *Handbook of Political Marketing*, Thousand Oaks, CA: Sage, 1999

MELIKIDZE Giorgi

PhD candidate and invited lecture at the department
of Political Science at Tbilisi State University

ELECTORAL VOLATILITY IN GEORGIA: QUALITATIVE ANALYSIS OF THE STABILITY OF PARTY SYSTEM

Stable party system is the basic of consolidated democracy. Despite the fact that many researchers are interested in studying of system stability and institutionalism, the empirical studies about the mentioned issue are rather scarce. Electoral volatility is used as one of the measurements of the party system. Pedersen Index is one of the famous instruments in researches of electoral volatility. The mentioned instrument is used into two directions: for measure party stability and the volatile electorate. The length of democratic transaction and party system fragmentation determines the electoral volatility. In accordance with the electoral volatility the post-soviet and former socialist countries are significantly ahead of the other regions. A little experience of multiparty political system and weak party identification is named as the cause of the mentioned. In this article my purpose was to study regional contest of electoral volatility in post-soviet and post-socialist countries, to analyze the condition in Georgia in this regard and to make conclusions only follow the contextual analysis. In the study I used qualitative methods, monographic study (Case Study) and I divided Georgian party system as the case. The study showed that in Georgia as well as in the many countries of the region the share of parties' instability in the overall volatility rate is much higher than the share of volatility caused by the volatile electorate. There are the weak state institutions in Georgia for decades, semi-authoritarian regime and difficult social-economical conditions prevents the formation of a stable party system.

Keywords: Electoral Volatility , party System, Post-Soviet Countries, Georgia

1. Electoral volatility

The developing democracies are characterized with high electoral volatility (Mainwaring, Torcal, 2005, p. 3). The electoral volatility determines the stability of party systems (Dalton, Wattenberg, 2000) and institutionalization (Mainwaring, Zoco, 2007, pp.155-178). The parties in the systems which are characterized with high electoral volatility has weak program features and it is difficult for citizens to identify them (Mainwaring, Torcal, 2006, in Katz and Crotty, pp. 204). In these conditions it is difficult to clear up in the election results and the democracy stands under the threat (Mainwaring, Zoco, 2007, p. 157). The high electoral volatility leads political elite to stop acting in accordance with the strategic plan and the voters – according to the strategic calculation (Moser, 1999, pp. 359 – 84; moser, 2001, in Grofman and Liphart., pp. 43 – 68).

Post-Soviet and former socialist countries in accordance with the average rate of electoral volatility compared to the other countries looks as follows:

Electoral Volatility Across the Regions

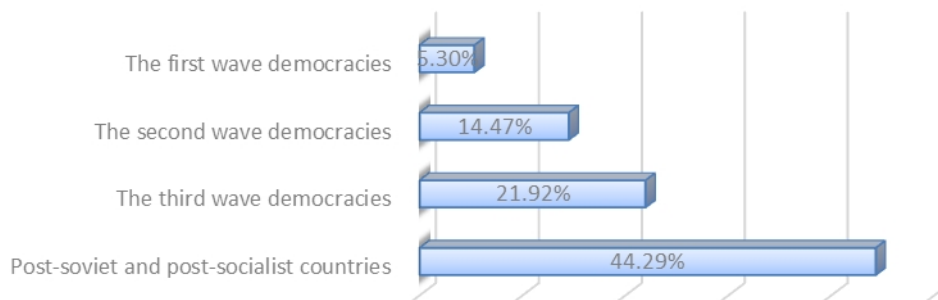

Diagram #1; Source: Jones, 2012, *Electoral Volatility in Old and New Democracies: Comparing Causes of Party System*

Institutionalisation. p. 28

Pedersen index (Pedersen, 1983) that measures electoral volatility covers two types of volatility: (A) emergence and disappearance of the parties from political system; (B) Replacement of the parties by voters that is one of the indicators of representative democracy and shows redistribution of power between the political actors; The first of them (A) is closely related to the political system stability of the country; in the post-communist countries the electoral volatility is mainly conditioned due to (A) volatility of party, but in the developing countries due to the voters volatility.

The high electoral volatility is determined by the following factors: a) the time factor that implies that the support and stability of the parties are determined in accordance with the fact how much time has passed since the start of the democratic transaction (Converse, 1969, pp. 139-71) and what kind of trend is loomed. B) Fragmentation of party system in the condition when there are many parties, when the ideological / program difference between them isn't clear we are facing to the high electoral volatility (Bartolini, Mair, 1990, pp. 130-45; Roberts, Wibbels, 1999, pp.575-90; Tavits, 2005, pp. 283-98)

2. Regional Context

A large part of the researchers believes that in the post-communist countries stable and representative party system is very important for the consolidation of the democracy regime (Diamond, Linz & Lipset, 1990; Kitschelt, Mansfeldova, Markowski&Tka, 1999; Mainwaring & Scully, 1995, pp.1-34). One of the most important problems in the region is the high electoral volatility and the combination of frequent turnover of parties (Bielasiak, 2002, pp.189-210; Birch, 2003).

Electoral Volatility Rate in Post-Socialist and Post-Soviet Countries

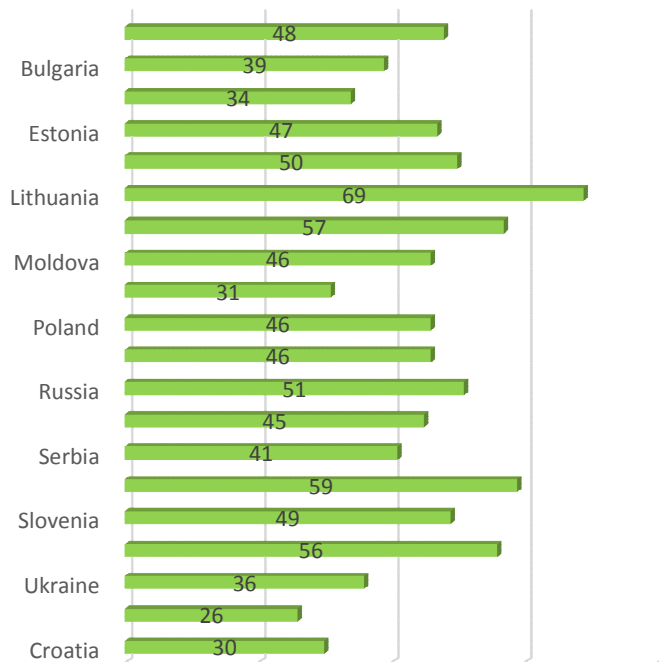

Diagram #2; Source: Powel, E. N. and Tucker, J. A. (2014). Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results and New Approaches. In: *British Journal of Political Science*. Vol. 44. pp. 123-147.

In the central and Eastern European countries there wasn't experience multi-party system. The voters didn't have feeling of affiliation of political groups and party identification (Lewis, 2000; Mair, 1998, pp. 175-199) exactly by this may be explained the electoral volatility in the central and Eastern Europe is higher than in the Western Europe (Gallager, Laver & Mair, 2005; Lane & Ersson, 2007, pp.92-110; Lewis 200; Sikk, 2005, pp. 391-412; Tavits, 2008 pp. 537 – 555).

The average indicator of total electoral volatility in Post-Soviet is 45. A type volatility is less than 32%, but B type volatility is less than 13%. In the Post-Soviet space the 70% of volatility came to A type volatility. In the same period in the West European countries the 60% of electoral volatility came to B type volatility. Thus we can make conclusion that in the Post-Soviet and Post-Socialist countries the volatility caused by instability of parties is significantly higher than the volatility caused by hesitant electorate.

In the region in terms of electoral volatility Lithuania is significantly ahead of the other countries. In this regard in the Baltic countries is observed interesting trend. In Lithuania in 1990s the party system was more stable than in Latvia and Estonia, however the high indicator of volatility was caused due to the fluctuations of the number of votes between two main parties (Conservative Union - Homeland and the Social Democratic Party) (Jurkynas, 2004, pp.278-296; Ramonaite, 2006, In: Jungerstam –Mulders, pp.69-90).

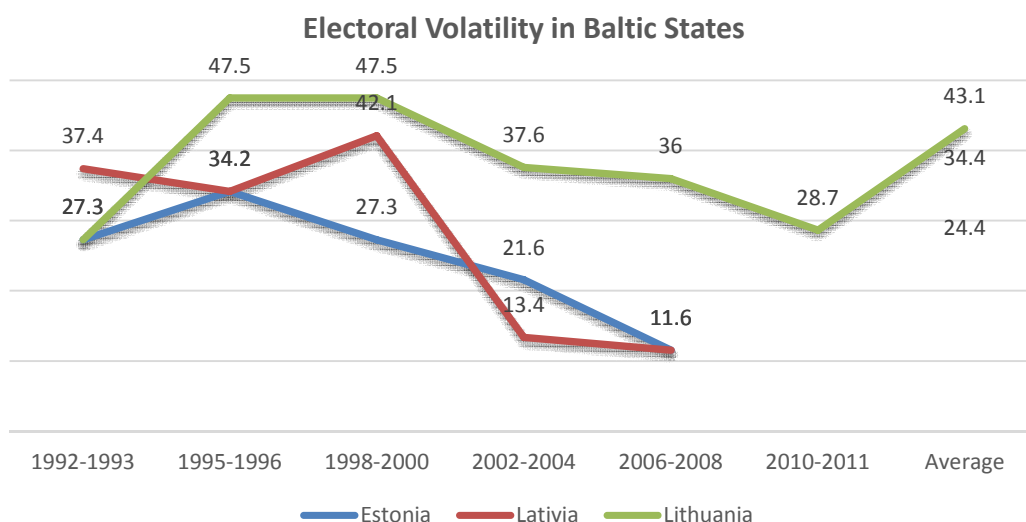

Diagram #3; Source: Caramani, D. & Biezen, I.V. (2007). Cleavage structuring in Western vs Central and Eastern Europe:

State formation, nation-building and economic modernization. Paper presented at the ECPR Joint 7-12 May

In the Lithuania the indicator of electoral volatility had been increased after the tipping elections of 2000. The electoral volatility was quite higher in Lithuania until 2006. In the parliamentary election of 2006 was observed positive changes; however in the election 2010 was found that several part of the parties lost the confidence and was again observed the high trend of volatility. In the Baltic countries from 1990s Estonia was distinguished by the trend of volatility decreasing.

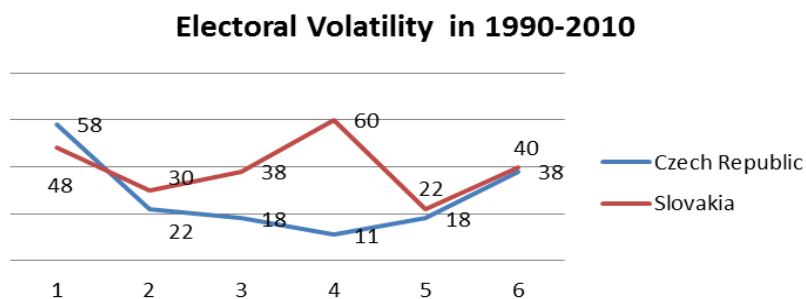

Diagram #4; Source: Mackie, T. and Richard, R. (1991). *The International Almanac of Electoral History*. London:

MacMillan.

The parties' competition in Czech Republic, Hungary and Poland are observed mostly between the big parties. In Czech Republic and Hungary two big parties are dominant. Unlike them in Estonia and Slovenia the stability of party system is based on the small and average parties. The Czech Republic with Hungary and Romania are distinguished with the low volatility in the central and Eastern European regions (Cherghina, 2014).

Electoral Volatility in 1990-2010

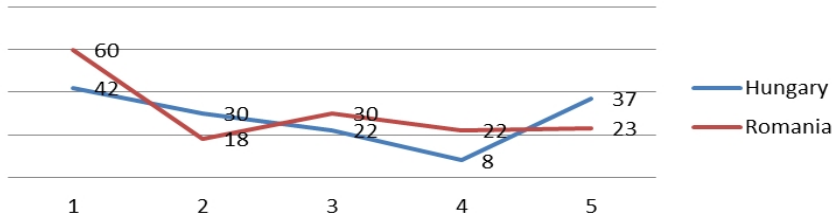

Diagram #5; Source: Mackie, T. and Richard, R. (1991). *The International Almanac of Electoral History*.

London:

MacMillan.

From the beginning of 1990s the Bulgaria is characterized with the increasing electoral volatility. Weak party identification, fragile ideological grounds, and hesitant electorate are named as the reasons for the mentioned. For many years in Bulgaria to obtain governmental positions was possible through the patronalistic ties (Kolev and College, 2012). Bulgaria and Poland in the region are the countries where most of parties are distinguished by the high indicator of volatility.

Electoral Volatility in 1990-2010

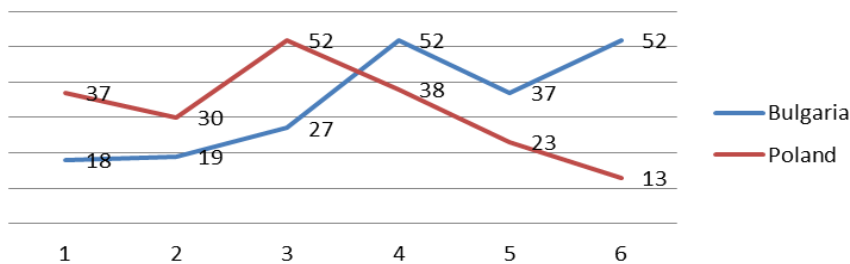

Diagram #6; Source: Mackie, T. and Richard, R. (1991). *The International Almanac of Electoral History*.

London:

MacMillan.

In the weak conditions of party institutionalization of Ukraine the parties are quickly formed and disappeared. Before every election the formation of new political parties reaches to its peak in the Ukraine. Political parties don't have support from population. The hesitant electorate causes significant problems. It is interesting fact that in 1998, 2002, 2006, 2007 and 2012 years in the parliamentary elections only Communist Party of Ukraine - CPU participated uninterruptedly. The main obstacle factors of institutionalization of the party are considered the following: Unprepared legislative base, party communication gaps, low responsibility of electorate (Rybiy, 2013, pp.401-423).

Electoral Volatility in 1994-2009

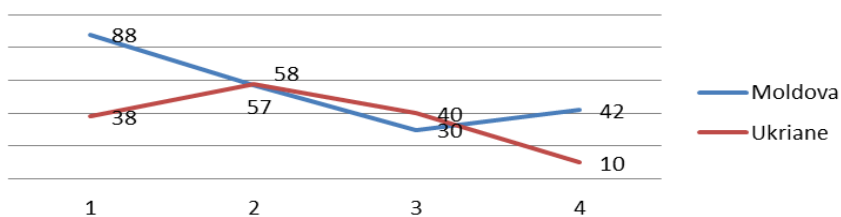

Diagram #7; Source: Mackie, T. and Richard, R. (1991). *The International Almanac of Electoral History*.

London:

MacMillan.

It should be noticed that Communist party of Moldova in the various period managed to cooperate with the government. The clear example of this was presidential election of 1996, when the Communists supported the future president Petre Luchinsky.

The Effective Number of Parties in Moldova

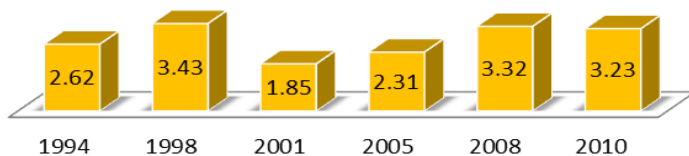

Diagram #8; Source: Berglund, St. (2013). *The Handbook of Political Change in Eastern Europe*. Edward Elgar Pub.

The existence of dominant party - Agrarian Party of Moldova significantly limits competition of parties. In Moldova parties mostly are used as clientelistic institutes. Corruption, parties lacking ideological basis and political fragmentation are the challenges of Moldova party system (Berglung, 2013, p. 757).

Types of Electoral Volatility

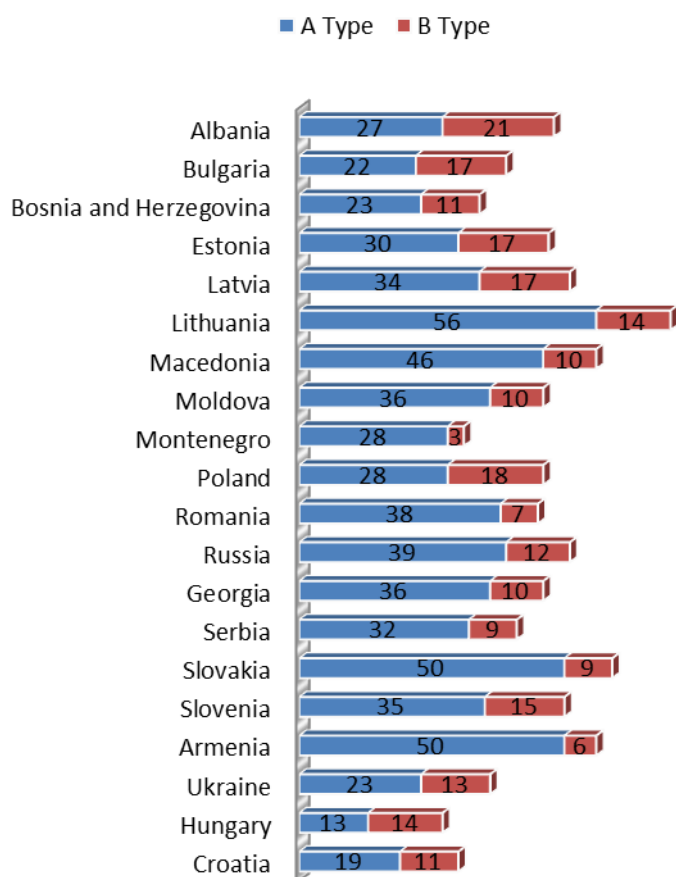

Diagram #9; Source: Powel, E. N. and Tucker, J. A. (2014). *Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries*:

New Data, New Results and New Approaches. In: *British Journal of Political Science*. Vol. 44. pp. 123-147.

In the region Georgia in accordance with the A type volatility after Lithuania, Slovakia, Armenia, Macedonia, Romania and Russia along with the Moldova with 36% takes the eighth

place. In accordance with the B type volatility after Albania, Poland, Bulgaria, Estonia, Latvia, Slovenia, Lithuania, Hungary, Ukraine, Russia, Bosnia- Herzegovina, Croatia along with the Macedonia and Moldova Georgia takes 10%, the thirteenth place.

3. The Experience of Georgia

It is already 25 years Georgia is going through democratic transaction in the condition full with Instability and cataclysms, which revealed insufficient in term of institutionalism. The transaction in Georgia didn't begin by moving on the liberal democracy and it began from the authoritarianism. Weak state institutes and semi-authoritarian regime was the major abstract factor of country democratization (Nodia and Pinto Scholtbach, 2006, p. 5), more over the country had to move from the soviet past in the background of heaviest socio-economical and armed conflicts (Bader, 2010, p. 63). Georgia is joining the ranks of the hybrid countries, whose major challenges were the fair competition of political government and unconstitutional change of government. In accordance with the democracy progress scale developed by Freedom House (in which 1 scored is the indicator of highest progress and 7 score is the lowest indicator of progress) Georgian democracy transaction looks unfavorably.

Democratic Transaction in Georgia

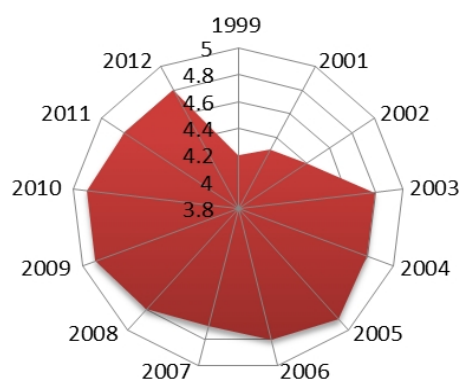

Diagram #10; Source: a) Nations in Transit, Georgia, 2008, Freedom House, p. 231; b) Nations in Transit, Georgia, 2012, Freedom House.

The fragmentation of party system is calculated in accordance with the effective parties number (ENP)⁵² of Laakso and Taagepera (Laakso, Taagepera 1979, pp.3-27). The high indicator of effective parties means that the political system is diffusive and the governance is redistributed between many parties, but the low indicator means that the governance is concentrate only in the hands of several parties. The average indicator of effective parties number of those ten countries, which are distinguished by the high indicator of volatility is 6,30 but in the ten countries having the lowest indicator it is made up 3,14 (Jones, 2012, p.37). For the beginning of 1990s the fragmentation of party system in Georgia was higher than in Brazil, that takes the leading position

⁵² $ENP = 1 / \sum (S_i^2)$

S_i – is the proportion of seats obtained by each party in the parliament (Number of votes received by parties), S_i^2 - is the square of proportion of seats obtained by each party in the parliament (Number of votes received by parties), but \sum - is the sum of squares of proportion of seats obtained by each party in the parliament (Number of votes received by parties).

in the world in this regard (Budge, 2013, p. 228). After 1995 in the term of active fragmentation in Georgia had been outlined the following trend: frequent “turnover” of the parties, abundance of instable electoral coalitions, incompatibility of parliamentary factions and political parties and dominant governing party face to face of disconnected opposition (Bader, 2008, p. 4)

The Effective Number of Parties in Georgia

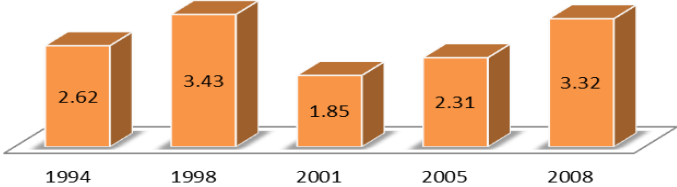

Diagram #11; Source: a) Dawisha & Deets, 2006, *Intended and Unintended Consequences of Elections in Russia and Postcommunist States*. p. 17. b) Gallagher, 2014, *Election Indices*, p.14.

In Georgia after 1995 year the number of effective parties aren’t high, however the volatility (fragmentation) is still high, that is defined due to the following reasons: Despite the fact that the number of parties in the country reaches to 220, most of them doesn’t take active part in political processes, which while determining fragmentation level leads to a high error, because the fragmentation indicator doesn’t cover less important even registered parties that hasn’t sufficient number of members due to the existence of a number of small parties are lost the votes of social groups having identical interest and weakens parties, that causes fragmentation of political system. Georgian political system is characterized with the high concentration of (ruling party) votes and low support of opposite parties, that are distinguished with the high level of fragmentation (Nodia, Scolt bach, 2006, p. 108)

Types of Electoral Volatility in Georgia

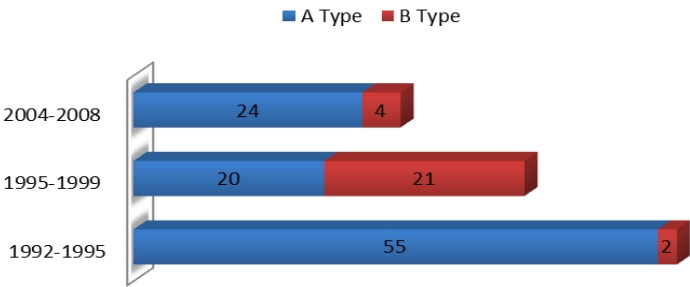

Diagram #12; Source: Nef Powel & Tucker, 2009, *New Approaches to Electoral Volatility: Evidence from Postcommunist Countries*.

The volatility of opposite parties in Georgia is extremely high and in term of electoral volatility is considered as a core factor. From the 24 winner parties in the 1992 year parliamentary elections only one participated in the next elections in unchanged form. From the 20 parties/blocks which participated in the 2004 parliamentary elections only four took place in unchanged form in the next election (Nodia and Pinto Scholtbach, 2006, pp. 103-104). “Especially hinders us the sense of instability. No one knows what can be happened from the election to the election. It hinders us in thinking about the long-term goals”. [Interview with the representative of political parties].

During the period studied by me, in Georgia after the governmental changes the leading political parties disappeared from the political arena. After the obtaining of freedom the

Communist Party disappeared from the political arena, the same happened with the Block Round Table – Free Georgia that was leading Block for the Shevardnadze's ruling period, which was dominant power earlier. The Union of Citizens and Revival which were quite powerful disappeared after the Rose Revolution (Nodia, Scoltback, 2006, p. 105). The reason of this is that in the country the party is the attractive trampoline for carrier-oriented conformists. For decades the stability of party was depended on maintaining their power. As soon as the party lost the power the party stopped its existence (Bertelsmann Transformation Index (BTI), 2014, p.15). In this regard the exception is United national Movement, which after the parliamentary elections of 2012 moved into opposition and continues its existence.

The formation of the parties in Georgia serves to political and economical elites rather than social factors. There were several satellite parties in the party system, which had title of opposite party, however (Bader, 2010, p.90) they were tolerant toward to the existed regime. And blocked the emergence (for the ruling team) of unwilling opponent. In the pre-election period satellite parties are oriented to weaken opposite party, by taking away their votes (Bader, 2010, p.98), such strategy promotes advance determination of election results and prolongs the ruling period of ruling team (Bader 2010, p.85). The mentioned circumstance in the Post-soviet space is called as "Virtual Politics" (Wilson, 2005).

To obtain the parliamentary status is the major goal of politicians, and the party is the most important lever toward this goal. The lack of party discipline and frequent change of parties is one more reason of volatility of parties. Those deputies who were elected in accordance with the party list often replaced parties for many years sharply opposing parties in the country (whose watershed is not primarily ideological, but procedural issues), weak political actors, dominant governing party and hesitant (instable) elector created overall image of electoral volatility. In such conditions political forces hasn't the feeling of stability and are oriented short-term (on current pre-election) success.

References:

1. Bader, (2007), *Making parties fit for democracy: Georgia, Ukraine and the Challenge for democracy assistance*. Opleidging Europese Studies, Universiteit van Amsterdam. Bader, M. (2008). Fluid Party
2. Politics and the Challenge for Democracy Assistance in Georgia. In: *Caucasian Review of International Affairs* 2(2). Retrived 18 January, 2015 http://www.cria-online.org/3_3.html
3. Bader, M. (2009), Understanding Party Politics in the Former Soviet Union: Authoritarianism, Volatility and Incentive Structures; *Demokratizatsiya*, Vol. 17, No. 2. Retrived 22 January, 2015 <http://connection.ebscohost.com/c/articles/41340106/understanding-party-politics-former-soviet-union>
4. Bader, M. (2010). *Against All odds; Aiding Political Parties in Georgia and Ukraine*. Amsterdam University Press.
5. Bartolini, St. and Mair, P. (1990). *Identity, Competition and Electoral Availability: The Stabilization of European Electorates, 1885-1985*. ECPR Press, pp. 130-45;
6. Berglund, St. (2013). *The Handbook of Political Change in Eastern Europe*. Edward Elgar Pub.
7. Bertelsmann Transformation Index (BTI), 2014. Retrived 15 February, 2015, http://www.bti-project.org/uploads/tx_itao_download/BTI_2014_Georgia.pdf

8. Bielsiak, J. (2005). Party competition in emerging democracies: representation and effectiveness in post-communism and beyond, in: *Democratization* 12:3, Retrived 20 February, 2015, <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13510340500126764#.VdJGgSbJJuM>
9. Budge I., (2013), *The Politics of New Europe Atlantic to Urals*. Addison Welsey Publishing Company.
10. Caramani, D. & Biezen, I.V. (2007). Cleavage structuring in Wester vs Central and Eastern Europe: State formation, nation-building and economic modernization. Paper presented at the ECPR Joint 7-12 May.
11. Converse, Ph. E. (1969). Of Time and Partisan Stability, In: *Comparative Political Studies* 2 Retrived 20 January, 2015 <http://cps.sagepub.com/content/2/2/139.full.pdf+html>
12. Dalton, R., Wattenberg, M. (2000). *Parties without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies*. New York: Oxford University press
13. Dawisha, K. and Deets, St. (2006). „Intended and Unintended Consequences of Elections in Russia and Postcommunist States.” Paper Prepared for delivery at the Conference of Harvard University, Russian Research Center. April 25, 2002.
14. Gallagher, M. (2014). *Election Indices*. Trinity College Dublin. Retrived 22 October, 2014 http://www.tcd.ie/Political_Science/staff/michael_gallagher/ElSystems/Docts/ElectionIndices.pdf
15. Gherghina, S. (2014). *Party Organization and Electoral Volatility in Central and Eastern Europe: Enhancing Voter Loyalty*, Routledge.
16. Jones, B. R., (2012). *Electoral Volatility in Old and New Democracies: Comparing Causes of Party System Institutionalisation*. Central European University Departament of Political Science
17. Jurkynas, M. (2004). Emerging cleavages in new democracies: The case of Lithuania, In: *Journal of Baltic Studies*, 35 (3).
18. Kolev, K. and College, H. (2012). *Bulgaria: Electoral Volatility, polarization and Financial Deficits Lead to Reduction in Clientelism*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance.
19. Laakso, M. and Taagepera, R. (1979). Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. In: *Comparative Political Studies* 12 (1). Retrived 20 November, 2014 http://www.researchgate.net/publication/241645380_The_Effective_Number_of_Parties_A_Measure_with_Application_to_West_Europe
20. Mackie, T. and Richard, R. (1991). *The International Almanac of Electoral History*. London: MacMillan.
21. Mainwaring, Sc., Torcal, M. (2005). Party Sustum institutionalization and party system Theory after the third wave of democratization. In: *Handbook of Party Politics*, ed. Katz, R. and Crotty, W. London: Sage, pp. 204-27.
22. Mainwaring, S., Zoco, E. (2007). Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies. In: *Party Politics* 13(2). Retrived 9 November, 2015 <http://ppq.sagepub.com/content/13/2/155>
23. Moser, R. (1999). Electoral Systems and the Number of Parties in Post-Communist States, In: *World Politics* 51, pp. 359-84; Retrived 19 November, 2015 http://www.researchgate.net/publication/236708343_Electoral_Systems_and_the_Number_of_Parties_in_Postcommunist_States
24. Moser, G. R. (2001). *Unexpected Outcomes: Electoral Systems, Political Parties, and Representation in Russia*. Pittsburg: University of Pittsburg Press.

25. Nations in Transit – Georgia, 2008; Nations in Transit - Georgia, 2012. Retrived 7 March, 2015 <https://freedomhouse.org/report/nationstransit/2013/georgia#.VdMWiRSqpBc>
26. Nef Powel, E., Tucker, A. J. (2009). *New Approaches to Electoral Volatility: Evidence from Postcommunist Countries*. Yale University & New York University.
27. Nodia, G., Scoltbach, A. P. Coordinators – Editors; (2006). *The Political Landscape of Georgia; Political Parties: Achievements, Challenges and Prospects*. Eburon Uitgeverij B.V
28. Roberts, K. M. and Wibbels, E. (1999). „Party Systems and Electoral Volatility in Latin America: A Test of Economic, Institutional, and Structural Explanations,” In: *American Political Science Review* 93. pp. 575-90. Retrived 5 January, 2015 <http://www.jstor.org/stable/2585575>
29. Ramonaite, A. (2006). The development of the Lithuanian party system: from stability to perturbation, In: Jungerstam-Mulders, S. (ed.). *Post-communist EU member states: parties and party systems* (pp. 69- 90). Aldershot; Burlington, VT: Ashgate).
30. Rybiy, O. (2013). Party System Institutionalization in Ukraine, In: *Demokratizatsiya, The Journal of Post-Soviet Democratization* (Vol. 21) No.3.
31. Tavits, M. (2005). The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe, In: *American Journal of Political Science* 49. Retrived 17 March, 2015 <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.0092-5853.2005.00123.x/abstract>
32. Wilson, A., (2005). *Virtual Politics Faking Democracy in the Post-Soviet World*. Yale University press.

ТУРКО Татьяна

Республика Молдова, Молдавский Государственный Университет,
Факультет Международных Отношений, Политических и Административных Наук,
Департамент Политических и Административных Наук,
Доктор политических наук, доцент

ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ДИАСПОРОЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

In the Republic of Moldova the development of the diaspora policies is at the initial etape. The author believes that the main directions of the state policy towards the diaspora is to encourage circular migration and reintegration at home; better management of migration at the level of the State; ensuring the rights of Moldovan migrants abroad and improve their social status.

The author notes that in order to develop an effective management policy Diaspora, the creation of institutions is necessary to ensure the preservation and development of the Diaspora; development of a strategy of interaction with state institutions as the country of residence, and the "title" of the state; development of legal acts on the Diaspora, as well as laws and policies on management of the diaspora processes. These measures will provide creation and strengthening of a stable platform for cooperation between the state and the Moldovan diaspora, the active participation of the diaspora in the economic and political life of the Republic of Moldova.

В условиях глобализации в миграционные процессы включились миллионы людей на всех континентах нашей планеты. Миграция стала «мегатрендом» XXI века, эры беспрецедентной человеческой мобильности - по данным Организации Объединенных Наций, в современном мире насчитывается 232 миллиона международных мигрантов и 740 млн. внутренних мигрантов [2]. В связи с этим как в политической, так и в научной среде растет международный интерес к проблеме взаимосвязи страны происхождения с сообществами, проживающими за границей, установлению оптимальных способов привлечения диаспоры к участию в процессах, происходящих как в странах исхода, так и в странах назначения.

Необходимо отметить, что понятие «диаспора» до сих пор не имеет строгой и универсальной дефиниции, и достаточно произвольно применяется к самым разным процессам и явлениям [13, 26]. Объяснение, очевидно, в том, что диаспора является предметом изучения самых разных наук и дисциплин – истории, социологии, этнологии, политологии, культурологии и т.д., что предполагает неизбежность многообразия подходов к пониманию этого сложного и многообразного феномена [10].

Российские исследователи Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова определяют диаспору как «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности» [25, 37]. Они выделяют три необходимых признака диаспоры: пребывание этнической общности людей за пределами страны (территории) их происхождения в иноэтническом окружении; сохранение национальной самобытности своего народа (языка, культуры, сознания); наличие некоторых организационных форм функционирования (землячество, общественные, национально-культурные и политические движения) [25, 38-39].

С позиций системного подхода диаспору можно рассматривать как открытую систему, находящуюся в инокультурной среде, члены которой сохраняют базовую идентичность страны происхождения и ощущают с ней свою связь [7].

С точки зрения профессора Иерусалимского университета Г. Шеффер, диаспоры образовались путем насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины. Они живут в принимающих странах на положении этнического меньшинства, но поддерживают крепкие духовные и материальные связи со странами своего происхождения – своей родиной [6]. Результатом принудительного переселения считает диаспору российский исследователь В. Шнирельман, который отмечает, что «диаспора - это не любое расселение за пределы изначального этнического ареала, а лишь то, что происходило вынужденно под давлением каких — либо неблагоприятных обстоятельств (война, голод, насильственная депортация и пр.) [27, 6].

Американский исследователь Р. Брубейкер ввел в научный оборот новое понятие – «диаспоры катаклизма» (*accidental diasporas*). Их появление он связал с распадом государств, приводящим к изменению политических границ. Возникновение таких диаспор обусловлено не перемещением людей через границы, а перемещением самих границ, изменением политической карты. Данный феномен имел место после распада больших государств – Германии, Советского Союза, Югославии и т. д. Диаспоры этой подгруппы более компактны и менее рассеяны в принимающей стране [8]. Но не всегда распад государства сопровождается насилием. Иногда оно разделяется в результате «бархатной революции» (как это было в Чехословакии). Однако «диаспора катаклизма» может возникнуть и в этом случае.

Понятие «диаспора» подразумевает органически целостную национальную принадлежность, имеющую отношение к тому обществу, откуда она родом. Все чаще стало принято использовать этот термин для обозначения мигрантов, которые покинули свои страны только недавно и, возможно, временно, а также для обозначения уже обосновавшихся общин. В широком смысле термин «диаспора» означает эмигрантов и их потомков, которые живут за пределами страны своего рождения или своих предков, на временной или постоянной основе, но при этом сохраняют духовные и материальные связи со страной своего происхождения.

Общим между этими недавно прибывшими мигрантами и членами давно обосновавшихся общин является то, что они отождествляют себя со страной своего происхождения или своих предков и готовы поддерживать связи с ней [22].

Современные диаспоры являются не только этнокультурными анклавами, но и участниками внутри - и внешнеполитических отношений [19]. Это обуславливает складывание новых социальных и политических характеристик этнических диаспор, которые выходят за рамки традиционного существования национальных меньшинств. Соответственно, усложняется процесс изучения диаспор в его нормативно-правовом, социокультурном, этнополитическом, управленческом аспектах.

В то же время небывалый рост миграционных потоков ставит перед государствами задачу эффективного управления диаспорами как потенциальным продолжением государства за его границами. В современных условиях управление диаспорой становится приоритетом практически для любого государства, имеющего заметную диаспору за рубежом. Поэтому управленческая деятельность, связанная с реализацией государственной политики в отношении зарубежной диаспоры, требует комплексного научного исследования.

Углубленный анализ национальных и иностранных научных источников показал, что проблема управления диаспорой рассматривается как часть миграционной политики и исследована фрагментарно. Вместе с тем можно отметить, что имеющиеся исследования носят междисциплинарный характер, с использованием комплексного подхода, который предполагает изучение вопроса на институциональном, общегосударственном и международном уровне. Молдавские ученые исследуют причины, закономерности и эффекты миграции, а также механизмы управления миграционными процессами, однако проблема менеджмента в области диаспоры остается за рамками исследований, в первую очередь потому, что государство только недавно осознало необходимость разработки политики в отношении молдавской диаспоры.

Возникает вопрос: почему некоторые государства имеют многогранную политику в области управления диаспорами, создают министерства, учреждения и программы по содействию диаспоре, в то время как другие пренебрегают их разработкой? По мнению американского исследователя Х. Милонаса, государства с четко определенным «национальным типом», имеющие население за границей, разрабатывают и осуществляют политику управления диаспорой. Государства, которые испытывают угрозу безопасности, экономические проблемы, и/или нехватку рабочей силы, скорее будут развивать политику управления диаспорой, чем страны, у которых отсутствует один или несколько из этих факторов [4].

В Республике Молдова разработка политики управления диаспорой находится на начальном этапе, хотя власти предпринимают определенные усилия в этом направлении. В Программу деятельности правительства на 2015-2018 годы включена специальная глава, посвященная сотрудничеству с диаспорой, в которой изложены 15 приоритетных направлений на ближайшие четыре года. При

разработке этого документа были учтены предложения граждан Молдовы, проживающих за рубежом [21]:

- Утверждение и реализация стратегии «Диаспора-2025»;
- Внедрение интегрированного и многоаспектного подхода к проблеме миграции и диаспоры в разработке национальных и местных стратегий и программ;
- Укрепление Бюро по связям с диаспорой при Государственной канцелярии как учреждения, обеспечивающего координацию государственной политики по работе с диаспорой;
- Совершенствование механизма и облегчение признания дипломов и образовательных квалификаций, полученных в стране и за рубежом;
- Развитие электронных услуг для облегчения доступа диаспоры к информации;
- Расширение программ по работе с диаспорой в целях сохранения национальной идентичности, продвижения традиций и культурного наследия и организация тематических проектов для лучшего продвижения имиджа Молдовы за рубежом;
- Создание партнерских связей между научной диаспорой и университетами Молдовы для обмена преподавателями и реверсии профессионалов;
- Поддержка благотворительной деятельности диаспоры;
- Разработка финансовых инструментов для привлечения инвестиций диаспоры: сберегательные и инвестиционные фонды мигрантов, Diaspora Bonds, обеспечение безопасности денежных переводов, RED (денежные переводы для экономического развития) и платформы многоцелевого финансирования. Разработка механизмов для защиты инвестиций мигрантов и т.д.

Стратегия «Диаспора-2025» является определяющим элементом, который будет лежать в основе политики властей по отношению к диаспоре в следующем десятилетии. Потребность в такой стратегии проявилась, в частности, в результате запросов молдавских граждан, находящихся за рубежом, и из желания создать механизмы, с помощью которых диаспора могла бы способствовать развитию страны. Стратегия содержит конкретные действия по укреплению молдавской диаспоры путем запуска программ по расширению сети ассоциаций и выявления точек соприкосновения в соответствии с интересами молдавских граждан, проживающих за рубежом [20].

Государственная политика в области управления диаспорой является частью миграционной политики Республики Молдова, поэтому в качестве основных направлений можно выделить: а) стимулирование возвратной миграции и реинтеграция на родине; б) повышение эффективности управления миграционными процессами на уровне государственных структур, включая совершенствование мониторинга миграционных потоков; в) обеспечение прав молдавских мигрантов за рубежом и улучшение их социального статуса.

Правительством страны был анонсирован ряд программ в этом направлении: «План действий по возвращению молдавских трудовых мигрантов из-за рубежа»,

Программа по привлечению денежных переводов в экономику «PARE 1+1», в рамках которой мигранты инвестировали в экономику около 100 миллионов леев, благодаря чему были открыты около 3 тыс. рабочих мест [16], Национальная программа по расширению экономических возможностей для молодежи (PNAET), которая предусматривает обучение предпринимательским навыкам, а также финансовую помощь начинающим предпринимателям.

Однако эти усилия не приводят к значимым результатам. В частности, изначально хорошую программу «PARE 1+1», по мнению экспертов, испортили способы ее реализации и организация процесса, и государство не освоило даже половину средств, предназначенных на финансирование этой программы [17, 29]. Возвращению мигрантов на родину не способствует и сохраняющаяся сложная социально-экономическая ситуация в стране. Кроме того, эксперты указывают на слабую информационную составляющую и неполную прозрачность деятельности государственных структур в этом направлении. Подавляющее большинство мигрантов не знакомо с миграционной политикой молдавского государства и его деятельностью по возвращению и реинтеграции мигрантов на родине [17, 27-28].

Для анализа управления диаспорой в рамках системного подхода важно выявить наиболее эффективные управленческие и самоуправленческие стратегии, в первую очередь коммуникативную и институциональную.

Ключевым аспектом в менеджменте диаспоры выступают взаимоотношения диаспоры и титульного государства. Коммуникативные механизмы значимы как в сфере взаимодействия между различными группами интересов в диаспоре, так и между этими группами и обществом, между диаспорой и государством, в том числе титульным. Коммуникация между диаспорой, титульным или принимающим обществом – это двусторонний процесс, где каждая из сторон прислушивается к мнению и потребностям другой. «Диаспора – это процесс... беседа, которая включает в себя взаимное обучение и ведется совместно» [2]. На наш взгляд, в ситуации структурирования, которую сейчас переживает молдавская диаспора, именно механизмы коммуникации носят центральный характер.

В Республике Молдова коммуникация с диаспорой основывается на использовании информационных технологий и сетей общения: официальная страница БСД - www.brd.gov.md, страница БСД на Фейсбуке, онлайн форумы и др. Так, первый онлайн форум между премьер-министром Молдовы и представителями диаспоры был проведен 27 мая 2014 года, в котором приняли участие министры, заместители министров и руководители ведомств, ответственных за разработку и осуществление политики в области миграции и диаспоры. Молдавским правительством был запущен портал din.md для общения диаспоры с молдавскими властями и с родственниками, оставшимися в Молдове.

В рамках Стратегии Диаспора-2025 была разработана концепция коммуникативной стратегии с диаспорой, основная цель которой заключается в обеспечении условий для непрерывного и эффективного общения между правительством Молдовы и диаспорой.

Институциональная стратегия заключается в совершенствовании системы управления диаспорами со стороны органов государственной власти и местного самоуправления в рамках «длинных и коротких дистанций», взаимодействия с национально-культурными объединениями диаспор на основе нормативно-правовых актов.

Одной из программ, направленной на привлечение диаспор в процесс развития, является *«Дорожная карта»*, которая была разработана Международной организацией по миграции и Институтом миграционной политики в рамках Глобального форума по миграции и развитию [22]. Несомненно, отношения каждой диаспоры со страной своего происхождения и странами назначения по своему уникальны, но определенные фундаментальные элементы являются необходимыми компонентами практически всех успешных стратегий по привлечению диаспоры.

Разработку стратегии по содействию более эффективному вовлечению диаспоры с целью развития можно представить в виде последовательных шагов: определение целей и имеющихся ресурсов для их реализации; сбор обширной и подробной информации о диаспоре («узнайте свою диаспору»); укрепление доверия; мобилизация заинтересованных сторон (правительство, диаспора, гражданское общество); эффективное вовлечение диаспоры в деятельность по развитию.

Первым шагом в разработке стратегии является возможность правительства *определить свои цели и имеющийся потенциал* (административный, финансовый и т.д.), необходимый для выполнения этой задачи. В случае Молдовы целью страны происхождения является сокращение уровня бедности и поддержание национального платежного баланса, поэтому политика страны в отношении своей диаспоры должна фокусироваться, в первую очередь, на снижении стоимости денежных переводов, развитии инвестиционных инструментов и финансовых услуг. Кроме того, для определения реалистичных и перспективных целей необходим диалог между правительствами стран происхождения и назначения, а также между правительством и членами диаспоры.

Правительство страны происхождения должно узнать о своей диаспоре как можно больше. Поэтому следующим важным шагом является *полномасштабный комплексный сбор данных* (например, путем проведения переписи мигрантов/населения диаспоры); картирование места расположения диаспоры; составление перечня профессиональных навыков и опыта диаспоры, а также привлечение широкого круга членов диаспоры в информационные кампании, чтобы понять, что диаспора может и готова предложить, и чего она, в свою очередь, ожидает от правительства. Очень важно признавать и понимать назревшие вопросы диаспоры, ее интересы и стратегии, для чего необходим постоянный диалог правительства с диаспорами.

В ходе работы в направлении «Узнай свою диаспору» страны происхождения и назначения могут сотрудничать с посольствами и консульскими

учреждениями, а также с организациями диаспор (профессиональные ассоциации, клубы родного города, ассоциации выпускников и т.д.).

В настоящее время Республика Молдова не обладает всеобъемлющими данными о своей диаспоре, но предпринимает в этом направлении определенные шаги. Первыми источниками по картографии молдавской диаспоры являются исследования социально-экономического профиля молдавских граждан, временно или постоянно проживающих в Российской Федерации и ряде стран ЕС [1; 17]. Важным инструментом по совершенствованию существующих методов сбора данных о миграции, является разработанный в Республике Молдова по инициативе МОМ «Расширенный миграционный профиль Республики Молдова 2007-2012» [24]. В марте 2013 года при поддержке австрийской неправительственной организации Hilfswerk была запущена цифровая карта молдавской диаспоры diaspora.md. На карте указаны расположения посольств и представительств РМ, консульств и консульских отделов, а также 152 общественных объединения молдавской диаспоры за рубежом [5]. Цифровая карта диаспоры является интерактивным приложением и доступна с любого компьютера, планшета или телефона, подключенного к Интернету.

Третьим необходимым элементом стратегии взаимодействия с диаспорой является *построение доверительных партнерских отношений между правительством и диаспорой*. Партнерство взаимозависимо, это своего рода «улица с двусторонним движением». Очень часто диаспоры считают, что страны их происхождения рассматривают их просто как «дойных коров» (хороший источник дохода), в то время как правительства некоторых стран назначения считают, что некоторые группы диаспор нуждаются в поддержке ввиду низкой профессиональной квалификации. Все стороны должны почувствовать, что эти отношения приносят им пользу.

Для правительств стран происхождения построение доверительных отношений с населением диаспоры включает в себя создание благоприятных условий для участия диаспоры в деятельности по развитию, в частности, осуществление мер по улучшению условий для предпринимательской деятельности внутри страны происхождения.

Некоторые государства пошли на создание фондов социального обеспечения, которые находятся под управлением государства, но при этом финансируются мигрантами, работодателями и/или агентами. Такие фонды оказывают широкий спектр услуг мигрантам, включая проведение предотъездных ознакомительных семинаров, предоставление кредитов, экстренную репатриацию, выдачу полисов медицинского страхования и т.д.

Правительства многих стран, в том числе и Республики Молдова, спонсируют проведение культурных мероприятий в тех странах, где есть их диаспоры. Так, Бюро по связям с диаспорой запустило культурные программы, которые были обобщены в девять циклов культурно-художественных мероприятий, организованных как в диаспоре, так и в Республике Молдова. В этих мероприятиях приняли участие около 30 тысяч человек в 40 городах Европы, Ближнего Востока и США. Некоторые

государства способствуют изучению родного языка путем субсидирования уроков и предоставления учителей.

Важное значение для представителей диаспор имеют политические права. Правительства могут продемонстрировать доверие, а также заслужить его, содействуя голосованию и другим формам политического участия эмигрантов за рубежом. В целях обеспечения конституционного права граждан Молдовы, пребывающих за пределами страны, участия их в политической жизни своего государства, власти Молдовы открывают участки для голосования за границей. Но к решению этой проблемы они подходят весьма избирательно. Опасаясь того, что молдавские граждане в России будут голосовать против проевропейских политических партий, в 2009 году в России на досрочных парламентских выборах был открыт только один участок для голосования молдавских граждан. Между тем, только по официальным данным, на территории Российской Федерации на тот момент находилось более 200 000 граждан Молдовы. После проведенных встреч с представителями министерств и ведомств в Молдове в 2010 году в России были открыты уже 4 избирательных участка, в то время как на территории Италии было открыто 16 участков для голосования [15].

Перед парламентскими (2014) выборами Центральная избирательная комиссия в партнерстве с Министерством иностранных дел и европейской интеграции и Бюро по связям с диаспорой запустили онлайн-приложение www.alegator.md. Граждане Республики Молдова с правом голоса, которые находятся за рубежом, могли заранее зарегистрироваться онлайн для парламентских выборов. Запуск этого приложения для предварительной регистрации избирателей является частью усилий молдавского государства по обеспечению условий для того, чтобы молдаване, могли осуществить свое право голоса, где бы они не находились [18].

Укреплению чувства принадлежности к стране происхождения для представителей диаспор способствует практика предоставления второго гражданства для соотечественников, проживающих за рубежом, но не планирующих переезд на постоянное место жительства в страну происхождения, а также предоставление им возможности голосовать за рубежом. За последние двадцать лет число стран, которые позволяют своим гражданам иметь двойное гражданство, удвоилось [12, 301].

Установление доверительных партнерских отношений между правительствами и диаспорами ведет к следующему шагу – *мобилизации диаспор в целях развития*, для чего необходимо взаимодействие всех заинтересованных сторон – правительств, диаспоры, гражданского общества. Может понадобиться создание новых государственных учреждений или адаптация действующих институтов (сеть консульских учреждений, министерства, советы).

В Республике Молдова в ноябре 2012 г. Правительством в структуре Государственной канцелярии было создано Бюро по связям с диаспорой (БСД). Миссией БСД является обеспечение последовательной и всеобъемлющей нормативной базы для молдавской диаспоры, координация государственной

политики в области связей с диаспорой, проведение консультаций с ассоциациями диаспоры по политикам и программам правительства, предназначенных для диаспоры.

Кроме того, в целях обеспечения эффективного взаимодействия правительственных учреждений с диаспорой, всестороннего и интегрированного подхода («the-whole-of-Government») в области разработки политик для диаспоры Распоряжением Правительства №58 премьер-министр Республики Молдова назначил в министерствах, бюро и правительственных агентствах ответственных за развитие политик для и при участии молдавской диаспоры [23]. Это способствовало достижению более тесной связи между правительством и диаспорой, а также укреплению институционального потенциала в 31 государственном учреждении.

Что касается молдавских дипломатических представительств за рубежом, то в настоящее время они неэффективно используются молдавскими мигрантами. Граждане Молдовы обращаются в эти представительства, как правило, тогда, когда у них появляются проблемы с документами, которые можно решить только через эти институты. Мигранты нередко обвиняют дипломатические службы в непрозрачности их работы, коррумпированности и непрофессиональном отношении к своим гражданам (отсутствие фиксированных цен на услуги, отсутствие квитанций об оплате, торговля трудовыми контрактами или даже фальшивыми документами, вымогательство денег) [11].

Участие правительств как страны происхождения, так и страны назначения как партнеров по привлечению диаспоры, не ограничивается национальным уровнем. Региональные и местные органы власти должны устанавливать партнерские отношения с населением диаспоры с учетом того, что вклад членов диаспоры, как правило, будет направлен на место их происхождения. В целом последовательная реализация этих шагов будет способствовать эффективному вовлечению диаспоры в деятельность по развитию.

Республика Молдова достаточно оперативно приступила к реализации рекомендаций международных структур в сфере управления миграционными потоками и сотрудничества с диаспорой и уже накопила определенный собственный опыт. Важным шагом в укреплении взаимодействия между государством и диаспорой стало проведение Дней диаспоры в Республике Молдова (августа 2014), а также проведение конгрессов диаспоры. Проведение Дней диаспоры было направлено на продвижение межкультурного, туристического, экономического диалога на уровне диаспора-страна/страна-диаспора, на вовлечение ассоциаций диаспоры и гражданского общества, чтобы совместными действиями способствовать устойчивому развитию и продвижению страны на международном уровне.

В работе VI Конгресса диаспоры (сентябрь 2014) приняли участие более 145 молдавских мигрантов из 28 стран. Правительство Молдовы обратилось к молдавским мигрантам с предложением вернуться в Молдову и начать собственный бизнес, пользуясь программами финансовой помощи правительства.

В рамках дней Диаспоры прошел семинар „Экономическая диаспора – для Молдовы”, на котором молодые люди - представители диаспоры оказали содействие разработке государственной политики в области финансов, экономики и денежных переводов [9]. Для увеличения объема инвестирования мигрантами своих сбережений предложено внедрение проекта «Diaspora bonds», который предполагает выпуск государственных облигаций на среднесрочной и долгосрочной основе и их реализацию среди членов молдавской диаспоры. Еще одно предложение касается обеспечения безопасности денежных переводов, что является очень актуальной проблемой, так как только через официальные каналы мигрантами переводится в Молдову \$1,6-1,8 млрд. [13]. Было предложено создание платформ краудфандинга (народного финансирования) – инновационного средства для сбора денег через социальные сети для проектов в государственном или частном секторе посредством небольших взносов.

Молдавское правительство предпринимает определенные усилия для того, чтобы поддерживать отношения с представителями диаспоры. С целью привлечения инвестиций и развития совместных проектов был проведен бизнес-форум представителей молдавской диаспоры. С 2013 года действует Программа «DOR» («Диаспора, происхождение, корни»), организованная молдавским правительством для детей и подростков из диаспоры, целью которой является пробуждение интереса молодежи второго и третьего поколения мигрантов к своей культурной идентичности, а также создание эмоциональной связи между представителями молдавской диаспоры и страной их происхождения.

В целом для разработки эффективной политики управления диаспорой необходимо:

- создание институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры;
- разработка стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и «титального» государства;
- выработка правовых актов по вопросам диаспоры, а также законы и стратегии по управлению диаспоральными процессами и программами, которые осуществляются компетентными учреждениями на местах.

Эти меры будут способствовать созданию и укреплению устойчивой и всеобъемлющей платформы для сотрудничества между государством и молдавской диаспорой, основанном на доверии, совместных инициативах и программах, позволят обеспечить активное участие диаспоры в устойчивом развитии Республики Молдова.

Библиография:

1. Cheianu-Andrei D. Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kindom. – Chisinau, IOM, 2013
2. Global Diaspora and Development Forum. Dublin. The 31st October and the 1st November 2014. <http://www.ucdclinton.ie/GlobalDiasporaandDevelopmentFourm>

3. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. Moldovans in Russian Federation: Socio-Economic Profile and Police Challenges. - Chisinau, IOM, 2013
4. Mylonas H. 2013. "[The Politics of Diaspora Management in the Republic of Korea.](#)" The Asan Institute for Policy Studies Issue Brief 81: 1-12. Copy at <http://www.is.gd/GEHpkO>
5. Pe 19 martie 2013, cu suportul Reprezentanței în RM a Asociației Obștești Hilfswerk Austria, a fost lansată Harta digitală a diasporei moldovenești, diaspora.md. <http://international.asm.md/ds/despre-diaspora-stiintifica/95-opportunities-diaspora-network/1483-s-a-lansat-harta-electronica-a-diasporei-moldovenesti.html>
6. Sheffer G. A New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // Modern Diasporas in International Politics. L., 1986. p. 1–15
7. Базанов В. Роль диаспоры в политике России. Вестник МГИМО. №3. Том 3. 2011. История. Исторические науки. <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-diaspory-v-politike-rossii>
8. Брубейкер Р. "Диаспоры катаклизма" в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // "Диаспоры", 2000, №3, с. 6-32
9. Диаспора предлагает решения проблем, с которыми сталкивается Молдова. <http://www.tv7.md/ru/obschestvo/diaspora-predlagaet-resheniya-problem-s-kotoryimi-stalkivaetsya-moldova/>
10. Кондратьева Т. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolicija_javlenija_i_ponatiya_2010-02-27.htm
11. Кривенко А. Молдова – страна массовой трудовой миграции. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php>
12. Мельничук Ю. Стимулирование вовлечения диаспор в социально-экономическое развитие стран происхождения (на основе практического пособия для политиков и практиков в странах происхождения и назначения «Создание Дорожной карты по вовлечению диаспор в развитие») // Миграционные мосты в Евразии: Сборник материалов VI международной научно-практической конференции «Роль миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран Евразии» / Под ред. чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессора С.В. Рязанцева. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2014. с. 298-303.
13. Мигранты могут стать инвесторами?. <http://www.logos.press.md/node/40171>
14. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. №1. с. 24-33.
15. Молдавская диаспора и развитие политической культуры, <http://ipn.md/ru/comunicate/4175>
16. Молдавские мигранты хранят «под подушкой» 6 млрд евро. <http://enews.md/news/view/40615/>
17. Мошняга В. Становление молдавской диаспоры и миграционная политика Республики Молдова // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.4 (LXIII, 2013. – Chișinău: CEP USM, 2013. с.18-35.

18. Находящиеся за рубежом молдаване могут зарегистрироваться онлайн для парламентских выборов. <http://enews.md/news/view/39314/>
19. Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривыборные и международные аспекты. - М.: Научная книга, 2002
20. Правительство просит мнения молдаван о стратегии «Диаспора-2025». <http://particip.gov.md/proiectview.php?l=ro&idd=2585>
21. Пятнадцать приоритетных направлений правительства по работе с диаспорой. <http://www.moldovenii.md/ru/news/view/section/16/id/14898/from/noi>
22. Разработка «Дорожной карты» по вовлечению диаспор в процесс развития. Д.Р. Агуниас и К. Ньюленд. <http://www.iom.tj/pubs/diasporahandbook-ru.pdf>
23. **Распоряжение** Правительства Республики Молдова Nr. 58 от 07.06.2013 // Monitorul Oficial Nr. 125-129 от 14.06.2013
24. Расширенный миграционный профиль Республики Молдова 2007-2012. Аналитический доклад. - Кишинэу, 2013
25. Тощенко Ж. Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996, № 12. с. 32-42
26. Чепеницкая П. Механизмы социальной регуляции в рефлексивном управлении российской зарубежной диаспорой. <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-sotsialnoy-regulyatsii-v-refleksivnom-upravlenii-rossiyskoy-zarubezhnoy-diasporoy-1>
27. Шнирельман В. Мифы диаспоры // Диаспоры. - 1999. - № 2,3. с. 6-33

ДОЛИДЗЕ Валериян

Доктор истории

Факультет социальных и политических наук

Тбилисского государственного университета имени

Иванэ Джавахишвили

ЭМУЛЯЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ГРУЗИЯ И МОЛДОВА

Political systems of Moldova and Georgia are emulative systems. This determines many similarities and problems of democratization of these countries. We should differ democratization in post soviet countries from those democratizations which took places in the other parts of world. Post communist democratizations are parts of broad processes of total changes of soviet societies, which includes simultaneous transformations of political systems, economic systems and social stratifications. These common features of democratizations of Georgia and Moldova determines many problems of state building in both countries. Nevertheless processes of democratization in these countries differ. Moldova has party state, where political parties are more influential actors of politics and government. Georgia has weak parties and strong bureaucracy. State is more institutionalized in Georgia than in Moldova. Because of this authoritarian development vector in Georgia is stronger than in Moldova. Democracy is more institutionalized in Moldova than in Georgia, but governing is more effective in the last occasion than in formal. The cultural environments of political processes of these countries are quite deferent – Georgia has more homogenous cultural environment, than Moldova. An experience of Moldova proves that progress of democratization does not depend on the form of government.

Key words: democratization, emulation, political party, political system, democracy, postcommunism.

Посткоммунизм означает изменение не только политической системы, но и всего общества в целом, фундаментальных принципов его функционирования. Поэтому он представляет широкий процесс трансформаций, который охватывает экономику, политику, социальную сферу, культуру, межличностные отношения и т. д. Совокупность этих изменений создает общественный контекст функционирования политики и во многом определяет специфику и проблемы государственного строительства в Грузии и Молдове. Эти две постсоветские республики выделяются на постсоветском пространстве глубиной демократических преобразований, особенность которых создает тот общественный контекст, в котором функционирует политический процесс в этих странах. Тотальность изменений, синхронный и незаконченный характер становления новых общественных связей, определяют социальные условия становления демократии в постсоветских странах. Поэтому посткоммунистические демократизаций

существенно отличаются от процессов демократизаций, которые происходили в других странах мира. Демократизация означает изменение политической системы и режима ее функционирования. В отличие от тех стран, где опыт демократизации стал источником формирования теорий демократизации, в постсоветских республиках, в том числе в Грузии и Молдове, составной частью этих процессов является их государственное становление. В них демократизация началась с разрушением государственности, что выразилось в существенном ослаблении общественного учета и контроля, государственной дисциплины, сращивании государственных органов с частными интересами и участие бюрократии и политических партий в перераспределение богатства, в формировании новой стратификационной системы, в социальных перемещениях на основе которых формируется новая стратификационная система и неформальные центры власти и влияния. В странах Европы и Америки, Азии и Африки, в которых происходили демократизации, общественный контекст этого процесса оставался неизменным, представлял определенную константу, которая характеризовалась уже сложившимися системами социальной стратификации и экономики, социальными идентичностями. Поэтому здесь демократизация означала глубокие изменения в политической подсистеме уже сформированного общества и проходила в условиях конкретных, ясно артикулированных социетальных интересов, которые своими корнями глубоко уходили уже сложившейся систем социальной стратификации и экономики, которые формировали общественную основу артикуляции и агрегации интересов. Политическая система и государственная власть отражали интересы больших социальных групп для артикуляции и агрегации которых создавались политические партии, группы интересов, гражданское общество. Эти интересы являлись общественными интересами, которые объединяли большие общественные группы, которые создавали социальные базы политических партии и процессов. Таким образом политический процесс развивался на основе артикуляции и агрегации уже существующих больших социально – экономических групп. Например, формированию лейбористской партии предшествовало появление и развитие рабочего класса и рабочего движения в Англии, так же была сформирована социал-демократическая партия Германии. Появлению современных политических партий в Бельгии предшествовало разделение общества на католиков и либералов, США были образованы тогда, когда интересы метрополии пришли в противоречие с интересами местной буржуазии, которая была сформирована задолго до появления нового государства США. Посткоммунизм является результатом воздействия примера, который был создан на основе достижений стран западной Европы и США. Их социально-экономические и политические структуры демонстрировали высокие достижения, что создавало представление о хорошем правлении, обществе и государстве в сознаниях советской интеллигенции. Но эти государства строились не в одночасье, а постепенно, в результате конфликтов между разными частями общества. Поэтому современные политические системы демократии являются продуктами инкриментальной политики, когда вызревание и

создание ее разных компонентов отдалены во временном интервале. Например, демократические выборы во Франции появляются в 1944 году, а в Швейцарии 1971 году, когда конкурентная политика и политические партии уже давно были институционализированы. Появление и укрепление одного компонента демократии создает условие для появления других компонентов демократии - это является закономерностью демократизации. Огромная заслуга в укреплении западной демократии принадлежат многочисленному рабочему классу и буржуазии, а также включению женщин в общественном производстве, что дала толчок развитию их массовой политической активности.

Общественный контекст политического процесса и проблемы государственного строительства в Грузии и Молдове

Политическая системы и государства в постсоветском пространстве развиваются по другому сценарию. Если традиционно стратификационная система создавала политическую систему, здесь политическая система создает стратификационную систему. Но процессы формирования элементов стратификационной системы выходят за пределы правового поля и подчиняют функционирование всей политической системы. Посткоммунизм – это распад старого общества и формирование нового. Структуризация нового общества и ее экономической системы является результатом функционирования государственной власти и политической системы, которые контролируют социальные перемещения и потоки восходящей социальной мобильности и являются фактором достижения и удержания привилегированного положения как в стратификационной системе так и в экономике. В этих условиях политика превращается в социальный лифт, который способствует структуризацию общества и ее экономики на основе распределения общественного богатства и статусов как в экономической так и стратификационной системах. Этот процесс сужает интересы, в условиях еще не сформировавшихся социально-экономических групп и социальных идентичностей, политические партии превращаются не выразителями социетальных интересов, а механизмами повышения и удержания статуса в стратификационной и экономической системах общества. Это особенно четко просматривается на примере Молдовы, где партий в политической жизни играют более значительную роль, чем в Грузии. По свидетельству очевидца там «Политические партии стали самым прибыльным бизнесом. Главы партий сравни настоящим олигархам: шикарные машины, гламурные костюмы, красивая жизнь. В Молдове самые грязные деньги отмываются в финансовых «будуарах» политических партий» (1) Такое явление подчиняет реализацию общественных интересов частным, в результате чего государство теряет способность защищать политические курсы и их проведения ставит в зависимости от частных интересов. Причиной этого является особенности общественного контекста посткоммунистического политического процесса.

Демократизация в постсоветском пространстве началась в условиях распада старого общества, что обусловил интенсификацию процессов социальной

мобильности, которые существенно влияют как на формирование посткоммунистических политических систем Грузии и Молдовы, так и на их стабильность. В этих постсоветских республиках социальная мобильность изменила общественный контекст формирования и функционирования политических систем, которое характеризуется интенсификацией восходящих и нисходящих потоков социальной мобильности, на основе которых возникают новые идентичности и интересы. Вследствие этого гомогенная общественная база артикуляции интересов стала более дискретной и противоречивой, что осложнило агрегацию разных интересов и формирование таких политических курсов, которые стали бы приемлемыми для всех. Процесс формирования новой стратификационной системы и ее элементов, обусловил не только появление новых интересов но также и их сужение, доминирование частных интересов над социетальными. Такая ситуация углубляет противоречие между политической системой и общественными условиями ее функционирования. Это задерживает развитие компонентов политической системы. Особенное значение в их становление имеет уровень экономического развития, от которой зависит формирование источников возмещения себестоимости функционирования и развития всех элементов политической системы. Например, для нормального функционирования политических партии нужны финансы, основными источниками которых должны быть членские взносы. Но в условиях слабой экономики они не могут собирать достаточные средства из этого источника. Поэтому партии вынуждены обращаться для получения финансов к частному бизнесу и взамен обещать защиту из интересов. Правящая партия использует свою власть для изъятия финансовых ресурсов у частного сектора и на этой основе создания своего избирательного фонда, перераспределения бизнесов в пользу своих приверженцев, что обеспечивает стабильную финансовую базу ее власти. Примерами этого являются деятельность Союза граждан и Единого Национального движения в Грузии. Схожими проблемами сталкиваются и политические партии Молдовы, которые также создают источники своего финансирования в частном секторе. В этой связи интересную информацию дает свидетельство одного из очевидцев: «давайте посмотрим на то, как функционируют сами молдавские партии. Их лидеры в частных беседах рассказывают, что очень дорого обходится партийное дело. Нужно платить людям зарплату, покупать или арендовать помещения, выделять деньги на транспорт, связь, информационную работу, съезды проводить и т.д. А сеть по республике должна быть немалая, поэтому уходят на партийные дела миллионы. Можно не сомневаться, что главные свои затраты партии не афишируют и не проводят официально. И тратятся на партийное строительство «теневые деньги». Поэтому тайная партийная касса напоминает «бандитский общак».(2) Несмотря на негативное впечатление которое создает эта информация о партийных лидерах Молдовы, в ней также просматривается активная внутрипартийная жизнь и развитой внутрипартийный менеджмент, существование развитой партийной организации и инфраструктуры, активное партийное строительство. По всем этим вопросам

грузинские партии отстают от Молдавских. В них мало внимание уделяется внутрипартийной жизни и партийному строительству, слабо развита партийная организация. Финансы в основном расходуются не для укрепления партийных организации, а для участия в выборах.

Грузия и Молдова были глубоко интегрированы в советскую экономику. Поэтому после получения независимости и разрушения единого народно-хозяйственного комплекса обе республики оказались в тяжёлом экономическом положении, что отрицательно влияло на их государственное становление. Оба оказались перед проблемами дефицита ресурсов государственного строительства. Слабый частный сектор не может обеспечить возрастающую себестоимость их государственного существования. Противоречие между потребностями современного государства и слабой экономикой рождает проблемы коррупции и формирования необходимых ресурсов для нормального функционирования государственных институтов. Например, после «революции роз» правительство единого национального движения в Грузии для искоренения коррупции значительно повысило зарплату министрам. Но так как у государства не были необходимые средства для этого, повышение зарплат этих чиновников было финансировано частным сектором. (Тогда было объявлено, что деньги для этого были выделены Соросом, но позже грузинский миллиардер Бидзина Иванишвили опроверг это и заявил, что не Сорос а именно он финансировал это мероприятие) Экономические трудности заставляют население этих республик эмигрировать, что смягчает нажим неблагоприятных социально-экономических условий на их политических системах и создает дополнительные источники для развития их экономик. Но эмиграция отрицательно влияет на численность населения этих республик . Например, если в 2006 году население Грузии составляло 4.401,3 тысяч человек, в 2015 году – 3.729,5. (3) Дефицит внутренних ресурсов государственного строительства возмещают иностранные доноры, а также те граждане этих республик, которые работают за границей. Например, в Молдове эти последние ежегодно присылают около одного миллиарда долларов(около 80 процентов правительственного бюджета), а внешние доноры ежегодно вкладывают 20 процентов госбюджета) (4)

Посткоммунизм создал новые каналы социальной мобильности, которых можно разделить на две группы – формальные и неформальные. Вначале посткоммунизма социальная мобильность принимает массовый характер (как восходящий, так и нисходящий). Восходящая мобильность выходит из правового пространства, сращивает государство с частными интересами, что максимально сокращает дистанцию между государством и обществом и вызывает ослабление государства как административного механизма осуществления общественных интересов. В этих условиях каналы восходящей мобильности выполняют функцию социально-политических амортизаторов, которые существенно смягчают нажим общества на политическую систему, но одновременно препятствуют углублению демократизации и ослабляют необходимые условия для выработки партисипаторной

политической культуры. Такая ситуация способствует укреплению подданнической политической культуры, что способствует прекращению процессов демократизации и подчинению осуществления общественной власти частным интересам, ослаблению правовой культуры и государства. В Грузии в результате сращивания значительной части государственной бюрократии с частными интересами, государство потеряло способность решения общественных проблем, что со своей стороны вызвало потерю легитимности правительства и в конце концов дестабилизацию политической системы Грузии и государственному перевороту под названием «революции роз». Новое правительство, которое пришло к власти в результате этого, социальную мобильность подчинило своему контролю и использовало ее для расширения и укрепления собственной социальной базы. Несмотря на это под нажимом режима Саакашвили так усилилась нисходящая социальная мобильность, что она вызвала дестабилизацию и в конце-концов способствовала уходу Саакашвили через легитимных, демократических выборов.

Специфику общественного контекста политического процесса в Грузии и Молдове создает усиление нисходящих потоков социальной мобильности и ослабление восходящей, что является источником опасности для стабильности этих стран. Непосредственной причиной этого является ослабление социальных лифтов, что проявляется в уменьшение их численности и пропускной способности. В связи с этим нужно отметить, что уменьшение и ослабление социальных лифтов только в том случае будет создавать опасность для политической стабильности, если потребность в восходящей мобильности будет значительно превосходить количество социальных лифтов и их пропускной способности. Развитие горизонтальной мобильности на базе эмиграции лишнего населения представляет значительный противовес, который уравнивает отрицательных политических результатов ослабления социальных лифтов. Она дает возможность лишней части населения этих республик эмигрировать и часть своих заработков присылать домой. Это способствует также расширению восходящей мобильности в этих республиках и стабилизации их политических систем.

Эмуляционные Политические Системы

В условиях распада старой социально-стратификационной системы, гомогенного общественного контекста, когда еще не сформированы большие социально – экономические группы и в обществе происходят интенсивные процессы социальных перемещений, политическая система формируется не на основе уже сформированных элементов системы социальной стратификации для выражения их интересов, а на основе подражания и заимствования. Так создаются посткоммунистические эмуляционные политические системы. По нашему мнению – это такие системы, которые возникают и функционируют не в результате естественного развития общества, не для артикуляции и агрегации таких интересов, которые выражают нужды и потребности уже сложившегося классов и больших социальных групп, а такие которые появляются в результате политического

инженеринга политических элит, которые на основе заимствованных политических структур заменяют старую политическую организацию общества новым, которые создают и расширяют общественный контекст своего функционирования.

Эмуляционные системы проводят эмуляционную политику, в результате которого изменяются экономические и социальные подсистемы общества по образу и подобию тех обществ политическая организация которых является объектом заимствования. Классическим случаем такой системы и политики является политическая система кемалистской Турции, политические системы стран бывшего советского блока. Политическое заимствование в строительстве государств и политических систем широко было распространено в истории строительства современных государств. В связи с этим можно вспомнить как формировалось русское государство в эпоху Петра первого, строительство японского государства в результате революции Мейдзи, а также реформы Танзимата в Турции. Страны эмуляционных систем происходили в разных общественных контекстах. Но общее между ними было то, что они всегда создавались для изменения общественных структур и культур, изменяли общественный и экономический контекст функционирования власти. Так власть создавала новое общество и новую культуру. В этом отношении особенно примечательным является эпоха просвещённого правления в Японии т.н. эпоха Мейдзи, когда буквально на глазах у одного поколения Япония превратилась в совершенно другую страну. Эмуляционные системы появляются тогда, когда политическим элитам становится ясным отставание своих стран и они стараются с помощью заимствованных форм организации государственной власти изменить принципы функционирования общества и экономики. В республиках бывшего СССР эмуляционные системы появились в общественных контекстах, которые характеризовались как общими так и специфическими качествами, что и определило разные траектории их посткоммунистического развития. По нашему мнению эмуляционные демократии отличаются от витринных или имитационных демократий. В эмуляционных системах демократические элементы существуют не для витрины, где предметы выставлены для показа и лежат без практического применения по их назначению, а являются активными, которые институционализируют и легализуют политический конфликт, создают необходимые институциональные условия для систематической борьбы за власть. Эмуляционные системы демократии – активные системы, которые расширяют и укрепляют демократическую практику. Их нельзя считать управляемыми демократиями, так как выходят из сферы правительственного контроля, артикуляция интересов происходит в независимом от правительства режиме, они активно противодействуют авторитарному вектору развития, усиливают влияние общества на политику. Но функционирование эмуляционных систем демократии не ограничивается только политической подсистемой общества. Оно изменяет не только политику, но и все общество, в том числе и людей, и таким образом создает социально –экономические и культурные условия для укрепления демократии. Эмуляционная система демократии, эта такая система, которая

противодействует превращению демократии в витрину или в имитацию, своей активностью наполняя демократические формы демократическим содержанием, что может происходить независимо от воли политических акторов, как результат их борьбы за политическую власть. Классическим примером такой демократии является Молдова. Как справедливо отмечает Боцан «Молдавская демократия не результат осознанных усилий партии. Она является, скорее, второстепенным явлением, порожденным борьбой партий за господство на политической арене».(5)

По нашему мнению, политических систем Молдовы и Грузии нельзя считать имитациями демократии. Они являются заимствованными, но тем не менее реальными, которые серьезно влияют на политическую жизнь и изменяют социально –экономический контекст развития демократических институтов. Эмуляционные системы имеют как реальные так и имитационные элементы взаимодействие которых развивает системные качества демократии. Например, таким заимствованным, но не имитированным элементом можно считать публичную борьбу за власть, которая ведется регулярно и активно; гражданское общество, отдельные представители которого стараются поставить в определенные рамки деятельность правительства артикулируя такие интересы, которые реально отражают потребности данного общества. (например, в Грузии - «Тбилисис амкари», движение «партизанское садовничество» и т. д.), но которые имеют очень слабую общественную поддержку и малочисленный членский корпус Также необходимо отметить, что элементы гражданского общества в эмуляционных демократиях часто не являются выразителями интересов общества, они политизированы и создаются правящими или же политическими кругами для продвижения таких интересов, которые соответствуют их нуждам. В эмуляционных демократиях, имитируя своих иностранных эквивалентов, институты гражданского общества часто стараются реализовать такие интересы, которые не вытекают из социально-культурных и экономических особенностей данного общества и не являются актуальными для данного общества (в Грузии, например «идентичность»). В этом случае они артикулируют имитационные интересы. Эмуляционные демократии являются системами развивающихся демократии, которые находятся в процессе натурализации. В процессе взаимодействия со своей средой они изменяют свои условия функционирования и сами изменяются, создавая новые политические структуры и наполняя имитационные формы новым содержанием.

На английском языке одно из значений Emulation: стараться быть похожим или превосходить другим (6) Слово имитация имеет два значения -1. действие по значению гл. имитировать; подражание кому-либо или чему-либо, попытка точно воспроизводить чего-либо. 2. результат такого действия подделка, копия чего-либо. (7) По нашему мнению в политологической литературе это слово употребляется во втором значении и обозначает не реальное стремление стать похожим существующим демократиям, а создание иллюзии о существовании такой демократии. Эмуляция- напротив, обозначает реальное стремление стать похожим , в результате которого происходит заимствование форм и институтов политического

существования и их пересаживание в таком общественном контексте, который является чуждым для них. В результате этого они активно воздействуют на свою социально-экономическую среду и изменяют ее в соответствии со своими сущностями. Но в процессе этого взаимодействия часть из этих институтов превращаются в простую имитацию демократических институтов, экспонатом ее витрины, а другая часть оказывается более устойчивой и активно изменяет условия своего существования, а также противодействует перерождению других институтов в простую имитацию демократии. Разные компоненты посткоммунистических эмуляционных демократий зарождаются и развиваются не одновременно. Например, нормативно- правовая подсистема посткоммунистических эмуляционных демократий создается раньше и она меньше подвержена простой имитации демократии, чем организационно – институциональные механизмы практической реализации демократических норм политического сосуществования. Но, несмотря на это, эта подсистема не является пассивной, она способствует развитию практических форм существования и развития демократии. Из всех компонентов посткоммунистических эмуляционных демократий больше возможностей и ресурсов для укрепления имеют государство и бюрократия. Поэтому в условиях неравномерного развития разных компонентов политической системы демократии, особенно слабой политической организации общества, они превращаются в источники усиления вектора авторитарного развития, который направлен на превращения демократических форм политического сосуществования в простую имитацию и в витрину демократии. Но против этой тенденции работают такие системные качества, как институционализированный конфликт, гласность, свободная циркуляция информации, свобода митингов и собрания, перманентная легитимная публичная борьба за государственную власть, политическая самоорганизация общества и т. д. В эмуляционных системах общество еще не умеет ими пользоваться и у него часто отсутствует ресурсов для этого. Но в условиях когда политическое развитие происходит одновременно с перераспределением собственности, превращения государственных должностей и политики в канал восходящих перемещений, когда существенно ослаблены социальные лифты, существует дефицит ресурсов для распределения, в обществе накапливается недовольство и возмущение, системные качества эмуляционной демократии превращаются в средство активизации общества, что блокирует симуляцию демократии. Пример этого, подготовка акций протеста против симуляционной(имитационной, витринной) демократии Саакашвили, когда оппозиционные силы в короткий промежуток времени смогли организовать и заставить его формально уйти в отставку и назначить внеочередные президентские выборы, которые он проиграл в столице Грузии –Тбилиси. В Молдове массовые перманентные протесты оппозиции привели к возвращению полупрезидентского правления.

Одной из особенностей эмуляционных демократий является несовпадение реальных и официальных мотивов и целей политической активности, когда

настоящие интересы прикрываются демократическими лозунгами, политическими программами и избирательными платформами, о реализации которых сразу же забывают, как только приходят к власти. Публичная борьба может идти между такими имитационными политическими акторами, но борьба этих имитационных сил создает такое системное качество демократии, как реальная публичная борьба за государственную власть. После прихода к власти одной из них, начинается процесс притеснения оппозиции, которая имеет возможность сопротивления. Эмуляционные демократии могут характеризоваться существованием имитированных (симуляционных) политических акторов, которые имитируют (симулируют) сторон политического процесса. Здесь власть превращается в самоцель для политических акторов, а не средством осуществления общественных интересов.

В этих системах ведется открытая борьба между симуляцией демократии и приданием ей реальной значимости. В этой борьбе происходит натурализация демократии, когда общество начинает использовать демократию для защиты своих реальных интересов. В этом процессе имитированные политические акторы могут превратиться в настоящих субъектов политики или же появляются новые акторы, которые реально представляют разные стороны политического процесса. В эмуляционных демократиях рядом имитированными акторами могут существовать и настоящие субъекты которые артикулируют и агрегируют реальные интересы.

В отличие от эмуляционной демократии, имитационная демократия –это симуляция демократии. Там значительно сильнее авторитарный вектор. Все посткоммунистические страны можно разделить на имитационных и эмуляционных демократии. Эмуляционные демократии могут превратиться в имитационные и наоборот. Эмуляционные политические системы являются формами в которых происходят процессы демократизации.

Особенностью посткоммунистических демократий является то, что здесь государственное становление предшествует формированию новой экономической и стратификационных систем. Поэтому эти последние, которые создают социально-экономические условия функционирования политической системы, формируются под сильным влиянием политической системы. В результате этого занимаемые должности в бюрократических структурах и в политическом и в гражданском обществах влияют на перемещения в экономической системе. В результате этого, например в Грузии министр связи Инджия становится крупным предпринимателем, а бывший начальник полиции Тбилиси Зейкидзе производителем колбас.

Некоторые особенности политических культур Грузии и Молдовы

Эмуляционные системы Грузии и Молдовы имеют много общего, но вместе с тем они отличаются друг от друга. Это особенно ясно проявляется на примере политических культур этих стран, сравнение которых показывает специфику каждой из них.

Одной из особенностей Молдавской политической культуры в отличие от Грузинской является сильное влияние коммунистического прошлого, что во многом определяет нигилистические отношение электората к частной собственности и бизнесу. Поэтому, как отмечает Боцан, в Молдове не одна из партии, которая ориентировалась на проблемы частной собственности, защиты малого бизнеса и т. д. не смогла добиться существенных результатов в парламентских выборах. Несмотря на то, что проблемы бизнеса затрагивались в программах партии они имели второстепенные значения. ». (5) Победа компартии Молдовы и ее нахождение у власти девять лет, ее существенное ослабление после изменения своих политических ориентиров, в результате чего ее политико-идеологический арсенал существенно отделился от коммунистического прошлого, также говорят об отличии Молдавской политической культуры от грузинской. В отличие от Молдовы проблемы бизнеса занимали и занимают центральное место в программах Грузинских партий, что отражает большое значение частнособственнических настроений в политической культуре Грузии. Об особенностях политических культур этих двух республик можно судить также по распространению антиолигархических настроений. Молдавская политическая культура особенно остро воспринимает олигархическое правление. Попытка назначения одного из богатейших людей Молдовы на пост премьер-министра обернулось массовыми акциями протеста, в результате чего президент вынужден был изменить свое решение. В отличие от жителей Молдовы, грузины более толерантны к «олигархам». Один из них Б. Патаркацишвили был организатором массовых акций, которые были направлены против правления тогдашнего президента Саакашвили, а другой «олигарх» Б. Иванишвили, лидер блока «Грузинская мечта», которого поддерживало большинство населения Грузии, на парламентских выборах 2012 года победил партию тогдашнего президента Саакашвили «Единое национальное движение» и стал премьер-министром Грузии.

Другая отличительная черта Молдавской политической культуры – это неоднозначное отношение к национальному государству, что выражается в существовании «румынизма» и «молдованизма». Представители «румынизма» поддерживают присоединение Молдовы к Румынии, тогда как приверженцы «молдованизма» выступают за независимость Молдовы. Специфику внешнеполитического сознания молдавского общества выражает противоречие между пророссийской и проевропейской геополитическими ориентациями, что также является отражением политической культуры этой страны.

Если Молдавскую политическую культуру отличает противоречивый характер, грузинская культура более гомогенна. Она основывается на Грузинском национализме, где независимое Грузинское государство является основополагающим фактором его существования, которое своими корнями глубоко связано с национальной идентичностью и национальной гордостью.

Молдову можно отнести к тем группам посткоммунистических стран где социалистическое и коммунистическое прошлое особенно сильно влияет на

формирование современной политической культуры. По нашему мнению в эту группу кроме Молдовы входят также Россия, Украина, Белорус. Чем можно объяснить сильное влияние прошлого на политические культуры этих стран? Этот вопрос заслуживает специального исследования, которое не является целью нашей статьи. Поэтому, не претендуя на точный и окончательный ответ, мы предполагаем, что объяснительным переменным этого явления можно считать степень деинституционализации реального социализма. В этих странах она была слабее, чем в других республиках бывшего СССР. О масштабах деинституционализации социализма можно судить по силе распространения теневой экономики (второй экономики), которая имела не только экономическое, но также и политическое, идеологическое и культурное значение. Поэтому величину теневой экономики можно использовать для измерения степени деинституционализации реального социализма. Теневая экономика в бывшем СССР была неравномерно распространена по союзным республикам. По оценке Г. Гроссмана, в конце 70-тых годов доля доходов от второй экономики составляла 30% всех доходов горожан в масштабах СССР. Наименее она была распространена в РСФСР, где эта цифра приближалась к среднему значению по стране, в Белоруссии, Молдове и Украине этот показатель составлял 40 процентов. В Закавказье и средней Азии почти 50%. В Армении среди этнических Армян-65 %. (8) Наблюдается совпадение между распространением теневой экономики в советское время и влиянием коммунистического прошлого на современную политику посткоммунистических стран – чем сильнее распространения теневой экономики, тем слабее влияние коммунистического прошлого на современное политическое развитие страны. Например, в РСФСР где теневая экономика была значительно слабее, чем в других союзных республиках, коммунистическое наследие сильнее по сравнению со всеми другими постсоветскими республиками. В Украине, Белоруссии и Молдове теневая экономика была сильнее, чем в России, но слабее по сравнению с другими союзными республиками. В соответствии с этим, в этих странах коммунистическое прошлое слабее влияет на современное политическое развитие чем в России, но такое влияние значительно сильнее по сравнению с другими постсоветскими республиками. Например, влияние коммунизма в Молдове сильнее, чем в Грузии. Этому свидетельствует не только нахождение компартии Молдовы у руля государства в продолжение 10 лет, но также и социологические опросы населения. Например, проведенный молдавскими социологами в 2014 году опрос населения показал сильное влияние коммунистических традиций в Молдове. Например, по мнению 74,9 % опрошенных, очень хорошо если бы правительство предоставило рабочие места нуждающимся в них; 73,2 % считает, очень хорошо было бы иметь сильного руководителя не подтвержденного влиянию парламента и выборов; по мнению 65,7 % очень хорошо было бы если бы государство установило цены на продовольственные товары, а 50,3 % - очень хорошо если бы государство ограничивало доходы богатых.(9)

Несмотря на то, что в Грузии тоже усиливается ностальгия по советским временам, она значительно слабее чем в Молдове и это несмотря на то, что Грузия находилась в составе СССР 70 лет, а Молдова всего 51. Сильное влияние коммунистического прошлого на современную Молдову можно объяснить также и наличием по сравнению с Грузией большого количества русскоязычного населения, которое сконцентрировано в городах и при советской власти было занято в промышленности, которая серьезно пострадала после развала СССР.

Кливиджи и особенности общественного контекста артикуляции и агрегации интересов в Грузии и Молдове

Общественные базы артикуляции и агрегации интересов в Молдове и Грузии существенно различаются друг от друга. Молдова характеризуется кливиджами, расщеплением общества, что затрудняет агрегацию интересов, так как в этих условиях реализация одного интереса происходит за счет других интересов. В Молдове эти кливиджи находятся на разных уровнях развития. Наиболее развитым является кливидж «молдованизм и румынизм». Все его составные части – эмпирический, идеологический и организационный – ясно артикулированы. Его эмпирический компонент представлен существованием достаточного, общественно значимого количества двух групп людей, которые осознают себя соответственно румынами и молдаванами. Идеологический компонент этого кливиджа составляют две группы аргументаций, которые лежат в основе раздвоения национальной идентичности на румын и молдаван, а также легитимации присоединения к Румынии или же существования Молдовы как независимого государства. Организационный компонент данного кливиджа представлен наличием двух групп политических и общественных организаций, которые соответственно поддерживают независимость Молдовы или же ее присоединение к Румынии. Нужно отметить, что молдованизм сильнее румынизма. Расщепление общества на основе национальной идентичности делает невозможным достижение консенсуса в процессе агрегации – реализация интересов румынизма возможно только за счет молдованизма, а осуществление интересов молдаванизма требует жертвовать интересами румынизма.

В отличие от кливиджа «румынизм-молдованизм», Социально – экономический кливидж (богатые-бедные) находится в процессе формирования, о чем свидетельствует разный уровень развития его составных частей. Его эмпирический компонент достаточно развит – молдавское общество разделено на отдельные группы, которые различаются по социально-экономическим характеристикам и богатством. Но идеологический компонент этого кливиджа размыт: разные социально – экономические группы не осознают себя отдельными группами общества, которые имеют отличные от других специфические интересы. Отсутствует социально – классовая идентичность, осознание группой своей коллективной особенности на основе осмысления своих специфических социально-экономических качеств. Организационный компонент более развит по сравнению с

идеологическим. Свидетельством этого является наличие сильной левоцентристской партии – социалистической, которая имеет собственный электорат. Несмотря на это молдавские партии не выступают явно как представители определенной части населения, не расчленяют общества. Как отмечают Молдавские социологи, даже социалисты и Коммунисты не развивают групповое или классовое сознание.

Особенностью политической сцены Молдовы является также противоречие между проевропейским и пророссийским векторами развития. Его условно можно назвать геополитическим кливиджем. Он является наиболее значительным фактором формирования специфики политического развития Молдовы, у которого есть две значительные компоненты кливиджа: 1. эмпирический – разделение населения по геополитическим ориентациям на две группы - пророссийскую и прозападную; 2. организационный элемент - политические партии мейнстрима, которые придерживаются одной из этих двух геополитических ориентации. Но у него отсутствует третий наиболее существенный элемент кливиджа - идеологический: осознание себя отдельной группой населения общества, которая имеет свои особенные интересы.

Кливидж разделяет как социальную ткань, так и общественное сознание и политическую сферу. В отличие от этого различные геополитические ориентации в Молдове не расщепляют общество так глубоко. Они создают различные геополитические идентичности, которые расщепляют только политическую сцену. Но несмотря на это, эти ориентации видимо связаны с кливиджами. Например, румынизм подразумевает также и проевропейскую ориентацию. Глубокое противоречие между разными геополитическими ориентациями, которые принимаю многие черты кливиджа, затрудняют агрегацию интересов на основе консенсуса.

Можно заключить, что Молдавское общество как основа артикуляции и агрегации интересов, имеет дискретный характер. Это делает агрегацию и артикуляцию интересов конфликтными и осложняет достижение консенсуса.

В отличие от Молдовы, в Грузии общественный контекст политического процесса является более однородным. В начале истории посткоммунизма эта особенность сыграла существенную роль в блокирование демократизации в этой стране. Она создала социальную базу для установления авторитарного режима Гамсахурдиа. Но в процессе отдаления от коммунизма гомогенная база политического процесса в Грузии начинает дифференцироваться. На этой основе зарождается процесс расщепления общества на разные составные части. Это особенно сильно проявляется в развитии рабочего и забастовочного движения в Грузии, в ходе которой бастующие рабочие выдвигают специфические требования, в которых отражаются особенности их жизни. Несмотря на это, нельзя говорить о существовании кливиджа в грузинском обществе: в отличие от Молдовы здесь не существует раздвоение национальной идентичности, разные большие социальные группы не осознают свою особенную идентичность, они не имеют свои специфические массовые политические организации и т. д. Несмотря на это в Грузии начинает развиваться процесс расщепления общества на основе социально-

экономических различий: развивается эмпирический компонент социально-экономического кливиджа, что проявляется в забастовочном движении нового рабочего класса Грузии.

Особенности демократизации Грузии и Молдовы

Новая политическая система в Грузии и Молдове начинают развиваться в период либерализации советской системы – которую называют гласностью и перестройкой. В этот период в процессе разрушения советской политической системы начинает развиваться демократическая практика политического сосуществования. Появляется такое качество политической системы, как публичная и легитимная борьба за государственную власть, которая создает условия для политической самоорганизации общества. В это время в Грузии из подполья выходят диссидентские организации, создаются массовые общественно-политические организации - Народный фронт Грузии, общество Ильи Чавчавадзе. Аналогичные организации создаются и в Молдове - Демократическое движение Молдовы (1988-1989) Народный фронт Молдовы(1989-1992) „Движение за национального возрождения, которая стала отправной точкой развития партии и демократии в Молдове.(5) Грузинским эквивалентом этой организации можно считать общество Ильи Чавчавадзе из которого также вышли ряд партий.

В Молдове либерализация в демократизацию переходит в 1990 году, когда были проведены первые конкурентные выборы в этой республике. 27 августа 1991 года парламент провозгласил независимость Молдовы. Общей особенностью демократизации Молдовы и Грузии является то, что ее первая стадия - либерализация проходила в общем государстве и поэтому она имела общие черты. Переход из либерализации в демократизацию развивается уже в разных независимых государствах. Поэтому ее траекторий существенно различаются в этих республиках. На первых этапах развития посткоммунизма в Грузии переход либерализации в стадию демократизации был остановлен поворотом к авторитаризму, тогда как в Молдове либерализация в демократизацию переходит без таких поворотов, если не считать 2009 год, когда усиление авторитарного вектора развития сравнительно легко был блокирован общественной активностью. Это указывает на то, что сопротивление авторитарного вектора процессу демократизации было слабее в Молдов, чем в Грузии, которая отличалась сильным сращиванием харизматических лидеров с государством. После гражданской войны Грузия вновь возвращается на вектор либерализации, который заканчивается первыми постсоветскими демократическими выборами 2003 года, которые могли бы стать началом процесса демократизации, но государственный переворот(«Революция Роз») вновь прервал этот процесс.

Первые демократические выборы в Грузии были проведены 1990 году, когда Грузия находилась в составе СССР. 28 Октября 1990 года проходят выборы в верховный совет Грузинской ССР, на котором одерживает победу национальный

блок во главе с З. Гамсахурдиа. 14 ноября 1990 года верховный совет его избирает своим председателем. 31 марта 1991 года в республике прошел референдум о восстановлении государственной независимости Грузии. За независимость проголосовали 98,93%(при явке 90%). 9 Апреля 1991 в 12 часов 30 минут Верховный Совет Грузии принял Акт о восстановлении государственности Грузии. 14 апреля на чрезвычайной заседании сессии Верховного Совета президентом независимой Грузии был избран З. Гамсахурдиа. 26 мая 1991 года состоялись всеобщие президентские выборы на которых победу одержал З. Гамсахурдиа набрав 87% голосов. После этих первых демократических выборов в Грузии выборы теряют демократический характер. Главной их функцией становится легитимация существующих лидеров. Государственный переворот и смещение Гамсахурдиа были легитимизированы именно всеобщими выборами. Они начинают прикрывать усиление авторитарного правления и сращивание национального лидера с государством. Этот последний процесс начинается сразу же после приобретения Грузией независимости. Сначала он был приостановлен свержением Гамсахурдиа. Несмотря на это, сращивание лидера с государством вновь повторяется и достигает свою вершину при правлении Саакашвили. Сращивание лидера с государством являлась существенной особенностью, которая отличала посткоммунистическое развитие Грузии от Молдовы. На основе его силы можно судить об успехах демократизации в Грузии и Молдове. Для измерения степени сращивания лидера с государством можно использовать данные, которые показывают сколько раз произошла смена лидеров на основе демократических выборов, после первых выборов, которые привели к выходу этих республик из состава СССР. На этой основе можно судить также о силе векторов демократизации и авторитаризма в этих республиках. Если в качестве измерителя демократизации принять количество смены политических лидеров за последний 21 год, который показывает силу сращивания лидера с государством, окажется, что вектор демократизации в Молдове сильнее чем в Грузии. За период 1991-2012 годов (21 год) в Грузии всего три раза произошла смена лидера – двое из них в результате государственного переворота, а третий через демократических выборов, которые были проведены после провозглашения чрезвычайного положения, острейших конфликтов властвующей элиты с обществом и контрэлитой и нажима США. Первый президент Грузии Гамсахурдиа продержался всего один год (октябрь 1990- декабря 1991); Эдуард Шеварднадзе правил Грузией 11 лет (1992 – 2004); Михаил Саакашвили 9лет (2004 - 2012). Первый из них пришел к власти демократическими выборами (Гамсахурдиа) и ушел в результате государственного переворота. Второй пришел и ушел в результате переворотов (Шеварднадзе); третий пришел к власти после государственного переворота и ушел в результате проведения вынужденных демократических выборов.

В Молдове за этот же период (21 год) сменились 6 президентов и все приходили через демократические выборы и уходили в результате таких же выборов:

Мирча Снегур	(1991 23 . 05-1991-8 .12) (1991 -1996 года)
Петр Лучинский- Владимир Воронин	(1996 -2001) (2001-2005) (2005 -2009)
Михай Гимпу (ВРИО) декабря)	(2009 сентября-2010
Луппу Маррианн (ВРИО)	(2010.28 12. - -2012 .23.03)
Николай Тимофти	(2012)

Из шести президентов постсоветской Молдовы только один - Воронин находился на посту президента два срока. Но, после массового протеста против его авторитарного правления, в котором явно проявлялся тенденция сращивания государство с лидером, он был вынужденным оставить этот пост и назначить внеочередные выборы парламента. Из шести президентов двое являлись временными исполняющими обязанности президента. Этот последний факт указывает на трудности формирования правительства в условиях парламентской республики, которая не только осложнила формирование правительства в условиях парламентского режима, но также способствовала усилению авторитарных тенденций. Именно с целью их блокирования была внесена конституционная поправка в конституции Республики Молдова, в результате чего она из полу президентской республики превратилась в парламентскую. Это произошло в результате острой борьбы между президентом и парламентом, в которой конституционный суд сохранял свою нейтральность.(10) Но такое изменение не привело к усилению демократии. Напротив, она стала менее консолидированной. (11.30 Парламентская республика в Молдове не смогла предотвратить рецидивы усиления автократии. Если при полу - президентском правлении, парламент оказался эффективным противовесом расширения президентской власти и превратил Молдову в парламентскую республику, в условиях парламентской республики он оказался неспособным ограничить президентскую власть. Поэтому противоречие между демократическими и авторитарными векторами развития приняло форму острого конфликта, который перерос в физическое столкновение вне стен парламента, в результате чего произошла смена правительства через досрочных и легитимных выборов и Молдова вернулась на рельсы демократического развития. Такой же конфликт между авторитаризмом и демократическим вектором развития произошел и в Грузии в 2007 году. Тогда против участников массовых мирных акций, которые выступали против режима Саакашвили, были применены газы, резиновые пули и спецназ. Спецназ ворвался в здание оппозиционного телевидения «Имеди» и разгромил его. Было провозглашено чрезвычайное положение. На улицах вывели войска. Несмотря на это Саакашвили был вынужден формально уйти в отставку и назначить внеочередные президентские выборы, хотя реальная власть оставалась в его руках. Были запрещены вещание

всех телевидений, кроме проправительственной «Рустави 2». «Имеди» возобновил вещание только за пять дней до выборов. Несмотря на это Саакашвили проиграл выборы в Тбилиси, но победил за счет регионов, где значительно легче было использование административных ресурсов, фальсифицирование результатов голосования и вещание вел единственный телеканал «Рустави -2».

Сравнение этих двух случаев конфликтов между авторитарного и демократического векторов развития показывает разницу в силе векторов демократического развития Грузии и в Молдове. Эти случаи показывают также значение конфликтов в условиях эмуляционных демократий для защиты и усиления демократического вектора развития. В обоих случаях легитимный, законный конфликт между правительством и обществом заблокировал усиление авторитарного вектора. Но в Молдове он носил менее острый характер, были проведены легитимные выборы и произошла смена власти. В Грузии этот конфликт имел более острый характер, были проведены недемократические выборы, не произошла смена правительства, страна осталась в условиях авторитарного правления. Поэтому после выборов оппозиция продолжала борьбу (например, город Тбилиси она объявила городом тюремных камер) но безрезультатно.

В Молдове, в условиях парламентской республики, после 2009 года уже во второй раз, в 2015 году начался массовый перманентный протест против правительства, в процессе которого был создан палаточный городок в Кишиневе и который продолжался зимой 2016 года. В результате этой акции, решением конституционного суда Молдова вернулась к всенародным выборам президента. (12)

Массовые противостояния правительства и оппозиции в Молдове напоминает такие же акции протеста в Грузии, которые происходили во время правления Саакашвили. Но в Молдове они оказались более эффективными. Это говорит о том, что в Молдове демократия имеет более глубокие корни, чем в Грузии.

Опыт Грузии и Молдовы показывает, что успех демократии зависит не от институционального дизайна власти, а от развития всех компонентов политической системы. При Шеварднадзе, когда Грузия представляла президентскую республику, такие качества демократии, как свобода прессы и гражданское общества были сильнее, чем при правлении Саакашвили, когда она представляла полупрезидентскую республику. Тогда парламент более эффективно осуществлял роль противовеса президентской власти, чем при Саакашвили. Именно об этом говорит тот факт, что за период правления Шеварднадзе, парламентом не были приняты на рассмотрения приблизительно до 200 законопроектов подготовленных исполнительной властью, что было абсолютно невозможно при правлении Саакашвили. Гражданская война, слабая институционализация оппозиционных политических партии, их слабое влияние являлись главными препятствиями для перехода либерализации в демократизацию в эпоху Шеварднадзе. Но в конце его правления, когда должна была произойти смена лидера, распад политической элиты способствовал началу перехода либерализации в демократизацию, которая была заблокирована государственным переворотом т. н.» Революцией Роз».

Сравнительно высокий уровень институционализации партийной системы и политических партий является показателем более высокого уровня демократизации Молдовы по сравнению с Грузией. По поводу институционализации политических партий и партийной системы Молдовы не существует согласия. Многие Молдавские авторы считают, что в Молдове вообще не существуют партий, однако, по мнению американского исследователя Джонатана Риггса, партийная система Молдовы является институционализированной. По его словам Молдавские партии предохраняют структурную независимость политической сферы от государственного контроля, предотвращают реконструкцию авторитарного государства. (Who's Attending The Party? Elections, Parties, and Democratization in Postcommunist States (13) Однако другие авторы развивают совершенно другой взгляд о Молдавских партиях: «легитимация молдавской многопартийности остается неполной, в какой-то мере условной, поскольку сам процесс развития политических партий по прежнему находится на этапе становления. К основным причинам такого состояния политических партий следует отнести незавершенность новой стратификации общества, непроявленность общих и политических интересов различных слоев и групп населения, отчужденность значительной части населения от системы власти и государства, размытость идейно-политических интересов, отсутствие национальной идеи, воспринятой широкими слоями общества, противоречивый ход демократических преобразований в стране .как следствие, остаётся актуальным вопрос о реальной многопартийности и партийной реформе как части общегосударственных усилий по оптимизации политической системы Молдовы» (14) Виктор Жук считает, что партии в республике Молдова являются партиями лидеров и премьер-министров и после падения рейтингов президентов они теряют свой электоральный вес. Он подчеркивает также одну особенность Молдавского электората - несмотря на то, что он не доверяет политическим партиям, всё же не голосует за независимых кандидатов(15,29) Социолог Владимир Блажко подчеркивает такие особенности политических партии Молдовы, как отсутствие устойчивых страт политической поддержки, а также оторванность престижа партии от рейтинга лидера. Он приводит конкретный пример этого . По его словам процент доверия парламентским партиям за последние годы снижается, но рейтинг их лидеров по «прежнему» наиболее высоки среди политиков во власти. Доверие Либерально-демократической партии снизился с 39,2% до 38,0%; Демократической партии с 40% до 28%; Либеральной партии с 33,1% до 32%; у оппозиционной партии коммунистов с 38,8% до 34%. Одновременно рейтинг лидеров этих партии остается по прежнему самый высокий среди тех политиков, которые находятся во власти– Ю.Лянке (ЛДПМ -10%) В.Филат (ЛДПМ – 5%), В.Воронин (ПКРМ – 14%), М.Лупу (ДП – 5%). (16. 59) Такая оторванность рейтингов партий от рейтингов своих лидеров также характеризует грузинскую политику, но в отличие от Молдовы, здесь рейтинги лидеров выше рейтингов своих партии. Из приведенной выше данных видно, что несмотря на то, что рейтинги партии падают, а рейтинги их лидеров не изменяются, рейтинги партий намного выше рейтингов

своих лидеров. Это указывает на центральную роль политических партий в политическом процессе Молдовы. Об этом говорит и тот факт, что независимые кандидаты не побеждают в Молдавских выборах.

Легитимным является вопрос - почему существует такое разногласие относительно молдавских партии? По нашему мнению, если судить по внешним признакам, партии в Молдове хорошо организованы, партийная система соответствует всем четырем критериям институционализации партийной системы, которые лежат в основе рассуждения Риггса о молдавских партиях. По нашему мнению, эти критерии в основном ориентированы на внешние черты партийной системы. В отличие от него, другие ученые, которым хорошо знакома действительна ситуация, стараются заглянуть внутри партийных организаций. Правда находится где-то в середине. В Молдове развита партийная организация, но политическая идентичность партий сравнительно слабо артикулируется в политическом процессе. Поэтому они слабо идентифицируют, обозначают разные стороны политического процесса. Это особенно хорошо проявился во время нахождения компартии у власти, когда она отказалась от всех своих предвыборных обещаний. В этом проявился ритуальность, инструментальный характер политической программы, которая ориентирована не на реальные изменения, а на привлечения избирателей. Также можно охарактеризовать программы грузинских партий. Поэтому, здесь партия которая называет себя правой может иметь левую программу или же находится в составе коалиции, которая проводит левоцентристскую политику. Именно в этом проявляется эмулятивный характер как партии так и всей политической системы. Такое положение можно объяснить тем, что создание партийной организации предшествует формированию противоречивых интересов разных частей системы социальной стратификации, которые противопоставляют участников материального производства друг другу. Видимо такие противоречие еще не развиты, или же пока они очень слабы. Поэтому как идеологии, так и политические программы носят в основном ритуальный характер. Партии не могут создавать контраст в политическом процессе на основе своего идеологического и политического профиля. Если в Молдове еще можно разделить партий по своим геополитическим ориентациям на две группы – пророссийские и проевропейские, то в Грузии даже такое деление невозможно – все основные партии подчеркивают свои проевропейские ориентаций. Там пророссийский спектр пока еще слабо артикулировано в политическом процессе, хотя идет его усиление. В Грузии он значительно сильнее латентно, чем можно судить о нем по заявлениям участников политического процесса. Несмотря на то, что партийные организаций в Молдове развиты сильнее чем в Грузии, их идеологический и политический (если не считать геополитический) профиль так же размыт, как и в Грузии. Они имеют искусственный характер и почти никакой роли не играют в создании социальных баз партии. В этом проявляется слабая роль политических партии в политической социализации, что является главной причиной узости и слабости социальных баз Грузинских партии. Они не ведут

коммуникационную активность для увеличения членского корпуса. Создание идеологического и политического образа партий почти никакой роли не играет в политической коммуникации. Видимо также можно характеризовать коммуникативную активность молдавских партий. По свидетельству Молдавских социологов «говоря о текущих избирательных платформах, в них отсутствует классовая сознательность» (17, 40) По наблюдению другого автора: »В Молдове, несмотря на попытки ведущих политических партий как-то обозначить свою доктринальную принадлежность, партийные идеологии остаются нечетко сформулированными, с набором недостаточно ясно сформулированных принципов и ценностей, а их роль и в партийном строительстве по-прежнему незначительна». (14) Несмотря на развитую партийную организацию и их центральной роли в политическом процессе, они прикрывают неформальные центры власти и влияния, которые реально контролируют политический процесс. Молдавские авторы подчеркивают олигархизацию политического процесса и превращения политических организации в простой товар: «Олигархизация политического процесса, превращение политических организаций в объект купли-продажи и инструмент в политической конкуренции, широкое использование так называемого «электорального маркетинга», а также интернет технологий для взятия власти в государстве, создают реальные предпосылки для циничного массового манипулирования людьми и их рекрутирования для достижения узкогрупповых целей.» (Идеология партии и политическая культура. 19 сентября 2011. MOLDOVENII (moldovenii.md/ru/section/602) Нужно отметить, что в Грузии не развита купля - продажа политических организаций. Это можно объяснить тем, что по сравнению с Молдовой они слабую роль играют в политической жизни этой республики и их легко создавать. В купле-продаже политических партий проявляется значение этих организации как инструментов достижения и осуществления власти, их центральное место в политическом процессе. В Грузии также актуальна роль денег и бизнес интересов как , но по сравнению с Молдовой не они доминируют над государством, а государственная власть доминирует над ними и подчиняет их политическим интересам господствующей политической элиты.

В Молдове крупный бизнес подчиняет себе государство через политические партии, а в Грузии господства бюрократии и слабость политических партии обеспечивают подчинение бизнеса интересам правящей группы для обеспечения их финансами. Политические партии в Молдове подчиняют государство контролю бизнеса. Именно об этом свидетельствуют слова бывшего министра финансов Молдовы Вячеслава Негруцы. По его мнению, центры принятия решения в республике Молдова находятся за пределами исполнительной, законодательной и судебной власти, в таком месте, где отсутствует интерес в прозрачности процесса принятия решения. (18) По его словам «Этими процессами не обязательно управляют лидеры партий, но они являются частью сценария, который запускается за пределами зданий правительства и парламента. Такие вещи очень хорошо всем

известны... Они выработывают решение, а государственные институты используются для прикрытия и придания законности решениям, принятым в другом месте. Речь идет о решениях, связанных с бизнесом, политических или иных, проводимых через людей, которые были поставлены на должности для их выполнения. Поставившие их на должности были уверены в том, что у этих людей не будет возможности сделать шаг назад и что они в точности будут выполнять то, что им сказано»(18)

По нашему мнению, политическая система и партий в Молдове более институционализированы чем в Грузии. Политические партии Молдовы автономны от политического лидерства, а их проникновение в обществе глубже, чем в Грузии. Они стабильны - после ухода с власти они не прекращают существование. Критерием проникновения партии в обществе мы считаем не только размер и стабильность электората данной партии, но также и количество членов, охват партийной организацией всей страны, развитие внутрипартийной жизни и внутрипартийного менеджмента. Партийная организация, внутрипартийная жизнь и внутрипартийный менеджмент в Молдове развиты сильнее чем в Грузии. Сеть партийных организаций в Молдове шире. В этом большую роль играет партийное законодательство. Молдавское законодательство сильнее ориентировано на партийное строительство чем Грузинское. Например, в законе республики Молдова о Партиях указывается, что политические партий организуются по принципу административно-территориального устройства республики Молдова. Число членов политических партии не должна быть менее 4000. Во время учреждения партии ее члены должны проживать не менее чем в половине административно-территориальных единиц Республики Молдова второго уровня и при этом иметь не менее 120 членов в каждой из указанных административно-территориальных единиц. В законодательстве Молдовы предусмотрены не только организационная структура центральных органов партии, но также и их местных органов. Закон требует, чтобы партия имела не только центральные органы, но также и территориальные организации:» такие руководящие органы, как общее собрание членов или собрание их делегатов, и исполнительный орган независимо от их наименования согласно уставу партии являются обязательными для любой политической партии. Они действуют как на центральном уровне управления партией, так и на уровне ее территориальных организаций. Законодательством Молдовы предусмотрено, чтобы партия глубоко проникала общества и сблизилась с ним». (19) Грузинское законодательство о партиях отличается более либеральными требованиями. Так, для учреждения партии достаточно провести учредительное собрание в составе 300 человек. Для ее регистрации нужно представить список тысяча членов партии. Партии могут создавать местные организации, но это не обязательно для них. (20) Партийное Законодательство Грузии ориентировано на то, чтобы вся работа партии сосредоточивалась в центральном офисе, оно не ориентировано на партийное строительство. Для юридического создания политической партии в Молдове ее регистрацию должна предшествовать

организационно - партийная работа, создание местных организаций и довольно широкого членского корпуса, что требует проведения довольно широкой организационной работы. Поэтому Молдавские партии имеют более массовый характер, чем их грузинские аналоги. Поэтому количество членов партии в Молдове больше чем в Грузии, хотя составляет всего 6 процентов населения. По данным 2012 года, Партия Социалистов Молдовы имела 8 000 членов и свою еженедельную газету (21), а Либерально-демократическая партия Молдовы насчитывала 43 000 членов(22)К Марту 2011 года, Партия коммунистов республика Молдовы имела приблизительно 30 000 членов. (23) На основе сравнения партийных организаций этих республик можем заключить, что организационная культура в Молдове выше, чем в Грузии.

В отличие от Грузии партии в Молдове находятся в центре политического процесса. Поэтому в Молдове политический процесс является менее персонализированным, чем в Грузии. О степени персонализации политического процесса можно судить по соотношению рейтингов политических партий и их лидеров. Чем больше будет превосходить рейтинг партии рейтинг ее лидера, тем сильнее будет политический процесс концентрирован вокруг партий и менее персонализированным. В Молдове рейтинги основных партий выше, чем рейтинги их лидеров, а в Грузии, напротив, лидеры создают рейтинги партий. В 2014 году объединение социологов и демографов Молдовы провел опрос общественного мнения, который дает возможность сравнить рейтинги партий и их лидеров (см. 17, 39-40). Это сравнение дает следующие результаты:

В. Воронин (лидер компартии)-	20,4 %
Компартия-	38%
Ю. Ленке (первый заместитель председателя ЛДПМ 2011-2015)	-20,4 %
ЛДПМ-	34%
В. Филат(лидер ЛДПМ 2007 -2015)	18,2 %
ЛДПМ-	34%
М.Лупу (лидер демократической партии Молдовы)	7,1 %
Демократическая партия –	30%
И. Додон(лидер социалистов)	6,8 %
Партия Социалистов -	24%
Д. Киртоаке (Мэр Кишинева, Либеральная партия)	5.4 %
Либеральная Партия-	28%
Михайл Гимпу (лидер либеральной партии)	2,2 %
Либеральная партия –	28%
Сергей Мокану (лидер народного движения «антимафия») 1 %	Народное движение«Антимафия»-14%
И.Корман (вице-председатель демократической партии Молдовы)	1%
Демократическая партия -	30%

Эти данные показывают соотношение рейтингов партии и их лидеров в 2014 году. После этого в политической жизни Молдовы происходят серьезные

изменения, в результате чего, например, компартия, которая в вышеприведенном списке занимала первое место по рейтингу, теряет значительное количество своих представителей в парламенте. Так как нашей целью является не исследование рейтингов отдельных партии и лидеров, а выявление соотношения рейтингов партии и их лидеров, по нашему мнению, вышеприведенные данные точно показывают основную картину соотношения рейтингов лидеров и партии, центральное место политических партии в политическом процессе, партийный характер политической системы Молдовы.

Институционализация политических партии и партийной системы усиливает роль парламента в Молдове, что подчиняет государство партийному контролю. Поэтому государство в Молдове представляет партийное государство. В отличие от Молдовы политические партии в Грузии играют вспомогательную роль в политическом процессе, в центре которых стоят политические лидеры. Функцией Грузинских партий является создание политических лидеров, превращение отдельных политиков и парламентариев в лидеры и таким образом повышение их значение в политическом процессе. Успех и влияние партии зависит от рейтинга его лидера. Лидер победившей партии, который становится лидером исполнительной власти и руководителем бюрократии, подчиняет своей воле парламент и обеспечивает господство бюрократии. Поэтому мы считаем, что в отличие от Молдовы в Грузии сформировалось непартийное государство.

Заключение

В Грузии и Молдове процессы демократизаций происходят в эмуляционных политических системах, которые участвуют в формирование социально – стратификационной и экономической систем новых обществ, которые находятся в процессе становления в этих республиках. Поэтому Политический процесс в этих странах функционирует в условиях несформированного общественного контекста, что влияет и во многом определяет особенности функционирования их политических систем. Грузия и Молдова являются эмуляционными демократиями, которые характеризуются противостоянием авторитарного и демократического векторов развития, наличием имитационных (симуляционных) политических акторов и таких же политических идентичностей, артикуляцией имитационных интересов. Наряду с имитационными элементами в этих системах существуют также и эмуляционные элементы. Нужно различать друг от друга эмуляционные и имитативные элементы политических систем Грузии и Молдовы. Эмуляционные элементы – это такие заимствованные элементы форма и содержание которых совпадают друг с другом. Имитативные элементы, как и эмуляционные, являются заимствованными, но в отличие от них, они симулируют объектов заимствования.

Молдова является партийным государством, где демократический вектор развития сильнее авторитарного. Грузия – непартийное государство, где авторитарный вектор развития по силе превосходит демократического. Существенно различаются также политические культуры Грузии и Молдовы.

Литература

1. Политические партии- самый прибыльный бизнес в РМ. 15 октября 2012, время 10:50 timpul.md. //www.timpul.md/ru/articol/Politiceskie-partii-samii-pribilnii-biznes-v-RM-37889.html 1.
2. В Молдавии нет политических партий, страну захватили гангстеры(Новость плюс комментарий.Издание Центра Развития независимого телевидения)<http://www.newscom.md/rus/v-moldavii-net-politicheskikh-partij-stranu-zahvatili-gangsteri.html>
3. www. [geostat.ge/?action=page@p_id=151@lang=geo](http://www.geostat.ge/?action=page@p_id=151@lang=geo)
4. Timpul.md 1 февраль 2016, время 12: 41(<http://www.timpul.md/ru/articol/Doloi-RM-87287.html>)
5. Игорь Боцан. 3.12. 2008. Партии и Демократия Республики Молдова. http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/2008_1203
6. <http://www.merriam-webster.com/dictionary/emulation>
7. Иммитация <http://ru.wiktionary.org/wiki/иммитация>
8. В.Ю. Котосонов проф., д. н.стр. 4 COMMUNITARIAN.RU/PUBLIKACII/ISTORIYA_ROSSII/TENEVAYA_EKONOMIKA_V_SSSR_04022014/
9. Еуджениу Штирбу. Развитие демократических процессов в республике Молдова. Текущие Тенденции Политического Расслоения в Республике Молдова. В сб.,Процессы Демократизации В Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно- практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/uploads/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf стр.22
10. Kamika Matsuzato. Differing Dynamics of semipresidentialism across Euro/euroasion Borders:Ukraine, Lithuania, Poland , Moldova and Armenia. p.340(<http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/democratizatsiaya%20archive>
- 11.(Eugene Mazo. Post-Communist ParadoxHow the Rise of Parliamentarism Coincided with the Demise of Pluralism in Moldova . Center on Democracy, Development, and the Rule of Law Stanford Institute for International Studies. Number 17 27 August 2004. p.30 (<http://cddrl.stanford.edu.ge>)
12. Вести.Ru. www.vesti.ru/doc.html?id=2727719@tid=108623
13. Who's Attending The Party? Elections, Parties, and Democratization in Postcommunist States (Dissretation , Submitted Tj the Faculty Of The Graduate School in Candidacy For the Degree of Doctor of Philosophy Prigramm in Political Science By Jonathan W. Riggs, Chicago . Chapter Six Moldova. Introduction . http://eccomons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1543@context=luc_diss
14. Идеология партии и политическая культура .19 сентября 2011. MOLDOVENII (moldovenii.md/ru/section/602
15. Виктор Жук Демократизация политической системы в республике Молдова в контексте оценки Европейских перспектив Текущие Тенденции Политического Расслоения в Республике Молдова. Процессы Демократизации в

Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно - практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf

16. Владимир Блажко. Влияние Политической Стратификации На Избирательные Кампании Республики Молдова. Процессы Демократизации в Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно - практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)

17. Виктор Мокану, Ион Мокану. Текущие Тенденции Политического Расслоения в Республике Молдова. В сб.,Процессы Демократизации В Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно-практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf

18. Вячеслав Негруца: Власти хотят организовать ограбление банковского сектора. (point.md/ru/novosti/politika/vyacheslav-negruca58-vlasti-hotyat-organizovatj-ograblenie-bankovskogo-sektora

19. Закон Республики Молдова от 21 декабря 2007 года №294 –XVI

20. Органический закон Грузии о Политических объединениях граждан [http. matsne.gov.ge /ru/document /download/ 28324/15/ru/pdf](http://matsne.gov.ge/ru/document/download/28324/15/ru/pdf)

21. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Партия социалистов Республики Молдова](https://ru.wikipedia.org/wiki/Партия_социалистов_Республики_Молдова)

22. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

23. ([https://ru.wikipedia-org/wiki/Партия коммунистов Республики Молдова](https://ru.wikipedia-org/wiki/Партия_коммунистов_Республики_Молдова)

ДАРБАИДЗЕ Эка

Ассистент-исследователь Института политологии

Государственного университета Ильи

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1990, 1992 и 1995 ГГ.)

Women's political participation is an internationally agreed women's human right. The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW) stipulates equality between women and men in terms of access to, and opportunities in, political and public life, including the right to vote and stand for election. Gender equality is an integral part of the democratic values. Men and women have equal rights to participate in all spheres of private and public life. Women's political participation in representative bodies of the country while increase their active participation in democratic process and will contribute to the successful implementation of the political and social processes. Low representation of women in parliament affects its representativeness and undermines the quality, inclusiveness, and effectiveness of the democratic debate and policy development.

In 90s in the wake of the Soviet collapse, when the country's national liberation movement has spread, women were active participants in this process. Restoration of the independence of the country was going under economic and political challenges. Naturally women's participation and their representation in the legislative body didn't become the political agenda for the government and no steps were taken in that direction.

It's highly interesting to analyze how female candidates nominated by political organizations were represented in the legislative body after the parliamentary election in the 1990-1995 period and how much attention was paid to the issue of women as the beneficiaries in the policy platforms of the political parties.

Гендерное равенство является неотъемлемой частью демократических ценностей, подразумевающее равные права и участие мужчины и женщины во всех сферах частной и общественной жизни. Активное участие женщин в политической жизни и представительных органах страны повысит качество демократии в Грузии и будет способствовать успешному осуществлению политических и социальных процессов в стране.

В 90-е годы на фоне распада Советского Союза, когда в стране широко развернулось национально-освободительное движение, женщины были активными участниками этого процесса. После восстановления независимости Грузии, на фоне очень сложных экономических и политических проблем, разумеется, на политической повестке дня фактически не обсуждался вопрос, и не принимались

действенные меры по обеспечению увеличения участия женщин в политике и их представительства.

Политические партии являются основными субъектами политических отношений в демократическом обществе, и играют важную роль в установлении социальной справедливости и гендерного равенства, а также защите прав женщин. Политические партии остаются основным инструментом на пути продвижения женщин в политике, и играют ведущую роль в процессе рекрутинга и номинирования кандидатов. Соответственно, увеличение числа женщин в законодательных органах страны без поддержки политических партий и эффективных шагов, предпринятых ими в этом направлении, фактически, невозможно.

В Верховном Совете страны, созданном в результате демократических выборов, впервые проведенных 28 октября 1990 года в масштабе всей страны, женщины составляли только 7,2%. Ситуация в плане политического представительства женщин не улучшилась также в парламентских выборах последующего созыва. Крайне интересно проанализировать, каким было представительство женщин в законодательном органе Грузии после проведения парламентских выборов 1990-1995 годов; в каком количестве были представлены женщины-кандидаты в партийных списках тогдашних политических организаций, и какое место было уделено вопросу о положении женщин вообще и женщин в целом, в качестве политических бенефициаров предвыборных платформ указанных политических партий.

28 октября 1990 года в Грузии впервые были проведены многопартийные выборы с участием 14 политических партий и партийных блоков. Выборы были проведены по смешанной избирательной системе. 4%-ый барьер для получения 250 депутатских мандатов Верховного Совета преодолели и получили мандаты по пропорциональной системе выборов только две политические силы – блок «Круглый стол – Свободная Грузия» (81 место) и Коммунистическая партия Грузии (44 депутата). По мажоритарной системе места перераспределились следующим образом: «Круглый стол – Свободная Грузия» – 43 депутата, Компартия – 17 депутатов, «Народный фронт» – 11 депутатов, «Демократическая Грузия» – 2 депутата, «Общество Шота Руставели» – 1 депутат.

Блок «Круглый стол – Свободная Грузия» на многопартийных выборах 1990 года представил 247 кандидатов, из которых 23 были женщины. С точки зрения гендерного баланса списки десятков также были укомплектованы не лучшим образом. В первые пять десятков блок «Круглый стол – Свободная Грузия» ввел всего двух кандидатов, первого сорок первым, а второго сорок третьим.

Что касается «Коммунистической партии Грузии», на выборах ею было представлено 246 кандидатов, в том числе 26 женщин. В первых пяти десятках блок был представлен всего четырьмя женщинами-кандидатами. Женщины в партийном списке были представлены в следующем порядке: в первом десятке на восьмом, во

втором десятке на восемнадцатом и двадцатом, и в четвертом десятке на тридцать шестом месте. Фактически можно сказать, что упомянутые выше цифры являются крайне тревожными с точки зрения гендерного равенства.

Из 81-го кандидата блока «Круглый стол – Свободная Грузия», прошедших после выборов по пропорциональной системе, только 8 были женщины. В Верховном Совете среди 44-х депутатов Коммунистической партии, прошедших по пропорциональной системе, было 4 женщины. Также по мажоритарной системе из регионов прошли 2 женщины из блока «Круглый стол – Свободная Грузия».

Избирательная платформа блока «Круглый стол – Свободная Грузия» реально отображала существующие в тогдашней Грузии проблемы. Основной проблемой для стран, находящихся на переходном этапе оставалась необходимость восстановления независимости страны и распространение ее юрисдикции по всей территории Грузии. В дополнение к основным принципам, о которых шла речь в политической платформе, предусматривающим восстановление независимости и суверенитета страны, в ней также сформулированы были вопросы необходимости формирования исполнительных органов, реформы судебной системы и разделения ветвей власти.

Защита прав человека и гражданской толерантности, один из главных пунктов в платформе блока, где говорилось, что «Партия нацелена на то, чтобы вновь избранный в переходный период Верховный Совет обеспечил защиту правовых гарантий граждан в стране, и гарантировал равноправие всем гражданам Грузии в переходный период, опираясь на Всеобщую декларацию защиты прав человека Организации объединенных наций, на заключительные акты международных соглашений Хельсинки и Вены» (Республика Грузия, 1990). Как мы можем видеть, избирательная платформа этого блока даже мимоходом нигде не касается вопроса женщины и женской проблематики.

Как уже отмечалось, женщины в грузинскую политику в основном приходят из политических партий. Интересно, какая тенденция утвердилась в связи с этим вопросом с первых лет получения независимости. В предвыборных программах партий того периода практически нет упоминания о правах женщин, их участии и необходимости увеличения их представительства в политике, что адекватно отражено в списках, представленных политическими партиями, в которых женщины находятся в основном в самом конце списка, и в очень небольшом количестве.

Избранный в результате парламентских выборов 11 октября 1992 года, новый Парламент отличался особенным разнообразием партий и политических групп. Согласно данным Центральной избирательной комиссии на 1992 год в указанных выборах в общей сложности смогли получить мандаты всего 32 партии и 4 блока. Опираясь на данные Центральной избирательной комиссии, в выборах 1992 года всего по пропорциональной системе было избрано 12 женщин и 148 мужчин, а по мажоритарной системе – 82 мужчины и 2 женщины, в Сабурталинском районе Иза

Орджоникидзе, а в районе Местиа Лия Цинделиани. В целом, на выборах 1992 года были представлены 250 кандидатов, в том числе 14 женщин.

В Парламентских выборах 1992 года, наибольшее количество женщин представили следующие политические партии: «Союз Детей Божьих Грузии» (партия выдвинула 94-х кандидатов, 32 из них были женщины), а также «Партия дружбы народов и справедливости» (из представленных в списке 97-и кандидатов была 31 женщина). Наименьшее количество кандидатов-женщин представила «Партия национальной независимости Грузии», в списке кандидатов партии из 114 человек была только одна женщина.

В избирательных программах, представленных на парламентских выборах 1992 года политическими партиями и блоками, акцент в основном делается на содействие и формирование в стране гражданского общества, необходимость развития рыночной экономики, социальную проблематику населения и пути ее решения. Единственная политическая партия, которая в отличие от платформ других партий, активно выступала за равенство людей перед законом, была партия «Зеленых». Хотя следует отметить, что их утверждение было такое же обобщенное и опосредованное, как запись в Конституции о сотрудничестве людей, так как партия ничего не говорила о правах женщин и необходимости расширения их участия в политической и общественной жизни.

Следует отметить, что в период парламентских выборов 1992 года, для страны, находящейся на пути переходного периода, задачи и цели были совершенно иными. Основной акцент в стране делался на социально-экономические, коррупционные проблемы, проблемы насилия и дискриминации, что в дальнейшем последовательно отразилось в политических платформах партий. Вопрос участия женщин в тот период, а также в период последующих парламентских выборов, представлялся наименее значимой проблемой для политических партий.

В Грузии в выборах 5 ноября 1995 года в общей сложности принимали участие 54 партии и 7 политических блоков. Согласно итоговому протоколу Центральной избирательной комиссии Грузии от 16 ноября 1995 года, в первом туре по мажоритарной системе из 85 одномандатных округов выборы были назначены в 77-и. Всего в первом туре было избрано 32 мажоритарных кандидата, из них ни одной женщины. Что касается одномандатных округов, из 54-х партий 5% барьер преодолели только три политические партии. Соответственно, «Союз граждан Грузии» с номером 45, набравший 71% голосов смог получить 90 мандатов. «Национально-демократическая партия» с номером 26, набравшая 7,955 голосов, смогла получить 31 мандат. Третья партия, которая перешла барьер и набрав 6,84% голосов получила 25 мандатов, была «Союз возрождения Всея Грузии» с номером 6. В конечном итоге, в парламентских выборах 1995 года всего по пропорциональному списку было избрано 146 депутатов, в том числе 14 женщин. Из «Союза граждан

Грузии» одиннадцать женщин, из «Национально-демократической партии» – одна, а из «Союза возрождения Всея Грузии» – две женщины (см. Рис. 1).

Рис. 1.

Картина представительства женщин в законодательном органе

Дата выборов	Название законодательного органа	Общее количество депутатов	Количество депутатов-женщин	Процентный показатель участия женщин
1990 год	Верховный совет	250	18	7.2%
1992 год	Парламент	222	14	6.3%
1995 год	Парламент	250	16	6.4%

Следует отметить, что, в представленных партиями в парламентских выборах 1995 года предвыборных платформах ни одна из победивших партий не говорила о необходимости расширения участия женщин в политике.

«Союз возрождения Всея Грузии» в своей платформе основной акцент делает на необходимость разделения полномочий между ветвями власти для того, чтобы осуществить разделение функций и нормальное взаимодействие между высшими государственными органами страны и местными органами власти. Кроме того, в платформе партии речь идет о необходимости восстановления юрисдикции Грузии в масштабе всей страны. Социально-экономическая тематика также важна для союза возрождения. В связи с этим, считалось приоритетным привлечение иностранных инвестиций и строительство свободной экономической торговой зоны, улучшение материального благосостояния социально необеспеченного населения и т.д. Факт в том, что перечень предвыборных обещаний и гражданский план «Союза возрождения Всея Грузии» является поверхностным и не включает в себя анализ существующей в стране реальной ситуации и углубленного видения проблемы. В планах партии нигде не говорится об укреплении прав женщин и необходимости активизации их участия в политических процессах.

Что касается «Союза граждан Грузии», в выборах 1995 года партия в основном была сосредоточена на социальной проблематике и создании свободных рабочих мест, а приоритетом в своем плане считала защиту прав человека. В платформе партии подчеркивалось, что только свободное и равноправное окружение может направить страну на путь благосостояния и расцвета, и Грузинское государство должно стать гарантом равноправия всех граждан, независимо от их этнической или религиозной принадлежности. Партия говорит о строительстве такой страны, где все люди будут пользоваться равными правами, однако партия никоим образом не

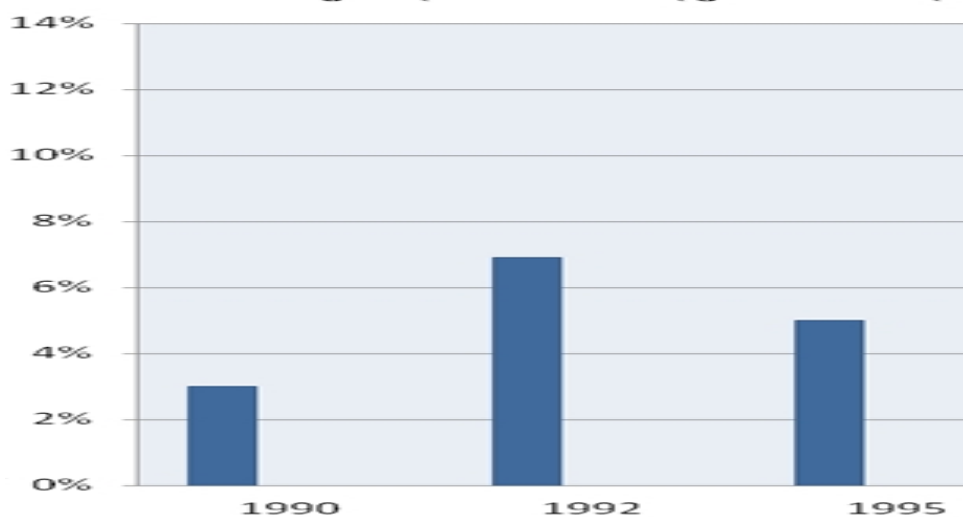
затрагивает вопроса о положении женщин и их проблемах. Из партийной платформы очевидно, что проблема женщин и расширения их участия в политической жизни не являлась актуальным вопросом и для «Союз граждан». Партия ограничивалась общими вопросами защиты прав человека и не ставила целью необходимость защиты политического участия женщин, и защиты прав матерей и детей.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что в парламентских выборах 1995 года, принимала участие партия «Союз защиты женщин». Хотя партия не смогла преодолеть 5% барьер, но даже несмотря на это, полноценное видение развития страны было представлено именно в предвыборной платформе партии «Союз защиты женщин». Эта политическая партия в своей платформе активно говорила о восстановлении территориальной целостности страны. В платформе партии особо подчеркивается верховенство закона, защита свободы личности и развития, формирование правового и демократического гражданского общества.

Значительная часть партийной платформы включает в себя необходимость защиты прав и интересов женщин во всех сферах жизни, а также повышение роли молодежи в управлении и хозяйстве страны. По заявлению «Союза защита женщин» любой гражданин, независимо от его национального или социального происхождения, должен иметь равные условия для реализации собственной личности. «Союз защиты женщин» направляет свои усилия на повышение роли женщин в решении текущих и будущих проблем, будет делать все для повышения роли женщин в управлении государством, в политической жизни, бизнесе, образовании, науке, культуре и сфере искусства. «Мы твердо убеждены, что равноправие, равное распределение обязанностей, равенство возможностей и гармоничное партнерство мужчины и женщины является основной формой последующего развития человечества», – говорится в платформе партии (Республика Грузия, 1995). Именно указанная политическая сила оказалась флагманом среди других участвующих в тогдашних парламентских выборах партий, и первой выступила с инициативой повышения роли женщин, как на законодательном, так и на исполнительном уровнях власти.

Несмотря на четко определенную платформу, к сожалению, «Союзу защиты женщин» не удалось преодолеть обязательного барьера. Это еще раз подтверждает тот факт, что грузинские избиратели в своем выборе редко основываются на рассмотрении предвыборных программ и осмыслении приоритетов. Несмотря на то, что основная часть платформы уделяла внимание увеличению перспектив женщин, к сожалению, партия не смогла также мобилизовать избирателей-женщин.

Рис. 2.

Источник: Центральная избирательная комиссия Грузии.

С точки зрения гендерного равенства первым шагом правительства постсоветской Грузии можно считать тот факт, что в 1994 году Грузия безоговорочно присоединилась к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а чуть позднее, в 1995 году к Пекинской платформе действий и приняла участие в 4-ой Международной женской конференции. Страны, подписавшие указанную выше конвенцию, обязуются защищать и усиливать в собственной стране условия равенства мужчин и женщин, давать женщинам возможность полного и максимального участия в любой общественной сфере: политической, экономической, социальной и медицинской. Цель указанной Конвенция направлена на то, чтобы укрепить в подписавших конвенцию странах ту основную ценность человеческого существования, которая называется равноправием.

Множество политических документов, принятых в Грузии после 1995 года, официально отражали Пекинскую платформу действий. Указом тогдашнего Президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе от 1999 года №20 была создана правительственная Комиссия разработки государственной политики содействия женщинам, которой было поручено осуществлять рекомендации конференции, разработать государственную политику и стратегию с целью обеспечения гендерного равенства. Несмотря на многочисленные недостатки работы Комиссии, ей удалось подготовить проект Указа Президента, а также нескольких стратегических документов, которые обязывали различные государственные институты Грузии защищать права женщин. Указанные документы возлагали различную ответственность на тринадцать правительственных ведомств в деле содействия защиты прав женщин в Грузии и улучшения положения женщин. Эти обязательства включали в себя такие важные обязанности, как разработка более усовершенствованной законодательной базы, которая соответствовала бы международным правовым нормам; разработка специальных программ для

проживающих в деревнях женщин; разработка национального плана действий и мониторинг его выполнения; создание механизма учета случаев домашнего насилия для осуществления чрезвычайных мер по искоренению подобного насилия и т.д.

Несмотря на то, что с 1994 года тогдашнее правительство Грузии с большим вниманием относилось к гендерным вопросам, содействие институциональным механизмам, связанным с правами женщин и гендерным равноправием носило лишь формальный характер, а для осуществления этих механизмов не выделялось ни достаточных средств, ни ресурсов со стороны государства, а самое главное, не было никакого политического желания того, чтобы гендерные вопросы стали одним из основных направлений в процессе принятия государственных решений.

Литература

1. Итоги выборов Верховного Совета Грузии 28 окт. 1990 г. «Коммунисти», 14. 11. 1990, с. 3.
2. Пекинская гражданская платформа (1995).
3. Конституция Грузии (24.08.1995).
4. Избирательная комиссия подвела итоги парламентских выборов 11 окт. 1992г.
«Сакартвелос Республика», 25.10. 1992.
5. Центральная избирательная комиссия Грузии утвердила итоги проведенных 5 н.1995 г.
6. Союз защиты женщин. «Сакартвелос республика», 25.10.1995.
7. Хвичия Г. Женщина и политика, или как увеличить представительство женщин в политике. Женщины и самоуправление. Материалы конференции. Международный центр женского просвещения и информации. Тб., 2001.
8. Хомерики Л. Гендер и политика. Тб., Центр социальных наук., 2006.

ДАРЧАШВИЛИ Манана

Исследователь Института политологии

Государственного университета Ильи

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

In the modern age in Georgia, the discussion about women's involvement in politics has a permanent character. Government tries to follow and establish international standards of gender equality for encouraging women's engagement in politics as well as other areas of state development. These actions will lead to improvement and refining electoral system, in particular proportional electoral system while increasing women's representation.

It is true that Georgian political parties often emphasise and focus on women's representation in politics through their pre-election period, however it is necessary to mention that they have not fulfilled their promises during the last Presidential (2013), Parliamentary (2013) and Local Municipality (2014) elections.

Also there is an obvious interest towards the women's political representation within civil organisations and government agencies, therefore we can hope that in the near future legislative basis will encourage women to participate and engage in politics.

Ключевые слова: политические партии, участие женщин, правительство, Грузия.

На современном этапе, вопрос вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь носит систематический характер. Это очевидно, так как невозможно спокойно воспринимать тот факт, что по представленности женщин в Парламенте Грузия находится среди стран региона ОБСЕ с самым низким показателем, в то время как неоднократно отмечалось, что систематическая вовлеченность женщин способствует усилению политической эффективности и расширению политической повестки дня. Именно поэтому, рядом международных и местных организаций проведено немало мероприятий, служащих устранению этого недостатка в грузинской политической среде⁵³. Участились разговоры о политическом участии женщин, выведении на первый план его позиционной стороны. Таким образом, изучение и анализ действий, связанных с этим вопросом, являются актуальными.

⁵³ 2014 წლის იანვარში საქართველოს პარლამენტის იმპლემენტაციის კომისიის მიერ დაგეგმილი იქნა ქვეყნის მთელი ტერიტორიაზე ქალების პოლიტიკურ მონაწილეობის გაზრდის მიზნით სხვადასხვა ტიპის ღონისძიებების ჩატარება. აღნიშნული ღონისძიებების ფარგლებში, ქვეყნის მთელი ტერიტორიაზე ჩატარდა მრავალი სემინარი, კონფერენცია, მუხრანის კონგრესი და სხვა. აღნიშნული ღონისძიებების მიზანშეწონილობის დასაბუთების მიზნით, საქართველოს პარლამენტის იმპლემენტაციის კომისიის მიერ დაგეგმილი იქნა ქვეყნის მთელი ტერიტორიაზე ქალების პოლიტიკურ მონაწილეობის გაზრდის მიზნით სხვადასხვა ტიპის ღონისძიებების ჩატარება. აღნიშნული ღონისძიებების ფარგლებში, ქვეყნის მთელი ტერიტორიაზე ჩატარდა მრავალი სემინარი, კონფერენცია, მუხრანის კონგრესი და სხვა.

представило только 17 женщин, а «Грузинская мечта» в список из 200 кандидатов, ввела только 33 женщин.

Кроме того, необходимо отметить их отношение к вопросу о документах предвыборной программы, которым никто из них не мог бы гордиться (см. схему № 1). Тем не менее, когда они в рамках проекта при финансовой поддержке Посольства Королевства Нидерландов («Содействие усилению демократических институтов в Грузии»)⁵⁶ зафиксировали свою позицию по вопросу необходимости увеличения вовлеченности женщин в политику, выявилась иная, крайне впечатляющая картина (см. схему №2). В частности, отмечается, что Единое национальное движение «направлено на поощрение равного участия женщин и мужчин в политической жизни». В целях содействия данной цели наиболее эффективным средством является принятие мер по поощрению политических партий. Примером тому является поправка в Избирательный кодекс, согласно которой любая партия, представившая в ходе выборов по партийным спискам на каждые 10 человек 2 человека другой половой принадлежности, получит на 10% больше полагающегося государственного финансирования.

Партия создала новое структурное подразделение – Департамент по вопросам гендерного равенства, который был направлен на поощрение гендерного равенства в вопросе формировании общественного мнения и в процессе принятия решений, также поощрения гендерного равенства на всех уровнях демократического управления в стране.

Единое национальное движение способствует обеспечению широкого активного участия женщин в мирных процессах на международном и национальном уровнях. В целях поддержки подобных, а также иных мероприятий, по инициативе фракции Единого национального движения в Парламенте Грузии создан Гендерный совет⁵⁷.

Согласно ответу «Грузинской мечты»: «Увеличение участия женщин должно вестись в двух направлениях – внутрипартийном и общеполитическом». Что касается первого аспекта, была основана коалиция Крыло женщин «Грузинской мечты», которая рассматривается в качестве механизма группирования и укрепления ресурсов женщин, работающих в нижних и средних звеньях. Глава Крыла женщин введена в политический совет партии – орган, принимающий решения. Из числа мобилизованных в Крыле женщин ресурсов, необходимо задействовать желающих кандидатов в верхних звеньях партийной организации, в целях расширения участия женщин в процессе принятия важных решений партии. Таким путем, партия будет в

⁵⁶ Проект предусматривал предоставление ответов на важные для общества вопросы, ответов равного объема (максимум 250 слов на каждый вопрос) на вопросы, заданные участвующими в выборах политическими субъектами, что являлось прекрасной возможностью для того, чтобы информировать общество о мнении того или иного политического субъекта по интересующему вопросу.

⁵⁷http://partiebi.ge/2012/index.php?action=compare&party_1_id=13&party_2_id=17&party_3_id=&thematic_id=17&lang=geo, см. 08.09.2013

краткосрочной перспективе двигаться к желаемой модели, которая будет противоположна модели – партийные женщины-активисты и принимающие решения мужчины. Что касается общеполитического процесса, «коалиция нацелена на соблюдение существующей законодательной нормы поощрения, предусмотренной в связи со списком парламентских выборов. Принимая во внимание то, что это положение является лишь отправной точкой, и ни при каких обстоятельствах не дает оснований для довольства, одной из приоритетных задач она признает наличие большего количества кандидатов-женщин в списках предстоящих национальных и местных выборов. Кроме того, особые усилия прилагаются выдвигению женщин в мажоритарные кандидаты и максимальному содействию этим кандидатам во время избирательной кампании»⁵⁸. Несмотря на то, что в программных документах у них слабо представлен вопрос участия женщин, уже в режиме вопроса, исходя из актуальности вопроса, с их стороны представлен широкий спектр обещаний.

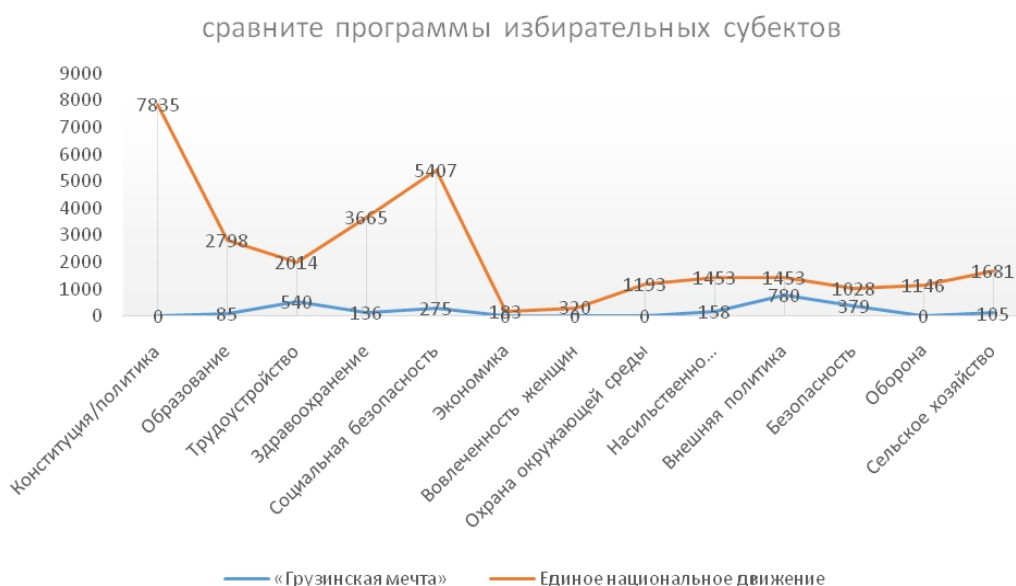
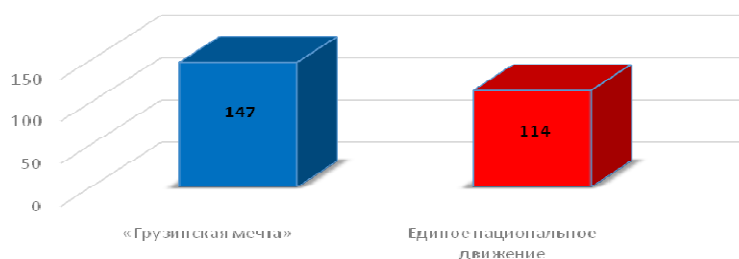

Схема № 1. По данным анализа программных документов за 2012 год.

⁵⁸ Там же

Схема №2. Результаты сравнения проекта «Усиление демократических институтов в Грузии» – участие женщин в политике (2012 год)

Во время президентских выборов 2013 года, в рамках данного проекта, видение кандидатов в президенты один и тех же политических объединений частично соответствовало видению их партии на парламентских выборах 2012 года (см. схему № 3).

Кандидат в президенты от «Национального движения» Давид Бакрадзе ограничился коротким ответом: он «не считает правильным ускорение процесса заимствования всех форм квотирования и т.н. гендерного мейнстриминга. Единое национальное движение приветствует последующую активизацию женщин в политике и поощрение данного процесса, приветствует также как поощрение формирования женских организаций партийных политических организаций, так и продвижение представительства женщин в партийных списках, в том числе посредством финансовых мотиваций».

В то же время, кандидат «Грузинской мечты» подробно зафиксировал свое мнение по этому вопросу: «В Грузии соучастие женщин в политике значительно ниже среднего показателя в Европе. На последних выборах, число женщин в Парламенте составляло лишь 6% – самый низкий показатель среди стран-участниц ОБСЕ. Ситуация сравнительно улучшилась во время парламентских выборов 2012 года, однако, представительство женщин, как в национальном законодательном органе, так и в органах местного самоуправления и исполнительной власти остается номинальной.

Женщины составляют половину населения, поэтому демократическая справедливость требует, чтобы их участие в процессе принятия решений было адекватным. Мы пока не можем говорить об истинной демократии, если половину населения в Парламенте представляет только 6, 10, 15%.

В этом направлении, Грузия может многому научиться из международного опыта. Прежде всего, необходимо, выдвинуть эти вопросы на общественную и политическую повестку дня. Для этого чрезвычайно важна воля правящей команды и, в целом, политической элиты.

Крайне важна работа с общественностью. Мы вместе должны преодолеть стереотипные представления о роли женщины и на основании общественного консенсуса создать общество, в котором любая женщина будет иметь возможность для самореализации. Женщины должны участвовать в процессе принятия решений, должны быть в кругу власти. Роль женщин в преобразовании Грузии в

женского пола, из них на выборах победил и стал единственным губернатором самоуправленческой общины кандидат от избирательного политического субъекта в Тианети от партии «Грузинская мечта» (см. таблицу №3). Что касается Тбилиси из 10 районных губернаторов только один женского пола – губернатор района Дидубе.

С конца 2014 первой половины 2015 года женское движение предстало перед обществом с беспрецедентной активностью.

Президент Грузии Георгий Маргвелашвили исходя из существующих в стране трудностей объявил 2015 год годом женщин⁶². На встрече 15 января в президентской резиденции со знаменитыми женщинами, он назвал факты насилия в отношении женщин, случившиеся в Грузии в 2014 году, шокирующей реальностью. По его словам, в канун 20-летия Пекинской декларации, когда все человечество наметило планы на будущее для обеспечения гендерного равенства, эта его инициатива, исходя из трудностей, стоящих перед грузинским обществом, была своевременной. Вместе с тем он добавил, что институт президента будет активно сотрудничать в рамках всех инициатив, которые будут связаны с искоренением существующего в обществе неравенства и осуществит мониторинг подобных фактов. По его мнению, выходом из этой проблемы является участие женщин в политике. Поэтому, по его словам: «Администрация президента поддержит процесс не только для того, чтобы как можно большее количество женщин служили нашей стране и семьям, и создавали лучшую страну, но и принимали решения на самом высоком уровне».

Необходимо отметить, что проводится множество мероприятий, направленных на повышение участия женщин в политике. Мероприятия проводятся с участием грузинских женщин-политиков, поддерживающих находящийся в эпицентре внимания в связи с вопросом гражданский сектор, который с июня 2014 лоббирует гендерную квоту по вопросу политического участия женщин, в качестве временной специальной меры, которая обязывает политические партии и избирательные блоки вводить в партийные списки каждого второго кандидата другого пола. «Эта инициатива адаптирована к нынешней избирательной системе, где 77 членов избираются по пропорциональной системе и 73 – мажоритарной. Предлагаемый механизм квотирования применяется только к пропорциональной избирательной системе и подлежит пересмотру в случае изменения избирательной системы. В случае проведения парламентских выборов в рамках существующей системы, из 77 членов, избираемых по пропорциональной системе (что составляет 25 процентов общего состава Парламента) предложенные квоты обеспечивают представительство 38 женщин-парламентариев»⁶³, – отметил председатель Совета гендерного равенства Парламента.

⁶² [ქვემოთხაზული ბმული: www.mfa.gov.ge/press/313061-პრეზიდენტ-ი-2015-ს-გადასაწყობად-გამ-თვალთვალებს-ღარი, 12.02.2015](#)

⁶³ [www.mfa.gov.ge/press/313061-პრეზიდენტ-ი-2015-ს-გადასაწყობად-გამ-თვალთვალებს-ღარი](#) см. 10.12. 2015.

Кроме того, Грузия несет ответственность на основании «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (CEDAW), согласно разработанной Комитетом в 2014 году рекомендации, в которой говорилось: «Правительство должно ввести предусмотренную Законом обязательную квоту для политических партий, в целях увеличения представительства женщин в национальных и местных законодательных органах»⁶⁴.

Следует также отметить, что система квотирования в целом, и не только в Грузии, вызывает расхождение мнений. Естественно имеются определенные аргументы с обеих сторон.

С целью политической активизации женщин в Грузии в последнее время проведено множество заслуживающих внимания мероприятий.

При обсуждении прав женщин и их участия в политических процессах необходимо остановить внимание на Международной конференции, проведенной в Тбилиси в ноябре 2015 года,⁶⁵ – «За гендерное равенство – требования и возможности в регионе соседствующей европейской политики». Основными темами обсуждения стали: расширение политических и экономических возможностей женщин, искоренение насилия в отношении женщин и девочек, также роль женщин в вопросах мира и безопасности.

В честь участников встречи, Президент Грузии сказал в своей речи: «Необходимо осознать, что в действительности, в целях создания более мощного, эффективного и действенного общества мы должны предоставить женщинам возможность осуществления более активной политической деятельности»⁶⁶. А возможность реализации этого метода, он видел в создании стабильной системы, со ссылкой на законопроект о гендерном балансе при предоставлении парламентских списков, что фактически определяет будущее участие женщин в политике и возможность создания путем активации женщин более здоровой, стабильной и сильной государственной системы.

На конференции выступил также премьер-министр Грузии, он отметил, что хотя ему представляется немного амбициозной цель стран-участников ООН – достичь к 2030 году принципа «Планета 50/50», он и его правительство сделают все возможное для достижения этой цели. По поводу проведенных Грузии последних действий в ходе разговора он добавил: «Мы предприняли важные шаги по увеличению вовлеченности женщин в политику, и мы надеемся, что наши усилия будут отражены в парламентских выборах в будущем году»⁶⁷.

Нынешний премьер-министр Георгий Квирикашили дал этой конференции высокую оценку и назвал ее «хорошей платформой для диалога». Как он отметил:

⁶⁴ [1] [2] [3] [4] . [5]

⁶⁵ [1] [2] [3] [4] [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19] [20] [21] [22] [23] [24] [25] [26] [27] [28] [29] [30] [31] [32] [33] [34] [35] [36] [37] [38] [39] [40] [41] [42] [43] [44] [45] [46] [47] [48] [49] [50] [51] [52] [53] [54] [55] [56] [57] [58] [59] [60] [61] [62] [63] [64] [65] [66] [67] [68] [69] [70] [71] [72] [73] [74] [75] [76] [77] [78] [79] [80] [81] [82] [83] [84] [85] [86] [87] [88] [89] [90] [91] [92] [93] [94] [95] [96] [97] [98] [99] [100]

⁶⁶ <http://www.parliament.gov.ge/press/2015-02/0-1> IBI-2015/გარდასაკვანძო-1-09დღე, [1] 12.11.2015.

⁶⁷ [1] [2] [3] [4] . [5]

«Страны, которые хотят демократического развития, должны быть ориентированы на общественную активность каждого человека. Процветание Грузии, как демократического государства, в значительной степени зависит от полного и равного участия женщин в деле политического, экономического и социального развития»⁶⁸. Он поблагодарил организаторов конференции за их поддержку и сотрудничество, и выразил надежду на то, что совместными усилиями станет возможно достижение целей.

В нынешней ситуации, когда страна активно обсуждает вопросы гендерного равенства на законодательном уровне, в частности, с точки зрения соблюдения международных правовых норм – «Внесение поправки в Закон Грузии о гендерном равенстве», когда очевидно, что в стране наблюдается большой интерес к вопросам политического участия женщин со стороны представителей общественных организаций и местных органов власти, основываясь на таком отношении к вопросу, следует надеяться, что в ближайшее время на законодательном уровне будет определен вопрос еще большего содействия участию женщин в политической жизни; будет осуществляться соответствующая поддержка со стороны политических партий и увеличиваться сознание общественности по отношению к вопросу, что в свою очередь создаст возможность повышения показателя участия женщин в политической жизни Грузии.

Таблица №2 Женщины-кандидаты на должность мэра городов с местным самоуправлением

№	Города с местным самоуправлением	Общее количество кандидатов в мэры	Количество женщин – кандидатов в мэры	Количество полученных голосов в процентах	Количество полученных голосов
1.	Тбилиси	14	2	1. 5.37%; 2. 2.46%.	1. 17 684 2. 8 091
2.	Телави	7	1	2.38%	180
3.	Рустави	9	0	0	0
4.	Мцхета	7	0	0	0
5.	Гори	7	1	0.61%	80
6.	Ахалцихе	4		0	0
7.	Амбролаури	2	0	0	0
8.	Кутаиси	7	2	1. 1.84%; 2. 1.32%.	1. 835 2. 601
9.	Озургети	8	1	2.79% (это порядковое 6-ое место)	199

⁶⁸ <http://www.democracyinaction.org/georgia/2015-02/0-08> თ-2015/კვანდასკვალ2.ჯგ. 11.11.2015.

10.	Зугдиди	4	1	4.21%	644
11.	Поти	4	0	0	0
12.	Батуми	11	0	0	0

Таблица №3. Женщины-кандидаты на должность губернаторов общины с местным самоуправлением.

Округ с местным самоуправлением	Представительствующий избирательный субъект	Количество кандидатов-женщин	Количество полученных голосов в процентах	Количество полученных голосов в цифрах
16. Кварели	№5 «Единое национальное движение»	1	24.24%	3 610
19. Тианети	№41 «Грузинская мечта»	1	47.37% (победило)	2 986
22. Марнеули	№13 «Будущая Грузия»	1	0.6%	173
27. Мцхета	№5 «Единое национальное движение»	1	11.81%	1 833
28. Душети	№8 Альянс патриотов Грузии Давида Тархан-Моурави	1	17.14%	1 904
47. Мestia	№6 Георгий Гачечиладзе – Партия Зеленых	1	15.11%	815
61. Ланчхути	№3 Нино Бурджанадзе – Единая оппозиция	1	6.18%	1 066
62. Чохатаури	№8 Альянс патриотов Грузии Давида Тархан-Моурави	1	25. 16%	2 903
81. Кобулети	№20 Шалва Нателашвили – Лейбористская партия Грузии	1	2.54%	791
83. Хелвачаури	№20. Шалва Нателашвили – Лейбористская партия Грузии	1	2.7%	500

Использованная литература:

1. http://www.cesko.ge/files/Documents/PDF/saxeli/daskvnebi_30_ivlisi.pdf, см. 10.09.2014
2. <http://www.osce.org/ka/odihr/elections/94617?download=true> Миссия по наблюдению за выборами Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ, см. 12.09.2015
3. http://partiebi.ge/2012/index.php?action=compare&party_1_id=13&party_2_id=17&party_3_id=&thematic_id=17&lang=geo, см. 08.09.2013

4. http://partiebi.ge/2012/index.php?action=compare&party_1_id=13&party_2_id=17&party_3_id=&thematic_id=17&lang=geo, см. 08.09.2013
5. <http://results2014.cec.gov.ge/>, см. 14.08. 2015
6. <http://www.cesko.ge/uploads/other/29/29271.pdf>, Отчет выборов представительных и исполнительных органов власти местного самоуправления 2014 года, см. 20.10. 2015
7. http://presidenti.ge/index.php?action=compare&party_1_id=16&party_2_id=12&party_3_id=&thematic_id=55&lang=geo, см.17.09.2014
8. <http://www.interpressnews.ge/ge/politika/313061-prezidentma-2015-tseli-qaltha-tslad-gamoackhada.html?ar=A>, см. 12.02. 2015
9. [file:///C:/Users/User/Downloads/manana-kobaxidzis-gamosvla%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/manana-kobaxidzis-gamosvla%20(1).pdf), см. 10.12. 2015
10. http://www.interpressnews.ge/photo/2015_02/0-1MAISI-2015/garibashvili-1_a9d6d.jp см. 12.11. 2015
11. http://www.interpressnews.ge/photo/2015_02/0-0SEQT-2015/kvirikashvili-2.jpg см. 11.11. 2015

МАЧАРАШВИЛИ Нани
НИПАРИШВИЛИ Тамила
НАПЕТВАРИДЗЕ Ладო
ЦХОВРЕБАДЗЕ Тинатин

**АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ ПАРЛАМЕНТА ГРУЗИИ
СОЗЫВА 1992-95 гг.: КАЧЕСТВО ДЕЛИБЕРАЦИИ МЕЖДУ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ (СОГЛАСНО ЭТИКЕ ДИСКУРСА
ХАБЕРМАСА)**

The parliament debates preceding the adoption of Constitution of Georgia (1995) are analyzed in the given paper. The study of functionality of legislative government is crucial for determining the nature of ongoing political processes. On the first stage of analysis, the quantitative research methods measuring index of discourse quality (DQI) was used. Mentioned method is based on Jurgen Habermas's discourse ethics theory and determines the most important principles of political debates. For this purposes different criteria are used, such are: The number of participants that were interrupted during their speeches; the quality of arguments presented in speeches; the contents of presentations; attitudes towards demands and arguments of others and etc. The data received from the first stage of analysis were then used for evaluating the quality of discussions between members of the parliament.

Одним из наиболее актуальных вопросов на сегодняшний день в международной научной сфере является исследование и анализ делиберационных процессов. Множество работ, статей и дискуссий посвящены изучению данной темы. Вопрос дискурса этики и исследования делиберации является актуальным, так как в проблеме развития государства и строительства демократической системы необходимым компонентом является культура дискуссии и возможности достижения консенсуса во время дебатов. Чем выше степень аргументированного обсуждения в политических организациях и государственных структурах конкретной страны, тем устойчивее и сильнее уровень демократии. Таким образом, ученые хотят знать, какие факторы и внешние обстоятельства влияют на формирование этики дискурса.

Исследование этики дискурса и делиберации в развивающихся странах является особенно интересным, в частности, в постсоветских странах (в нашем случае Грузия), где управление государством осуществляется с нарушением демократических принципов. Несмотря на то, что исследование процесса демократизации развивающихся стран является актуальным, изучение данных

вопросов в меньшей мере происходит на примере стран Восточной Европы. Большинство из них обрели независимость всего лишь два десятилетия назад, и поэтому, формирование их политической системы еще не завершилось. Важно изучить эти процессы, от начального этапа до современного периода, так как это позволит исследователям получить полную картину развития политической структуры, что в свою очередь упростит выявление существующих в системе недочетов.

Цель данной работы – рассмотрение качества делиберации и дискурса на основе изучения стенографических записей заседаний Парламента Грузии, что позволит выявить этапы и стадии формирования и развития демократии в Грузии, как в стране постсоветского пространства.

Задача работы состоит в том, чтобы четко проанализировать события, посредством которых выявляется процесс становления и развития демократии в Грузии.

Объектом исследования являются стенографические записи пленарных заседаний Парламента созыва 1992-95 гг. Стенографические записи пленарных заседаний подбирались, исходя из важности рассматриваемого вопроса. Законодательный орган данного созыва 24 августа 1995 года принял Конституцию Грузии. Поскольку Конституция является основным документом для государства и общества, изучение периода, предшествующего его принятию, выявляет то, каким настроением и видением характеризуется один из основных государственных органов Грузии – Парламент. Наконец, опираясь на анализ этих вопросов, можно будет оценить основы формирования страны в демократическое государство, а также текущие процессы.

При исследовании делиберации и этики дискурса в научных кругах предпочитают применять качественные методы. Поэтому для изучения представленных в работе исследуемых вопросов, выбран метод качественного исследования, в частности, контент-анализ стенографических записей парламентских пленарных заседаний.

После выдвижения инициативы о принятии Конституции, в 1995 году активно обсуждались вопросы, связанные с созданием и принятием Конституции. Возникла необходимость полного ознакомления исследовательской группы со стенографическими записями дебатов 1995 года. Оказалось, что обсуждению Конституции было уделено внимание с февраля 1995 года. Следует отметить, что принятие Конституции фактически произошло в срочном порядке. Об этом свидетельствует и тот факт, что рассмотрение вопроса в основном проводилось на парламентских заседаниях 22 марта, 22, 23, 24 августа 1995 года. Следовательно, в работе будет проанализировано качество дискурса дебатов, развернувшихся в связи с

принятием Конституции Грузии, на основе рассмотрения дебатов за указанный выше период.

Измерение природы дискурса можно представить себе как политический мост между теорией и эмпирией, но и это только в том случае, если он объективно отражает обе стороны этого моста. В то же время, такая единица измерения должна отвечать четырем основным критериям: вытекать из теории, применять метод наблюдения, быть общей и надежной.

Модель исследования, предложенная немецким ученым Юргеном Хабермасом, которая является показателем определения индекса качества этики дискурса, в свою очередь, включает в себя 7 различных индикаторов, в соответствии с которыми происходит оценка заранее определенного изучаемого материала. Таким образом, для оценки взглядов, мы использовали градацию 1-5 баллов, где 1 является самой негативной, и 5 баллов, соответственно, самой позитивной оценкой. Для измерения делиберации мы использовали контент-анализ. В данной модели исследования существует 7 индикаторов, в том числе: I-участие, II- качество аргументации, III- содержание аргументации, IV- уважение к группам, V- уважение требований других, VI- уважение к контраргументации и VII - конструктивная политика. Каждый из перечисленных в системе классификаций критериев обладает индивидуальной системой оценки, благодаря которой происходит присуждение баллов выступлениям докладчиков. Однако, чтобы достичь этого этапа, необходимо выделить и отсортировать релевантные заявления, определить, какой из докладов можно оценить согласно дискурсу этики Хабермаса, а какой нет.

Это зависит от содержания текста, а также его объема, так как в соответствии с указанными индикаторами не может быть оценен реплика из одного или двух предложений. Ответы показателей в этом случае не покажут качества ни аргументации, ни содержания, ни отношения к требованиям других, а также других показателей.

Процедура кодирования состоит из двух этапов; на первом этапе исследователи соглашались с тем, какое из выступлений является релевантным для исследования, можно ли оценить то или иное выступление согласно критериям этики дискурса, предложенного Хабермасом. Присвоение исследователями индивидуальных кодов, служит показателем надежности статистических данных, представленных в отчете, так как определение кода некоторых критериев зависит непосредственно от субъективного мнения эксперта по данному вопросу, что, в свою очередь, увеличивает вероятность получения необъективного результата. С учетом данного обстоятельства, исследование проводится четверью независимыми исследователями, которые в конце концов предоставляют друг другу полученные результаты, и в случае получения разных кодов отстаивают свои позиции при помощи аргументов, в результате чего приходят к общему коду. В случае, если ни один из исследователей не изменит собственной позиции, будут показаны отдельно коды каждого из них и

выявлен конечный результат, а затем будет произведено сравнение полученных результатов и выведение средней арифметической. Этот метод служит тому, чтобы результаты исследований оказались максимально достоверными и валидными.

Участие. В обсуждении в общей сложности приняли участие выступающие в количестве 91-го человека. Из них 26-ти выступающим прервали речь, и им присвоен код - 0. Остальным 65-ти – код 1. Например, в качестве примера прерванной речи мы можем рассмотреть доклад Луизы Шакиашвили (Блок Мшвидоба) – **"...Возможно, будущий парламент будет укомплектован людьми намного хуже, чем наш сегодняшний Парламент, ну хотя бы к примеру... (шум из зала, не слышно) Сейчас вы шутите, даже смеетесь, но.... "**

Данный показатель наименее всего зависит от субъективного мнения исследователя. При оценке данного критерия коды всех трех исследователей совпали друг с другом, и в общей сложности из 91-го доклада, только 65-ти выступающим была предоставлена возможность беспрепятственно завершить доклад. Таким образом, было установлено, что только в 71% случаев, не зафиксировано фактов вмешательства в доклады выступающих, что является достаточно низким показателем. Если обобщить вышесказанное, то можно сделать вывод о том, что прерывалось каждое третье выступление, а это является нарушением этики диалога и дебатов. В странах, где уровень дискурса высокий, количество докладов с вмешательством в речь говорящего, в основном равно 0.

Качество аргументации. Во время дебатов речь каждого говорящего оценивается по следующим кодам:

Код 0 - когда не приведены аргументы; в этом случае докладчик заявляет, что действие либо должно осуществиться, либо нет, но не указывает причины. Этот код используется также в случае, когда вывод поддерживают недостаточно убедительно, простыми иллюстрациями.

Код 1 – слабый аргумент; докладчик соглашается с одной из позиций, определенной в повестке дня, однако приводимые им аргументы являются общими и расплывчатыми.

Код 2 – квалифицированный аргумент; в этом случае в докладе присутствует четко сформулированный аргумент и объясняется причинно-следственная связь между аргументами и позицией, высказанной по вопросу, вынесенному на повестку дня.

Код 3 – безупречная аргументация; докладчик, который представляет по вопросу несколько аргументов, к тому же время, эти аргументы являются адекватными и уместными к проблеме, раскрывают экспертное отношение к этому вопросу, рассматривают суть проблемы и предлагают возможности ее решений.

Из 91-го доклада, рассматриваемого в исследовании, все доклады были оценены по указанному критерию, который имеет 4 различных кода, результаты выглядят следующим образом:

Код 0 – неаргументированное выступление– 21 доклад;

Код 1 –слабо аргументированное выступление– 42 доклада;

Код 2 – квалифицированная аргументация– 22 доклада;

Код 3 –софистская аргументация – 6 докладов;

Из 91-го доклада, только 28 оказались удовлетворительно аргументированными, остальные 63 не были аргументированы, или если были, приведенные аргументы не имели никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Полученные результаты ясно показывают, что большинство докладов не являлись четко и объективно аргументированными выступлениями, подавляющее большинство было основано на некачественных аргументах, что еще больше снижает показатель качества де-libерации.

Содержание аргумента – обязательное условие для определения отношения политиков к различным группам и важным для них вопросам.

Код 0 – присваивается **точно сформулированному заявлению**, которое связано с интересами группы. Если заявление докладчика относится к конкретной небольшой группе и ее интересам, то возможно одновременное рассмотрение вопросов нескольких групп.

Код 1 – нейтральное заявление: не представлены четкие сведения, отражающие интересы для избирателей, групп или общего благосостояния. Если в докладе выступающего конкретно не указывается та или иная группа, тем не менее, в зависимости от содержания тематики, возможно, что она само собой подразумевается.

Код 2 – точное заявление об общем благосостоянии, выраженное в утилитарных терминах, которое охватывает все общество или его основную часть. При оценке данного критерия допустимо использование контент-анализа, который включает в себя подсчет определенных слов (например, всей нации, большей части населения, целостности страны и т.д.), что дает возможность установить – касается ли вообще доклад благосостояния (Mill, 1998).

Код 3 – точное заявление об общем благосостоянии, выраженное различными специфическими словами. Речь идет о большей части общества, но не обществе в целом, например, об этнически, религиозны или других частях общества (Rawls 1971).

Как уже упоминалось выше, в содержании аргументации подразумеваются те группы, которые затрагивает выступление. Выше разъяснены коды, по которым

оценивается данный критерий. В общей сложности из всего количества изученных 91-го выступлений, были получены следующие результаты:

Код 0 – небольшие группы – 10 докладов;

Код 1 – нейтральное заявление – 28 докладов;

Код 2 – доклады об общем благе – 41 доклад;

Код 3 – о больших группах – 8 докладов.

Согласно полученным результатам, становится ясным содержание каждого выступления парламентариев. В количестве от 91-го до 49-ти выступлений речь шла о защите интересов общества в целом или большей его части. В 10 выступлениях речь шла о небольших группах, это мог быть один из комитетов Парламента, либо конституционная комиссия. В рамках этого кода рассматриваются различного вида ассоциации, состоящие из нескольких человек. Исходя из данных выше показателей, можно сделать вывод, что большинство докладов были связаны с вопросами общего благосостояния, другими словами, депутаты использовали общественные интересы для укрепления собственных аргументов.

Отношение к группам. Этот критерий непосредственно связан с предыдущей характеристикой – содержанием аргумента, согласно которому определяется, к какой из групп относится речь докладчика, либо вообще подразумевается ли конкретный автор. Следовательно, если отчет показывает отношение к какой-либо группе, можно определить характер этого отношения, однако в некоторых случаях из выступления не ясно, конкретно к кому, или чему относится доклад. Соответственно, указанный индикатор оценивается 3-мя кодами:

Код 0 – непочтительность: этот код присваивается выступлению в том случае, если говорящий говорит отрицательно о той или иной группе; в этом случае можно использовать контент-анализ (подсчитать слова негативного настроения), или проанализировать содержание.

Код 1 –имплицитное (скрытое) отношение: присваивается выступлению, когда не видно отношения говорящего к группе – ни отрицательного, ни положительного. В то же время, если проблема настолько масштабна, что сама по себе охватывает большую часть общества, но не упоминается в выступлении, ему все равно присваивается данный код.

Код 2 –эксплицитное (ярко выраженное) уважение: он используется в случае, когда в отношении группы сделано, по меньшей мере, одно положительное заявление, когда ясно выражено положительное отношение к определенным группам и индивидам. Из рассмотренных 91-го докладов большинство были оценены именно этим кодом.

Этот критерий напрямую связан с предыдущим индикатором – содержанием аргументации, так как в его случае определяется, к какой группе относится речь, а в

данном случае, устанавливается, каково было отношение говорящего к группе. В целом, результаты следующие:

Код 0 – неуважение – 9 докладов;

Код1 – скрытое отношение – 45 докладов;

Код2 – ярко выраженное уважение – 30 докладов;

В общей сложности из 91-го доклада, в 9-ти случаях выступления докладчиков просматривается негативный контекст по отношению к группе, которая рассматривается в докладе, а 30 отражают ярко выраженное уважение. В выступлениях 45-ти докладчиков не наблюдалось признаков, выражающих положительное или отрицательное настроение. Учитывая тот факт, что только в 35% докладов было очевидно ярко выраженное уважение к группе, которой касалось выступление, можно сделать вывод о том, что в этих дебатах, согласно данному критерию, в большинстве случаев парламентарии показывали низкую культуру делиберации.

Отношение к требованиям других – коды указанного критерия являются точным аналогом в соответствии с кодами предыдущего индикатора. Присвоение выступлению кода зависит от содержания доклада.

Код 0 – непочтительность;

Код 1 –имплицитное (скрытое) отношение;

Код 2 –эксплицитное (ярко выраженное) уважение;

Данный индикатор зафиксирован в 78-ми докладах из 91-го, что составило 44% от всех выступлений. В остальных выступлениях не выражалось отношение к требованиям других, а в тех 78 выступлениях, в которых исследователи оценили данный критерий, были зафиксированы следующие результаты:

Код 0 – непочтительность – 26 докладов;

Код 1 –имплицитное (скрытое) отношение – 20 докладов;

Код 2 –эксплицитное (ярко выраженное) уважение – 32 доклада;

В результате видно, что между негативным и позитивным отношением нет большой разницы, что указывает на то, что практически равное количество выступающих фиксировало как положительное, так и отрицательное мнение в связи с требованиями, стоящими на повестке дня или возникшими в процессе дебатов.

Отношение к контраргументам. Этот индикатор, как правило, представлен в наименьшем количестве, так как для его оценки необходимо, чтобы доклад одновременно удовлетворял несколько условий; во-первых, необходимо наличие сделанного замечания или критики в отношении конкретного доклада, и только

если докладчик, в отношении которого был высказан контраргумент, реагирует на него, можно оценить указанный индикатор в соответствии с различными кодами. В этом случае необходимо рассмотреть 2 доклада, один в качестве контраргумента, а другой в качестве ответа на этот контраргумент, с целью оценки в соответствии с 4-мя указанными кодами:

Код 0 – контраргументы, оставшиеся без внимания: имеются контраргументы, однако выступающий не обращает на них внимания;

Код 1 –контраргументы, которые приводятся в негативном контексте: к данному коду обращаются, когда докладчик реагирует на контраргумент негативными высказываниями, либо адресатами подобных заявлений являются те индивиды и группы, которые предоставили эти аргументы. Одного единственного отрицательного заявления достаточно для того, чтобы выступлению присвоили код 1;

Код 2 –контраргументы, имеющие в себе нейтральное утверждение: этот код используется в случае, если контраргумент упоминается в тексте докладчика, однако в связи с ним не сделано ни положительного, ни отрицательного комментария;

Код 3 – подтверждение истинности контраргумента: этот код используется, если контраргумент признан и очевидна его ценность. Присвоение подобных кодов происходит в тех случаях, если говорящий признает, что высказанный аргумент, либо замечание являются абсолютно правдивыми.

Исходя из специфичности критерия, в исследовании именно этот индикатор был зафиксирован в наименьшем количестве: из 91-го выступления только 32 случая, а присвоенные этим случаям коды перераспределены следующим образом:

Код 0 – оставить без внимания– 3;

Код 1 – негативное отношение – 21;

Код 2 – нейтральный– 3;

Код 3 – признание – 5;

На основании вышеизложенного, становится очевидным, какое отношение было у депутатов к критике, выражаемой в отношении их выступления. В 32-х случаях, только пять депутатов положительно приняли замечания либо критику, высказанные в отношении их предыдущей речи. В 72% случаев от общего количества отношение к контраргументам является резко отрицательным, они либо вообще остаются без внимания, или же получают радикально отрицательную оценку. Данные создают четкую картину того, как был рассмотрен показатель делиберации в ходе дебатов, и указывают на позиционистский характер дебатов.

Конструктивная политика. Конечный индикатор– забота о создании консенсуса, называется конструктивной политикой. В модели Хабермаса конструктивная политика оценивается по трем кодам:

Код 0 – позиционная политика: докладчики твердо стоят на своих позициях. Отсутствует попытка достижения компромисса, примирения или консенсуса. Позиция не совпадает с мнением большинства по этому вопросу.

Код 1 – альтернативное предложение: докладчик выдвигает медиаторское (посредническое) предложение, которое не соответствует текущей повестке дня, но относится к другой повестке дня. В этих случаях предложение действительно не является релевантным в отношении к нынешним дебатам, однако ему может быть уделено внимание в других дебатах.

Код 2 – медиаторское предложение: докладчик выдвигает предложение, которое совпадает с текущей повесткой дня.

Это последний итоговый критерий этики дискурса Хабермаса, в котором зафиксирована конечная позиция докладчиков и видно, изменили ли они свое первоначальное мнение, или же до конца остались при своем мнении. В результате анализа материала, мы имеем следующие данные:

Код 0 – позиционная политика – 15 докладов;

Код 1 – альтернативное предложение – 21 доклад;

Код 2 – медиаторское предложение – 46 докладов;

Следовательно, легко сделать вывод, что большинство докладчиков соглашалось с повесткой дня, из 82-х выступлений, которые оценивались по указанному критерию, 67 полностью или частично согласились с принятием вопроса, стоящего на повестке дня, и только 15 докладов содержали негативное отношение, но, тем не менее, в конечном счете, Парламент принял этот вопрос, при полной поддержке большинства депутатов, против было только 8 парламентариев.

Только 16% выступающих остались на своих позициях, а в конечном итоге в пользу 159-и голосов против 8-ми была принята Конституция Грузии, что составляет всего 4% от числа тех депутатов, которые принимали участие в голосовании в связи с принятием Конституции.

На основании полученных данных, можно сделать вывод о том, что низкий уровень участия в большей степени объясняется низким показателем делиберации членов Парламента 1992-1995 гг. созыва, в соотношении с их радикально отличающимся отношением к вопросу.

Выводы

24 августа 1995 года Парламент Грузии за три месяца своей работы, принял Конституцию, которая является правопреемником Конституции 1921 года. В Парламенте созыва 1992-95 гг. были представлены 24 различные партии, что теоретически указывает на плюралистический характер законодательного органа, а это является одной из ключевых ценностей демократии. Тем не менее, несмотря на то, что Парламент характеризовался многопартийным представительством, вторым вопросом является то, в какой же степени парламентарии реально выражали свои

независимые и индивидуальные позиции, работал ли указанный орган с учетом принципов демократии, как принимались важные решения, насколько аргументированы были со стороны депутатов доклады, которые служили защите интересов группы, насколько готовы были парламентарии принимать критику и замечания от своих оппонентов. Весь этот процесс дает четкую картину процесса, а для того, чтобы оценить динамику развития грузинского парламентаризма, необходимо, прежде всего, определить, на каком уровне находился он на первом этапе своей работы. Именно поэтому, необходимо оценить работу Парламента Грузии в решении таких важных вопросов, как принятие Конституции после восстановления государственной независимости страны.

Делиберация означает, что принятие политических решений должно зависеть от результатов дебатов, либо диалога, проведенного между различными группами. Принятие решения представляет собой процесс, когда участники дебатов слушают друг друга, с ответственностью обсуждают собственную позицию, проявляют взаимное уважение, в процессе рассмотрения конкретных действующих претензий, повторно оценивают и окончательно пересматривают свои первоначальные позиции. Учитывая тот факт, что определенный инструмент исследования предусматривает только дебаты, либо анализ дискуссии, не представляется возможным провести анализ результатов окончательно принятого решения.

Тем не менее, данный инструмент исследования эффективно оценивает качество политической делиберации, так как этика дискурса Хабермаса охватывает 7 критериев, посредством которых была установлена как степень аргументации в речи докладчиков, так и их отношение друг к другу, либо к возникшей проблеме.

Ниже приведена попытка отображения процентного показателя делиберации в цифрах, составленная работающей по данному вопросу группой грузинских ученых. Из приведенных семи критериев, взяты 5 критериев, которые наиболее ярко демонстрируют качество делиберации, после чего полученным данным присваиваются соответствующие баллы от 1-го до 10-ти. В итоге, максимальное количество баллов составляет 50.

Критерии, по которым будут присвоены баллы, являются следующими: 1 – участие, 2 – качество аргументации, 3 – уважение по отношению к группам, 4 – уважение по отношению к контраргументации, 5 – конструктивная политика. Будет определен процентный показатель указанных данных и, соответственно, будут присвоены баллы от 1-го до 10-ти.

В случае участия процентный показатель составляет 70, соответственно критерию присваивается 7 баллов. В случае степени аргументации, доклады, которые могут быть признаны аргументированными, составляют 30%, соответственно, им присваивается 3 балла. В случае уважения по отношению к группе, ярко выраженное уважение к группам зафиксировано у 35% выступающих, соответственно, ему присваивается 4 балла. Согласно критерию проявления

уважения к контраргументации, только 28% докладов, оцененных согласно расчетным данным, имели позитивное отношение, соответственно, ему присвоено 3 балла. В соответствии с конструктивной политикой, собственную позицию сохранили 16% выступающих, соответственно эти данные оцениваются в 2 балла. В целом из 50 возможных баллов степень делиберации Парламента Грузии в дебатах, развернутых в связи с принятием Конституции, составляет 19.

Таким образом, исследование доказало, что качество дебатов в законодательном органе Грузии не отвечало тем требованиям, которые должны удовлетворять ведение дискурса. Грузинские политики легко поддавались политическому влиянию сильного политического лидера. Они в меньшей мере сосредоточены были на аргументированных, логических, структурных и рациональных аспектах обсуждения, посредством которых определяется целесообразность обсуждения и достигается консенсус. Если сравнить качество грузинской политической делиберации с представленными Хабермасом характеристиками и результатами, ожидаемыми при их наличии, можно сказать, что в Грузии 90-х годов демократические процессы протекали с препятствиями и недочетами. Представители законодательного органа страны не обладали высокой политической и гражданской культурой, что является одним из наиболее важных факторов для демократического развития страны. Им не важна была роль участия граждан в процессе планирования политической жизни страны. Во время протекающих в Парламенте дебатов редко выказывалось взаимное уважение. В Парламентах последующего созыва указанные недочеты по возможности сокращаются, хотя все еще существуют проблемы, которые были актуальны для Парламента Грузии в 1990-х годах. Исходя из этого, желательно улучшение гражданской и политической культуры политических деятелей в законодательном органе страны, и повышение уровня активности граждан. Для этого необходимо повысить качество демократического образования, правительство должно поддерживать формирование среды, необходимой для развития демократических институтов, и активно сотрудничать с ними, а также с научными, правительственными и неправительственными секторами, принимать во внимание их мнения и заботиться о реализации полезных рекомендаций.

Аннотация

В работе представлен анализ дебатов, состоявшихся в Парламенте Грузии созыва 1992-1995 гг. в связи с принятием Конституции Грузии, определен индекс качества дискурса (DQI), методом количественного измерения рассмотрения дискурса, основанного на этике дискурса Хабермаса и обеспечивающего точное представление наиболее важных принципов, лежащих в основе политических дебатов или диалога. В данной работе представлен индекс качества дискурса

дебатов, состоявшихся в Парламенте Грузии, и качества конкретных дебатов, установленных посредством количественных данных. Поскольку законодательный орган страны отражает существующую в стране ситуацию, можно сказать, что исходя из этого, было определено, насколько демократичны были процессы, происходящие в тот период в Парламенте Грузии и во всей стране.

Литература:

Заседание Парламента Грузии 22 марта 1995г; Стенографическая запись;
Заседание Парламента Грузии 22 августа 1995г; Стенографическая запись;
Заседание Парламента Грузии 23 августа 1995г; Стенографическая запись;
Заседание Парламента Грузии 24 августа 1995г; Стенографическая запись;

1. <http://blogs.unpad.ac.id/teddykw/files/2012/07/Jurgen-Habermas-Theory-of-Communicative-Action-Volume-1.pdf>
2. http://www.pravo.unizg.hr/download/repository/Jurgen_Habermas_The_theory_of_communicative_action.pdf
3. <http://www.csudh.edu/dearhabermas/publsbm01.htm>
4. <http://caae.phil.cmu.edu/cavalier/Forum/meta/background/agimmler.html>
5. <http://www.wisegeek.com/what-is-discourse-ethics.htm>
6. <http://www.abebooks.com/Theory-Communicative-Action-Jurgen-Habermas-Polity/6226964826/bd>
7. <http://www.amazon.co.uk/Knowledge-Human-Interests-Jurgen-Habermas/dp/0745604595>
8. <http://content.csbs.utah.edu/~burbank/steenbergen2003.pdf>

ABASHIDZE Zviad

PhD, Assistant-Professor Department of Political Science

Tbilisi State University

EUROPEAN REGULATIONS OF MINORITIES FROM THE GEORGIAN PERSPECTIVES

The aim of the article is to clarify the main trends of politics and policies on ethnic minorities in Georgian post-socialist key. The civic integration and ethnic fragmentation is turned out as one of the chief challenges for successful democratic state-building in Georgia after the collapse of the Soviet Union. The general problem of stateness and weaknesses of the political institutions have been the cornerstones of such challenges. Therefore, without the overcoming the “failed state” syndrome, there is no real perspectives of future successful civic integration. Despite of certain improvements in the sphere, the challenge has remained as deep and sharp.

Ethnic diversity and cultural pluralism has been one of the crucial and problematic challenges for post-communist Georgia. So called “ethnic conflicts” occurred in 90th of past century and 2008 Russian-Georgian war portrayed the main frames of ethnic relationship post-communist Georgian story.

The goal of the current paper is to highlight the main international institutional, namely European engagement in Georgia’s actual ethnic relationship policies and Georgia’s readiness of implementation of European regulations concerning the Minorities. There are several document that regulate the minority issues on Euroepan context. The documents mostly are not obligatory, but bears strict recomendational charachter. Therefore, each Nation-State that is more or less associated to Euroepan political context, is exptected them to be fulfilled.

1. *Obstacles of definition of “minoroties”*

There is no clear juruducal definition of “national/ethnic minoroties” in International Law. As a result of such ambiguity, the definition of “minorities” remains the juridical prerogatives of given nation-state (e.g. France, Greece and Turkey rejects the existance of “minoroties” within their frames).⁶⁹ In western realities, firts case of definition of “national minorities” is comming from UN 1992 declaration concerning the personalities belonging to national/ethnic, religiuous and linguistic minorities. Relatavley success of such definition has got within the frames of European context. Firts mention of such “success” is seen in 1992’s Euroepan declaration on minorities and regional languages by the Council of Europe. In such case, the definitiona is indirect and highlights the linguistic belonging as marker of being a minority. The approach does not bear the

⁶⁹ ჩონწყი ძსუეს მ ანსტრამ ჩგ ჩ შოუტ ჩ აუცასუს ა პრეტცალუელე. თბილი 2011. პპ.8
ჰტტპ://www.ევმ ილ/უპლად/ტ-ფუბლ/ ჩონწყი-ძსუეს-შოუტ-ჩ აუცასუს-ფულსტკპლ

universalistic character and remains only as significant in European context. Moreover, there is no definition of “minorities” in European Framework Convention of Minorities adopted by the Council of Europe in 1994.⁷⁰

The case of countries of South Caucasus expresses well such obstacles of definition. In Armenia there was not reached any agreement on “minorities” during the process of adoption of juridical regulations of such field. In Azerbaijan’s internal jurisdiction mentions the concept of “national minorities; but does not specify the groups of people of belonging to such minority. “The National Conception of Tolerance and Civic Integration” of Georgia, adopted in 2009 defines in very general way the existence of “minorities”, but avoids any further concretisation of the issue⁷¹.

As far as, there is no clear definition of “national/ethnic minorities” by the international law, the question strictly remains under the prerogatives of given nation-states, but is heavily subordinated to the general international humanitarian law, that in its turn has been mostly expressed in the Constitutions and other juridical regulations of each country.

2. *European Regulations of “Minorities”*

There are several formal documents and regulations on minorities within the European political context, that does not bear any juridical obligatory character, but have strictly recommendation face for nation-state that are in some ways connected or associated to European political/public space.

These documents are the following:⁷²

European Charter of Minority Languages. The main goal of such document is to take care on languages that are standing on the lines of extinction. From the South Caucasus only Armenia is the fully connected to the Charter. Azerbaijan only signed out it without ratification. Georgia still has not signed, nor ratified the one.

European Framework Convention for the Protection of National Minorities adopted by the Council of Europe in 1994/5. The main object of the Convention is to underline the necessity defence of such minorities who populate the concrete geographic area. Georgia has been fully connected to the Convention since 2006.

European Commission on Racism and intolerance. The commission is working within the frames of Council of Europe and monitoring the cases on racism and intolerance in every member state. Member states are obliged to write a reports about the question in their home countries. Georgia as member of Council of Europe operates within the frames of the Commission.

⁷⁰ იხილ. პპ. 46-60

⁷¹ ჩინოვნიკი დასუსტებს მ ანსტრამ ჩგ ჩ შოუტ ჩ აუცასუს ა პრეტენდენტული. თბილისი 2011. პპ.9

⁷² ჩინოვნიკი დასუსტებს მ ანსტრამ ჩგ ჩ შოუტ ჩ აუცასუს ა პრეტენდენტული. თბილისი 2011. პპ.17

Number of documents adopted by the OSCE since 1989. There are several regulations within the frames of OSCE on minorities, such as a) Hague recommendations Regarding Education Rights of National Minorities (1996), b) Oslo Declaration of Regarding the Linguistic Rights of National Minorities (1998), c) Lund recommendations of effective participation of National Minorities in public life and etc.⁷³ As far as Georgia is the member of the OSCE, it has to meet with fulfilment of such regulations in some way.

At the same time, we should mention that, EU does not have any special mandate on minority regulations and it operates more within the frames of Council of Europe, but it does not mean the absence of EU at all from the context of minorities. The minority questions turned out very crucial for EU during its enlargement process and one of the important topics of negotiations with candidate (or possible candidate) states has been still remained the case of minorities relevant treatment.⁷⁴

3. Georgia and European regulations

In 2014, 2nd of May the Antidiscriminatory Law was adopted by the Georgian Parliament, which highlighted the importance of eradication of all kind of discrimination, among them the discrimination on ethnic base.⁷⁵ In spite of presence of certain codifications (civic code, criminal law, Georgian Constitution and etc.) on Georgian political space, bearing the antidiscrimination clauses, the Law was adopted specially as prerequisite of Association Agreement with EU and therefore, the consideration of it as only Georgian independent decision is not just. After the adoption of the Law, in 2014, 27th of June the Association Agreement was signed and little later on 18th of July was ratified by the Georgian side,⁷⁶ which connected Georgia stronger with EU general space, despite the fact, that the Agreement does not mean the Georgian EU membership. Along with some other issues, the Agreement underlies the needs for more workable regulations of minorities, but the question has been examined with the broader context of human rights and is not the subject of separate reasonings. The Agreement stresses on peaceful resolution of conflicts, which is a kind of normative base of minority regulations in direct or indirect ways.⁷⁷

The above mentioned regulations have the significant impact on Georgian realities, as directly as indirectly and create the kind of new frames concerning the minorities. Among them, the European regulations are more influential and vivid for Georgian Polity. Georgia, practically is connected to the whole package of international humanitarian law,

⁷³ [ბლ25-35](#)

⁷⁴ [ბლ 3.75](#)

⁷⁵ [ქვე://ცვლევ/გეოარტელ.პპპ?ლ=28143](#)

⁷⁶ [ქვე://ცვლევ/გეოარტელ.პპპ?ლ=28408](#)

⁷⁷ ასოციაციის შესახებ შეთანხმება ერთი მხრივ, ევროკავშირს და ევროპის ატომური ენერჯის გაერთიანებას და მათ წევრ სახელმწიფოებსა და მეორეს მხრივ, საქართველოს შორის [/ქვე://მ.ფ.ეფ.გე/ნფს.პპპ?ლ= &სეც=30&ნფს=17011](#)

but there are certain European regulations which has not been signed out by Georgian side yet, and therefore their implementation and performance in practice has been weak.

One of the those documents which has not been signed from the Georgian side is the European Charter of Minority Languages, in spite of Georgia's obligation of signing it undertaken during the membership of Council of Europe. The reasons of absence of signature is clear. If Georgia sign the Charter, it will likely recognize the existence of 19 languages and therefore needs of creation of special regulations for their preserving. Among the languages the recognition of Megrelian and Svan languages as minorities languages are the most controversial. According the certain types of linguists, the Megrelian and Svan languages are formed languages without alphabet and writing culture traditions. Some linguists examine Svan and Megrelian as the only the strong dialects of common Georgian and thus their recognition as independent language branch does not overlap the linguistic realities and create the artificial demarcation lines within the broader Georgian identity and makes the obvious frames for potential separatism.⁷⁸ Moreover, along with such "language", in possible perspectives, Georgia will meet the need of formalization of every minorities languages, that is the additional threat of Georgian statehood in general. Maybe some minority does not need the special care (Armenian and Azerbaijanian) as far as they have their kin "historical homelands" where such languages bears the status of official, state languages. In short, Georgia tries to avoid the formalisation of minority languages (except of Abkhazian Constitutional Official Language status on territory of Abkhazia) from the perspectives of fear of possible future disintegration of statehood. Such fear is not ungrounded, if we look through the Georgian post-communist separatism history. As long as separatists sentiments sometimes are traced on certain regions of the country populated compactly by ethnically non-Georgians, the signing process of mentioned Charter morally looks very illegitimate from the perspectives of Georgian political/public discourse. According to some studies of East-Central Europe, the security issues play the enormous role in creation of official policies to minorities. By many scientists, such ethno-political sentiments of East-Central Europe, has been characterised as "securitisation". In many cases, the understanding of minorities as allied forces with enemies are quite widespread in the region.⁷⁹ Such description is the very relevant for understanding the ethno-political sentiments in Georgia as well connected with the Charter.

From the other side, Georgia has been connected to European Framework Convention of Minorities since 2006 and the implementation of it occupies the significant position of political agenda. The clear articulation of such policies is the adoption of "National Convention of Tolerance and Civic Integration" in 2008, which creates the

⁷⁸ ტარიელ ფუტყარაძე, "ენის ქართია და თანამედროვე საქართველოს ენობრივი სიტუაცია", [www.georgianjournal.com/2014/03/23/2014-03-23-ტარიელ-ფუტყარაძე-ენის-ქართია-და-თანამედროვე-საქართველოს-ენობრივი-სიტუაცია/](#)

⁷⁹ კონსტანტინე ჯორჯაძე, "საქართველოში უმცირესობების ინტეგრირების პრობლემატიკა", [www.georgianjournal.com/2014/03/23/2014-03-23-კონსტანტინე-ჯორჯაძე-საქართველოში-უმცირესობების-ინტეგრირების-პრობლემატიკა/](#)

certain normative base for development of policies on minorities. The Convention stresses on the obligation of submission of special reports on minorities civic inclusion and integration before the Council of Europe which is the broader European institutional duty in its turn. In spite of formal fulfilment of European normative obligations, Georgia meets certain problems during the adoption of special policies as well, that has been well expressed in lack of civic/language education and provision of employment of minorities. Georgian side recognizes such realities, but from the Georgian perspectives, it is rather a result of countries general poor social-economic performance and does not indicate on special discriminatory attitudes of general Georgian public to minorities.

Georgia officially does not reject the repatriation process of so called “Meskhetian-Turks” to their former homeland (that is the one of the obligations undertaken by Georgian state before the Council of Europe prior to its membership), but there is no official date and timing of fulfilment of such policy.⁸⁰

The political developments has taken place after the so called “Rose Revolution” of 2003 proposed many institutional changes, including the Constitutional ones. The question of minorities took more “respectful” place in political agenda. The fact was determined as according to internal need as international obligations.

After the 2003, several official structures were created working on minorities. After the 2004, State apparatus on civic integration has been appeared as responsible branch of minority issues, but after governmental changes the obligations of on minorities was undertaken by the State Ministry of Reintegration (after 2012 elections, State Ministry of Reconciliation and Civic Equality). At the same time, the Council of Tolerance and Civic Integration was created, who shared the obligations and operations on the issues with Advisor of the President on Civic Integration. As a result of such joint operation, Georgian government in 2009 approved the National Convention of Tolerance and Civic Integration. In 2006, Georgia signed the European Framework Convention on Minorities and took the obligation for signing on European Charter of Minority languages.⁸¹ The Council of Tolerance and Civic Integration was delegated the power for working on relevant policies on minorities. As a result, the Council adopted the „National Convention of Tolerance and Civic Integration and its implementation plan“.⁸²

Actually, the issues of ethnic minorities and civic integration is the competence of several governmental branches and there is no one centralized institution on minorities. In spite of coordinating role of State Ministry of Reconciliation and Civic Equality, such ministry does not bear the full competences of the field.

⁸⁰ ჩორჩიძე მანუჩაშვილი, *ჩრდილოეთ კავკასიის მცხოვრებლები*, თბილისი, 2011, გვ.120-125

⁸¹ [http://www.mrc.gov.ge/](#) / *ეროვნულ უმცირესობათა მართვის ინსტიტუტის საქართველოში,*

მიმოხილვა; ჩ I – სამუშაო მოხსენება № 43, სექტემბერი 2009, [www.mrc.gov.ge](#)

⁸² *უმცირესობების და სამოქალაქო ინტეგრაციის ეროვნული კონვენციის და სამოქმედო გეგმის დამტკიცების შესახებ* / [www.mrc.gov.ge](#)

From the legislative branch, the Standing committee of Human Rights and Civic Integration has been directly involved in the sphere. At the same time, here are some other Committees working on minorities, but their operations are expressed more in indirect ways. There is one additional branch on minorities within the apparatus of State Ambudsman, Council of Minorities, but its obligations are rather recommendational and therefore is not the part official decision/policy-making.⁸³

The functions of mentioned structures are confused very often, that causes the certain problems in effective policy-making. The representatives of International Communities are requiring the the creation of central, authoritative institution with clear competences on the issues, but there is less motivation from the Georgian political elites to meet with the desires of international community from this perspectives.⁸⁴

Conclusion

We can conclude the several tendencies. Approachment with EU does not mean the activation any regulatory function toward Georgia from EU side. At the same time, close approachment with European institutions has been heavily based on respect of human rights and relevancy on respect and fulfilment to those regulations to which Georgia is the official member. Despite the absence of separate regulations connected to national/ethnic minorities, that does not mean the ignorance of the question, because of its strong connection with broader human rights issues. The question is also highlighted in EU Association Agreement. That's why, Georgia have to pay more attention to minority issues in the future and the possible requirements will rise from EU side more, than it was before. At the same time, Georgia is the full member of Council of Europe and there are number of obligations standing before the Country concerning to human rights and among them the minority cases, that are waiting to be fulfilled. Indeed, the Council of Europe is the EU's outside standing institution, but Association Agreement has the indirect affect on such questions. The fact is also confirmed from the official representatives of Georgian relevant public offices in interviews when they are involved in negotiations in European institutions.⁸⁵ That's why it is legitimate to examine the civic integration issues as not only as internal framework of Georgia, but its international obligation as well.

Bibliography

1. Giorgi Sordia / *erovnul umciresobaTa marTvis institutebi saqarTveloSi, mimoxilva*; ECMI – samuSao moxseneba # 43, seqtemberi 2009, www.ecmigeorgia.org

⁸³ იქვე

⁸⁴ ეთნიკური უმცირესობების სამოქალაქო ინტეგრაციის პოლიტიკის ანალიზი / ბტკპ-პოლიტიკის კვლევის ჯგუფი, ეთნიკური უმცირესობების პროგრამა, თბილისი 2008, წყ.ბტკპპ

⁸⁵ ინტერვიუ წეს თანა პოტენციური ჩ შეფუთვით ჩ ვერცხონ ლპარტ ენტ ჩაქუ ლურცხსდგონ ანდცივ ექუაფ. 10/06/14

2. *eTnikuri umciresobebis samoqalaqo integraciis politikis analizi* / btkk-politikis kvlevis jgufi, eTnikuri umciresobebis programa, Tbilisi 2008, www.btkk.ge
3. taniel futkaraZe, “enis qartia da Tanamedrove saqarTvelos enobrivi situacia”
<http://www.putkaradze.ge/cigni%20dasrulebuli/links/2.3.2.htm>
4. Daniel Smihula / *Definition of national minorities in International law* / Oct. 2009, Volume 6, No. 5 (serial No. 48), Journal of US-China Administration, ISSN 1548-6591, USA, pp. 45
5. Hans. *The Idea of Nationalism: A Study of Its Origins and Background*. First ed. New York: The Macmillan Company, 1944
6. Minority issues mainstreaming in South Caucasus: a practical guide. Tbilisi, 2011. pp.8
http://www.ecmi.de/uploads/tx_lfpubdb/Minority_Issues_South_Caucasus_fulltext.pdf
7. Judi Toth / Kin Minority, Kin-state and Neighbourhood policy in the Enraged Europe, pp.73-74. https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no9_ses/05_toth.pdf
8. John Rex and Gurhpal Sigh / Multiculturalism and Political Integration in Modern-Nation-States – Thematic Introduction / Journal on Multicultural Societies (IJMS), Vo. 5, No. 1, 2003:3-19 ISSN 1817-4574, www.iunesco.org/shs/ijms, pp.3-4
9. ასოცირების შესახებ შეთანხმება ერთის მხრივ, ევროკავშირს და ევროპის ატომური ენერჯის გაერთიანებას და მათ წევრ სახელმწიფოებსა და მეორეს მხრივ, საქართველოს შორის /http://mfa.gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=30&info_id=17011
9. Semwynareblobis da samoqalaqo integraciis erovnuli koncefciis da samoqmedo gegmis damtkicebis Sesaxeb / www.diversity.ge
10. Interview with Tina Ghoggeliani, Chief of civic integration department, Ministry of reconsiliation and civic equality.10/06/14
11. <http://civil.ge/geo/article.php?id=28505>
12. <http://civil.ge/geo/article.php?id=28143>
13. <http://civil.ge/geo/article.php?id=28408>